

НАШИ ДНИ

№ 2

1960

Этот сборник является свободной трибуной российской политической оппозиции. Мы освещаем в нем те общественно-политические вопросы, которыми живет наша современность. Только при свободном обмене мнений утвердится основа здорового и благоустроенного общества, построенного на праве, свободе и солидарном сотрудничестве всех сил народа.

Мы передаем этот сборник в руки наших соотечественников, призывая их к активному участию в раскрытии и определении новых политических и духовных форм нашей общественной жизни.

Страницы нашего сборника открыты для всех, кому дорога судьба нашей родины. Мы ждем ваших откликов и вашего сотрудничества. Пишите нам по адресу:

Possev-Verlag, Frankfurt am Main, Merianstr. 24-a, Germany

Редакция

Слушайте радиостанцию НТС

«Свободная Россия»

Она работает ежедневно на волнах 26,0 и 46,7 метров
с 12.30 до 17.30 и с 19.00 до 22.30 часов
по московскому времени

НАШИ ДНИ

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Издание Народно-Трудового Союза

№ 2

1960

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Г а р а н и н. Кто правит страной сегодня?	3
В. П о р е м с к и й. Вопросы революционной тактики в новых условиях	28
И. К у р г а н о в. Современная стратегия коммунизма	43
А. С в е т о в. О некоторых итогах переписи населения	63
К. К и п и а н и. Национальная политика должна быть честной и справедливой	87
С. К и р с а н о в. Государство — эксплуататор или благодетель?	94
Б. К и р ю ш и н. Где же Аполлон?	103

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Л. З а л ь ц б е р г. Экономика свободного мира в 1959 году	137
В л. А р с е н ь е в. Трагедия извечного вопроса	145
Л. З. Советский человек	152
Ю. В а с и л ь е в. Письмо в редакцию	156

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Из резолюции Совета НТС	159
-------------------------	-----

Кто правит страной сегодня?

Евг. Гаранин

На XX съезде Хрущев уверял партию, что вся полнота власти в стране принадлежит Президиуму ЦК КПСС. «Президиум ЦК, — заявил он, — стал регулярно действующим и коллективным органом, в поле зрения которого находятся все наиболее важные вопросы жизни партии и страны». Можно, пожалуй, согласиться, что четыре года тому назад это так и было. Однако с тех пор многое изменилось.

На июньском пленуме ЦК КПСС 1957 года из президиума изгнали Мологова, Маленкова, Кагановича, Шепилова и Сабурова. Позднее их участь разделили Жуков и Булганин. Первухин был переведен из членов в кандидаты. Из 11 членов президиума избранных на XX съезде сегодня осталось 5: Ворошилов, Кириченко, Микоян, Суслев и Хрущев.

Недавно произошли новые изменения в составе президиума. Снят с работы в ЦК КПСС и послан в Ростов один из ближайших помощников и друзей Хрущева — Алексей Кириченко. Несколько лет тому назад Хрущев поднял его из политического небытия на самую вершину власти. В высоких партийных кругах Москвы ходили слухи, что Хрущев его прочит в свои преемники по партии. Так ли это или нет, но Кириченко последние два года был фактическим хозяином руководящих кадров партии. И, вдруг . . .

На декабрьском пленуме ЦК минувшего года Хрущев подверг прубому разносу и шельмованию двух других «руководителей партии и правительства» Беляева и Мазурова. Вскоре затем Беляева сняли с поста первого секретаря ЦК партии Казахстана и послали в Ставропольский край.

За минувшие несколько месяцев «перетряхиванию с хирургическим вмешательством» подверглись некоторые другие партийные комитеты республиканского и областного масштаба.

О чем же говорят эти факты? Частая и непрерывная смена лиц на вершине власти означает, что сама власть находится в неустойчивом положении. Ничто так точно не определяет кризисное состояние власти, как метание в политике и частые перемены на верхах. Но из кого же состоят эти «верхи»? Может быть это высший слой партийной бюрократии? Или, наоборот, это узкая группа диктаторов? А, возможно, хозяином положения полностью стал Хрущев и «коллективное руководство» выродилось в коллегию советников при диктаторе?

Ответ на эти вопросы имеет весьма важное политическое значение.

Казалось бы не все ли равно, насилует ли волю огромной страны только один или же несколько негодяев. Но жизнь показывает, что хотя природа и конечные цели коммунистической власти остаются в общем неизменными, ее тактика может существенно меняться и это во многом зависит от личностей, стоящих на вершине власти. Характер, интеллект, взгляды диктаторов и их окружения несомненно накладывают определенный, часто весьма значительный отпечаток на методы и стиль властвования. Ленинский стиль руководства существенно отличался от сталинского и не только в силу иной политической обстановки, а и потому, что это были люди разных типов и характеров.

Зная, кто фактически принимает окончательные решения по важнейшим вопросам внешней и внутренней политики, можно предвидеть ту или иную тактику власти, ту или иную ее реакцию на развитие событий. Это особенно важно знать сейчас имея в виду особую политическую обстановку в стране и приближение совещания «четырех».

Положение в Советском Союзе очень сложное. Великое множество хрущевских речей и обещаний одних успокаивает и настраивает на мирный лад, других, наоборот, настораживает и волнует.

Консолидировать общество и примирить враждующие группы Хрущеву не удалось. Острые дискуссии среди деятелей культуры продолжают. Вокруг некоторых писателей образуются группы молодой интеллигенции, которая понимает, что диктатура и свобода несовместимы. Острые споры в прессе и на собраниях не прекращаются. Водораздел между сторонниками и противниками нынешнего строя становится все отчетливее. Власть признает банкротство партийной идеологии. Хрущевский практицизм и оппортунизм на-

несли ей существенный урон. Партия уже не может скрыть усиление «чуждой идеологии», рост активности политического и религиозного подполья. Она вынуждена признать, что в стране существуют и действуют революционные группы, ползут тревожные слухи — предвестники больших исторических событий.

Частнособственническая стихия растет и уже потрясает экономическую систему. Трусливые полумеры в перестройке сельского хозяйства и промышленности не удовлетворяют общество и вызывают раздражение и новые требования. Ревизионисты и реформисты изменили тактику и атакуют различные мероприятия Хрущева под защитой официальной фразеологии. В ходе выполнения первого года семилетки резко обострились противоречия между интересами народного хозяйства и бюрократической централизацией, между запросами населения и стремлением власти создать «решающий перевес» над Западом, между всем ходом общественного развития и диктатурой. Ожидание кардинальных перемен становится все нетерпеливее. Способна ли власть их предложить и осуществить?

В мае состоится встреча «четырех». Судя по заявлениям Хрущева на сессии Верховного Совета 14 января и в дальнейшем на встречах с государственными деятелями Запаदा советское правительство не откажется от своих притязаний на Западный Берлин. Хрущев готов, что угодно пообещать в будущем, но за эти обещания уже сегодня хочет получить компенсацию. Уступка коммунистам в германском вопросе означала бы частичную политическую капитуляцию свободного мира, ибо, отдав Западный Берлин, лидеры Запаदा уже не удержатся на старых позициях. Это, пожалуй, они понимают и поэтому вряд ли согласятся на требования Хрущева, что неизбежно заведет совещание в тупик. Полностью выйти из этого тупика «четверка» не сможет, поскольку интересы у Хрущева и у его партнеров несоединимы. Но ни одна из сторон сегодня не хочет еще разрыва и резкого обострения международной обстановки. Поэтому нужно ожидать, что будут поиски частичных решений и попытки перенести острые проблемы на новые встречи и конференции. Мировую общественность участники встречи постараются успокоить перспективами сосуществования и разоружения, а «вопрос всех вопросов» будет отодвинут до поры.

К чему приведет такая политика трудно сказать, но можно предвидеть организацию Хрущевым новых еще более

«впечатляющих» провокаций, чем запуск ракет в район Тихого океана. Психологическое давление КПСС на общественное мнение и правительства свободного мира еще усилится и напряжение в мире при известных условиях может подняться до точки кипения.

Многое будет зависеть от тех, в чьих руках сегодня фактическая власть в Советском Союзе и от того, насколько осмотрительно они будут ею пользоваться. Поэтому очень важно установить, кто же в это кризисное и напряженное время правит нашей страной.

Прежде чем ответить на этот вопрос мне придется немного обратиться к теории.

*

Кажется нет ничего проще, банальнее и наивнее вопроса, который мы поставили перед собой в заглавии статьи. В самом деле, кто не знает, что у власти в нашей стране бесменно находится единственная партия — партия коммунистов. Кому неизвестно, что Советы являются исполнительными органами этой партии, «одним из рычагов, через который партия осуществляет связь с широкими массами трудящихся»¹⁾. Но поставьте этот же вопрос любому советскому школьнику, едва поддержавшему в руках азбуку коммунизма, и он не задумываясь вам ответит: «У нас диктатура пролетариата, которую осуществляют Советы, руководимые коммунистической партией». И в этой заученной им казенной фразе лжи больше чем слов.

Чтобы более обоснованно и убедительно ответить на наш «простой» вопрос, придется начать с возражения «советскому школьнику».

Ленин любил повторять, что вопрос о диктатуре пролетариата является главным в марксизме. Он горячо защищал известное место из «Критики Голской программы», где Маркс говорит, что государство переходного периода между капитализмом и коммунизмом не может быть ничем иным, кроме как диктатурой пролетариата. При этом под диктатурой Ленин понимал «ничем не ограниченную, никакими законами, абсолютно никакими правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть»²⁾.

Такую абсолютную власть никакой класс и никакое

1) «Правда» 24. 2. 1957 г.

2) Ленин. Собр. соч. Том 25, стр. 441.

сословие осуществлять практически не могут. Нельзя, всерьез, себе представить, чтобы весь пролетариат мог непосредственно управлять государством и диктовать остальному населению свою волю. Ленин это отлично понимал и идея диктатуры пролетариата была ему нужна для маскировки своих подлинных намерений. Придя к власти Ленин использовал идею диктатуры пролетариата для утверждения диктатуры коммунистической партии и своей личной диктатуры. Он отбросил идею парламентской республики, которую перед смертью рекомендовал Энгельс, как лучший тип государственного строя, и объявил Советы единственно возможной формой диктатуры пролетариата. Разумеется, что большинство в этих Советах должно принадлежать коммунистам и руководить ими должна их партия. А кому же не ясно, что полнота власти находится всегда у руководителя, а не у ведомого. Так была совершена Лениным подмена диктатуры класса диктатурой партии. Позднее в резолюции XII съезда партии признавалось, что «Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его авангарда, то есть компартии»³⁾.

Однако компартия лишь некоторыми, чисто внешними чертами и атрибутами, похожа на обычную партию демократического типа. На самом же деле это авторитарная партия, построенная на принципах абсолютизма, централизма и безоговорочного подчинения низов верхам партии. Партийные комитеты лишь формально подотчетны своим избирателям и чем выше тем больше и полнее бесконтрольность и независимость верхов перед низами. Высшие органы партии по существу не ответственны перед нею, а именно они и осуществляют верховную власть в стране.

В КПСС недопустимы и признаки какой-либо открытой фракционности и критики центральных органов партии. Дискуссии по хозяйственным и общепартийным проблемам могут возникать лишь по указанию Центра и в границах, установленных сверху. Сегодня коммунистическая партия уже не является политической партией потому, что партийные массы политику не делают, а лишь являются «рычагами», проводниками решений руководства. Политика — исключительная прерогатива верхов.

Руководящие работники партии от районного комитета до ЦК разбиты на ряд категорий, имеющих по Уставу и инструкциям ЦК разные привилегии и права. Номенклатура

³⁾ КПСС в резолюциях, ч. I, стр. 683, 1953 г.

всех степеней и категорий партийных кадров утверждается той или иной руководящей инстанцией. По неписанному правилу высшее руководство партии не подлежит критике и является как бы непогрешимым. Это «правило» возникло при Сталине, но и ныне, во времена Хрущева, мне не известны из него исключения. Когда же подвергается критике низов кто-то из высших руководителей, можно почти безошибочно сказать, что он уже больше не руководитель. Иначе и не может быть в партии, опирающейся на насилие, так как для проведения своей политики ей необходимы твердая власть, вера кадров в непогрешимость руководства, монолитность, единство воли и действия. Поэтому естественно и логично, что авторитарный характер партии и тоталитарный характер установленного ею режима неизбежно сводят диктатуру партии к диктатуре ее руководства.

Жизнь показала, что в КПСС может быть и коллегиальное управление и единоличная диктатура одного из вождей партии. Коллективное руководство, однако, не может быть прочным и длительным. Внутри правящей группы неизбежны столкновения, разномыслия, борьба авторитетов. Это не опасно и вполне допустимо в демократической организации, но губительно для партии тоталитарного типа. Разногласия на верхах парализуют общее руководство и затрудняют принятие оперативных решений. Борющиеся группы для укрепления своих позиций ищут поддержки в среде партийного актива и этим самым приближают его к делам управления и делят с ним свою власть. Привлечение партийного актива к управлению означает, что определять политическую линию партии и решать все важнейшие вопросы теперь будут все те, кого властвующая группа подняла и поставила рядом с собой. Чем шире круг носителей власти, тем меньше у них шансов «сработаться», добиться единства взглядов и действий, а без этого партия не может осуществлять свою диктатуру.

Как только властвующая группа перенесет свои разногласия в среду партийного актива, даже такого отобранного как пленум ЦК, она рискует, что растерянность, колебания и разброд охватят все узловые центры партийного механизма. Расширение власти поведет к ее расползанию, нарушению дисциплины, и в результате партия превратится в дискуссионный клуб и распадется на враждующие фракции и группы. Этим могут воспользоваться противники диктатуры, чтобы нанести ей последний удар.

Зная все это, руководители КПСС до последнего момента скрывают от партии свои внутренние разногласия и очень неохотно и только в самых исключительных случаях выносят их на обсуждение пленума ЦК.

Если руководство КПСС не может обращаться к свободному мнению партии, не допускает открытых дискуссий и опросов, если оно не хочет разделить свою власть с ЦК, то для решения споров и конфликтов внутри правящей группы оно должно иметь иного арбитра. Таким арбитром для тоталитарной партии всегда является ее руководитель и вождь.

Единоличная диктатура возникает тогда, когда в правящей группе нарушается равновесие и одному из «равных» удается так или иначе свалить своих соперников, подняться над всей группой и сосредоточить в своих руках важнейшие рычаги управления партией и страной. Единоличная диктатура вполне логичное, естественное и закономерное явление для коммунистической партии у власти. Коллективное же управление группой равных вождей — состояние неустойчивое и временное. Неизбежно: либо появится человек, который подчинит себе волю коллектива и будет принимать окончательные решения по всем важнейшим вопросам, либо произойдет фракционный распад власти.

Диктатор, разумеется, один управлять не может. Он окружает себя людьми лично ему верными, советниками и помощниками. Он ищет себе опору в активе партии и в обществе тем усерднее, чем меньше у него уверенности в прочности своей власти. Окружение диктатора несомненно оказывает на него влияние и соучаствует в управлении. Степень этого соучастия и характер взаимоотношений на вершине власти зависят как от личности вождя, так и от обстановки в стране. Чем прочнее и устойчивее кажется диктатору его положение, тем меньше он считается со своим окружением, тем решительнее действует, требуя от своих помощников лишь инициативного выполнения своих директив.

В период становления единоличной диктатуры, когда центральная власть находится в неустойчивом равновесии, она не может не считаться с мнением партийного актива и общественности. В этот период руководящие кадры партии и общественность могут многое сделать, чтобы затруднить превращение коллективной диктатуры в единоличную. Хотя народ не принимает участия в борьбе на верхах власти, но он может оказать серьезное влияние на происходящие там перемены. В это время необходимо объединить все силы

общества, чтобы изолировать и дискредитировать нового кандидата в вожди.

Как мы уже отметили, личность диктатора сообщает те или иные черты методам и стилю управления. Но на характер управления также оказывает влияние общая политическая обстановка в стране, реальный объем власти в руках диктатора и возможность безнаказанно и безгранично ею пользоваться. Можно вполне допустить существование единоличной диктатуры без массового террора и открытого произвола. Всем известно, что даже такой типичный тиран, как Сталин обратился к «ежовщине» не вдруг, а лишь через 8 лет после своего утверждения в кресле диктатора. Но нельзя себе представить диктатуру без ограничения политических свобод, без принуждения людей принимать ту политическую систему, которая им не нравится.

*

После Сталина в узкой группе его преемников началась, как известно, ожесточенная свара и грызня. Как бы аптекарски точно сталинцы ни делили между собою власть и все ее атрибуты, как бы они ни старались сговориться и сохранить равновесие в президиуме ЦК, отсутствие единой воли и признанного всеми авторитета порождало споры, напряжение и борьбу.

Перед сталинцами было три пути: либо выдвинуть из своей среды сильнейшего и передать ему диктаторские полномочия, либо привлечь актив партии к управлению и разделить с ним часть своей власти, либо, наконец, попытаться и дальше управлять группой равных вождей.

Встать на первый путь большинство не хотело. Слишком свежи еще были уроки сталинщины. Никому не улыбалось посадить себе на шею нового хозяина и лично зависеть от его произвола и капризов. Такие же настроения были и в обществе. Нового Сталина в народе не хотел никто. Многие не только страшились террора, но и понимали, что единоличная диктатура Сталина была тяжелым тормозом всего общественного развития страны. Верхушечный слой партии ожидал, что его привлекут к управлению и выдвигал соответствующие требования. Лишь немногие, наиболее консервативные и реакционные сталинцы-догматики продолжали оставаться на старых позициях. Они считали, что партия должна иметь одно связующее и цемен-

тирующее начало, одну волю, один непререкаемый авторитет. Отказ от идеи вождя они воспринимали, как величайшую опасность для партии, а расширение базы власти, как начало фракционного распада, которым непременно воспользуется народ в своих интересах. Однако догматики оказались в меньшинстве и путь единоличной диктатуры преемниками Сталина был отвергнут.

Решительно и смело пойти по второму пути сталинские соратники тоже не решались. Их страшило разделение власти с активом партии. Привлечение всего ЦК к деловому, а не к формальному участию в управлении, значительно сократило бы объем власти в руках президиума и превратило бы его в исполнительный орган пленума. Как только диктаторская власть переместилась бы из президиума в пленум ЦК, партийная жизнь изменила бы свое лицо. Не президиум, а уже сам ЦК отныне стал бы определять какие вопросы, когда и как он будет обсуждать и какие принимать по ним решения. Такое значительное расширение властвующего круга потребовало бы дальнейшей демократизации партии и в частности отчетности верхов, выборности снизу доверху, отказа от непогрешимости руководства, свободных внутрипартийных дискуссий, свободы групповых заявлений и предоставления партийным кадрам права иметь и защищать свое собственное мнение. Последовательное проведение в жизнь этих принципов неизбежно бы привело к перерождению КПСС. Этого хотели и добивались радикальные ревизионисты, но пойти по этому пути сталинцы не рискнули.

Оставался третий путь — коллективного руководства, и, в основном, по этому пути в течение четырех лет шла правящая группа. Обстановка на верхах все эти годы оставалась тяжелой и напряженной. Возникали, сталкивались, распадались и вновь возникали различные фракции. Победенных первое время по-сталински тащили в подвал, пытали и расстреливали, а потом — только лишали власти и ссылали на низовую работу. Враждующие фракции искали себе поддержку в аппарате, в активе партии и спешили продвинуть своих людишек на важные посты государственного и партийного механизма.

Особенно преуспевал в этом первый секретарь ЦК Никита Хрущев. Он не только подбирал и умело расставлял верных ему людей, но и пытался получить поддержку у актива партии и в широких массах народа. Зная о катастрофическом состоянии сельского хозяйства и остром недоволь-

стве крестьян, Хрущев прежде всего занялся этими вопросами. Он отлично понимал, что если сельское хозяйство не удастся вытянуть, то нельзя будет выбраться из других сталинских тупиков и решить большие внешнеполитические задачи. Поэтому он предложил несколько уменьшить степень откровенно-хищнической эксплуатации колхозников и хоть немного материально заинтересовать их в развитии производства. В качестве же чрезвычайной меры по обеспечению страны хлебом, он выдвинул идею освоения целины.

Учитывая отрицательное отношение населения к сталинщине, стремясь во что бы то ни стало «отмежеваться» от преступлений сталинского периода и свалить их на покойника, Хрущев склонил членов президиума ЦК к развешиванию Сталина и сам выступил по этому вопросу на закрытом заседании XX съезда. Эти первые шаги Хрущева принесли ему большую популярность в партийных кругах. Что же касается таких людей как Молотов, Маленков или Каганович, то зная их прошлое и взгляды, можно не сомневаться, что они пошли на этот шаг вынужденно, скрепя сердце, чтобы не оказаться изолированными от партии и ее актива.

Однако было бы преувеличением представлять дело так, что только такие люди, как Молотов и Маленков были против разоблачения сталинских преступлений. Десталинизации страшились многие старики-догматики, привыкшие к определенным отношениям и стилю жизни. Они боялись, что осуждение Сталина будет началом конца их власти.

В романе А. Чуковского «Дороги, которые мы выбираем» приводится следующий любопытный разговор между директором промышленного комбината Кондаковым и инженером Арефьевым вскоре после XX съезда.

« — Слушай, — хрипло сказал Кондаков, — может, я и не должен тебе этого говорить, но... не могу я сейчас молчать... Секретарь горкома из Москвы вернулся... Он снизил голос и закончил уже почти шепотом: — о Сталине делегаты говорили... »

И умолк.

— Что, кто говорил? — горлопиво спросил я.

— На съезде, — глухо сказал Кондаков. — Ты понимаешь слова «культ личности»? Вот об этом и было... О том, что была нарушена коллегиальность... — Кондаков точно выдавливал из себя слова. — Ну и о Берия еще... О том, как он использовал эту обстановку.

Слова Кондакова словно молотом били меня по голове.

Мне хотелось, чтобы Кондаков яснее, подробнее рассказал все то, что слышал в горькоме, но я не решился спрашивать.

— Как же так? — хриплым голосом произнес Кондаков. — Как же это будет... без Сталина, а? Ведь все, все именем его... Ведь это конец, всему конец Андрей, а?

Я был потрясен всеми этими даже столь отрывочно, столь неясно произнесенными словами... Мне хотелось, чтобы Кондаков не молчал, чтобы он говорил, говорил еще, и в то же время мне хотелось заставить его замолчать, уйти от него, убежать.

Но когда он произнес слово «конец», я вдруг почувствовал злость.

— Какой конец, о чем вы, Павел Семенович?

— Не понимаешь? — неожиданно громко выкрикнул Кондаков. — Не понимаешь, мальчишка?! Ведь все на нем держалось, все, понимаешь ты это? А ведь что будет? Думаешь я не чувю, куда все это ведет?

— Ну, Павел Семенович, почему вы так говорите?

— Почему? — переспросил Кондаков и повторил уже громче: — Почему? Тебе еще объяснять надо? Руководитель опоры должен иметь, вот в чем дело!.. Я хочу знать кто мой хозяин. Иван Иванович? Ясно! Петр Петрович? Пожалуйсга! Он тебя казнит, он и милует. Он уполномочен!»⁴⁾

Утеря непререкаемого авторитета, хозяина, именем которого действовали все эти кондаковы-дроздовы, спутала их карты, внесла неуверенность, шаткость в их собственное положение.

Развенчание Сталина и отказ от «культы личности», нанесли, казалось, непоправимый удар по идее вождя, потрясли все мировоззрение партийной массы, прирученной за долгие годы к обожествлению «отца народов».

После XX съезда очень многие считали, что развитие пойдет в сторону дальнейшего смягчения режима и привлечения все большего числа лиц к управлению страной. Для такого взгляда было достаточно веских оснований.

Однако надежды на демократизацию режима не оправдались. Президиум ЦК не уступил руководящим кадрам партии даже части своей политической власти. Пленум ЦК не стал высшим политическим руководством партии. КПСС не превратилась в подлинно политическую партию. Под давлением обстоятельств, учитывая обострение многих противо-

⁴⁾ «Знамя» № 2, стр. 124, 1960 г.

речий, президиум ЦК предпринял лишь некоторые совершенно необходимые меры в области народного хозяйства. Была проведена децентрализация промышленности и созданы совнархозы, расширены права союзных республик, изменены некоторые принципы планирования и т. д. Одновременно был усилен партийный контроль за всеми отраслями хозяйства, на предприятиях созданы специальные комиссии партийного контроля, усилена роль местных комитетов партии. Децентрализуя частично экономику, руководство КПСС не собиралось децентрализовать диктатуру. Этого многие в нашем обществе не поняли, поверили в оттепель и в искренний отказ власти от последствий «культы личности».

В результате началось оживление общественной мысли, переоценка ценностей и откровенная критика недавнего прошлого. Сознание народа быстро менялось, казалось, что наступила пора бесстрашия мысли и опасность новой единоличной диктатуры уже больше не существует.

Даже после того, когда Хрущеву в июне 1957 года удалось провести государственный переворот и опираясь на аппарат партии и армии одержать победу над большинством в президиуме ЦК, даже тогда для многих реальность единоличной диктатуры не стала очевидной. Тот факт, что срочно созванный Хрущевым пленум ЦК оказался в непривычной для него роли арбитра между двумя враждующими группировками, рассматривался, как перенесение власти с президиума на весь пленум ЦК. И самое удивительное, что люди уже пережившие установление единоличной диктатуры и хорошо разбирающиеся в механике власти, оказались на этот раз в плену то ли привычных и уже устаревших схем и представлений, то ли в плену своих собственных оптимистических взглядов и концепций.

Некоторые считали, что приход к власти нового диктатора должен почему-то непременно и сразу же сопровождаться актами массового террора, ростом нового культа и иными атрибутами сталинщины. Новый диктатор чуть ли не должен облачиться в полумвоенный спортух, натянуть сапоги и отрастить сталинские усы. Без этих признаков какой же он диктатор?! Как будто в истории человечества хоть раз какая-то диктатура или иная форма авторитарной власти полностью во всем повторилась!

Другие же вообще не задумывались над тем, что такое единоличная диктатура, уверенно и бодро говорили: «новому

диктатору не бывать». Но были вполне беспомощны, когда им приходилось как-то обосновывать свой оптимизм.

Третьи до сих пор не освободились от ошибочного взгляда на развитие событий после смерти Сталина. Из совершенно правильных утверждений о том, что сознание народа изменилось, что не только народ, но и актив партии не хочет повторения сталинщины, что власть находится в неустойчивом положении и вынуждена менять свою тактику, делается не обоснованный и не логичный вывод, что единоличной диктатуры нет и народ ее не допустит. Как будто при коммунистическом режиме народ свободно может выражать свою волю, как будто единоличная диктатура не может пережить тяжелого кризиса.

Диктаторов не выбирают, а ими становятся. Постепенно, а не вдруг, будущий диктатор расширяет свое влияние, захватывает один за другим самые главные рычаги власти и затем ставит на них своих людей.

Эти люди не обязаны хватать звезд с неба, но они должны отвечать одному важнейшему требованию — должны быть верны диктатору. Потом, когда он укрепится и получит признание, он сможет убрать преданного, но мало способного фаворита. Это может произойти тогда, когда в поддержке своего ставленника диктатор больше уже не нуждается. Недавнее снятие Кириченко с работы в ЦК, видимо, и есть случай этого рода.

Сталинец Хрущев перебежал к антисталинцам, учтя антисталинские настроения и стремление общества к переменам. Этот маневр помог ему получить поддержку в партии и прийти к власти. Первые меры Хрущева по реконструкции хозяйства были восприняты многими, как начало больших улучшений. Его борьба с догматиками также не могла не вызвать одобрения в партии и в обществе. Поэтому, поначалу, Хрущева поддерживали не только многие реформисты и умеренные ревизионисты, но и часть радикальных элементов реформистско-ревизионистского крыла.

В дальнейшем Хрущева многие недооценили. Слушая его бесконечную косноязычную болтовню, видя его кривляние, примитивность, теоретическую беспомощность и, впрямь, было трудно себе представить, чтобы этакий «пастушок» и мало образованный болтун мог стать во главе великого народа и оплотной державы. Как-то забывалось, что коммунистическими диктаторами становятся не благодаря положительным качествам и достоинствам, а скорее наоборот. В

борьбе за власть на верх коммунистической пирамиды пробиваются чаще всего не лучшие, а худшие, люди с особой хваткой, жадные и честолюбивые, с душевным строем лжецов, циников и тиранов.

Новые условия, новая политическая обстановка требуют иной формы и иного стиля диктатуры, соответствующего этой обстановке. В кризисное время, когда власть находится в неустойчивом положении, когда ее атакуют и справа и слева, а она, чтобы спасти себя и режим не рискует обратиться к методам террора, на вершину власти скорее всего пробивается оппортунист, наиболее беспринципный и изворотливый демагог. И такой обманщик для освободительных сил народа на какое-то время может стать даже опаснее чем «откровенный» тиран.

В нашем обществе слишком долго иронизировали и подсмеивались над «папушском» Никитой и очень мало делали, чтобы помешать ему усесться в пустовавшее кресло диктатора. Этой нашей беззаботностью и политической недалекостью Хрущев воспользовался наилучшим образом. Кресло диктатора уже больше не пустует.

В руках Хрущева теперь высшая государственная и партийная власть. Пост первого секретаря ЦК партии, как известно, самый важный в государстве однопартийной системы. Кто его занимает, тот обладает самой большой властью в стране. Пост председателя Совета министров также не репрезентативная, а вполне деловая должность. Сосредоточение в одних руках высшей партийной и государственной власти дает ее обладателю фактически диктаторские полномочия. Никто не может сравниться с ним в его правах и возможностях.

Заняв обе эти высшие должности, Хрущев стал арбитром в президиуме ЦК, который принимает окончательные решения по важнейшим вопросам. Только он один предлагает мероприятия большого государственного значения и даже выступает во вне как глава государства. Так было, например, при его поездке в США и, видимо, будет всегда, когда это почему-либо необходимо. Хрущев прерывает ораторов на съездах и пленумах и делает им публичные замечания. Только он один во время переговоров с главами государств и правительств может принять важное решение не советуясь предварительно с другими членами президиума ЦК.

По мере того, как Хрущев укреплялся на верхах дикта-

туры, создавался и рос его культ. После разгрома «антипартийной группы» «заслуги» Хрущева начали выделять особо от партии и ЦК. Сперва стыдливо, осторожно, а потом все смелее и откровеннее звучат ему славословия. На январской сессии Верховного Совета СССР многие депутаты, соревнуясь друг с другом в подхалимаже, забыли всякие приличия. Они награждали Хрущева теми же эпитетами, которые не так давно адресовались Сталину. Депутат Рашидов заявил, например, следующее:

«В лице Никиты Сергеевича Хрущева мы видим редкое сочетание таланта теоретика с глубоким знанием жизни. Кипучая энергия, неутомимость организатора и пламенного пропагандиста, твердая последовательность и гибкость в политике, ленинская решительность и прозорливость, огромная любовь к народу, его простота и доступность — вот благородные качества, которыми обладает наш горячо любимый Никита Сергеевич Хрущев!»

Ему вторит депутат Ивкин:

«Мы с Вами, Никита Сергеевич, мы поддерживали Вас. Ваши мысли — это наши мысли. Ваши желания — наши желания».

В «Известиях» опубликована целая специальная подборка писем Хрущеву, где он наделяется почти всеми качествами «отца народов».

Постепенно культ Хрущева затемняет культ партии и ЦК. Фимиам Ленину и партии лишь слегка маскирует расцвет нового культа личности и является лишь некой данью полужабытому XX съезду партии.

Нигде так не обращают внимание на внешние атрибуты власти, как в тоталитарных государствах. Все знают свое место на лестнице партийной иерархии, всё тщательно взвешивается и вымеривается: одному по его весу и значению после выступления полагаются просто «аплодисменты», другому — «продолжительные аплодисменты», третьему — «бурные» и только вождю может быть овация, когда все встают. И это своеобразное местничество, всем нам хорошо известное еще со времени Сталина, сохраняется и строго соблюдается и теперь. Даже такая незначительная и смешная мелочь, как очередность рукопожатия при встречах и проводах, имеет свое значение и свой ритуал. Хрущев жмет руку и целуется сперва с Ворошиловым или Микояном, затем идут Суслов, Аристов, Козлов и другие. Не «руководители партии и правительства» к поцелуйному обряду, как правило, не приглашаются.

При коммунистическом режиме величина культа личности диктатора прямо пропорциональна величине власти, которой он обладает.

Разумеется, Хрущев правит страной не один. Он опирается, прежде всего, на президиум ЦК, который в основном подобран им самим. Из 14 членов нынешнего руководства ЦК только трое: Ворошилов, Микоян и Хрущев входили в президиум созданный после смерти Сталина. Из 10 секретарей ЦК только Хрущев и Пospelов входили в Секретариат. Таким образом, большинство из нынешнего президиума попали в него уже после того, как во главе его стал Хрущев.

Внутри президиума также есть своя неписанная субординация. То, что может себе позволить, скажем, Микоян, не решится Мухитдинов или Шверник. И эта субординация не случайна и соответствует фактическому положению Микояна и Шверника на вершине диктатуры.

Мне рассказывали, что недавно во время беседы с одним иностранцем Хрущев нажал кнопку и вызвал Микояна. Микоян через несколько минут явился. Беседа затянулась и перед полночью Микоян встал и сославшись на неотложные дела и усталость ушел. При Сталине он бы, пожалуй, себе этого не позволил. Хрущев не Сталин и никогда им не будет. Это диктатор иного типа. Хотя, впрочем, при Хрущеве какой-нибудь Мухитдинов или Куусинен будет также сидеть до тех пор, пока его не отпустят. Совсем как у Орвелла: «Все свиньи равны, но некоторые ровнее».

Хрущев не только советуется со своими помощниками и друзьями, (с одним больше, с другим меньше), но и совместно с ними обсуждает и решает важнейшие дела. Во время обсуждений, конечно, бывают споры и борьба мнений. Однако судя по всему последнее и решающее слово на этих совещаниях принадлежит Хрущеву и это главное. Совсем другой вопрос — насколько единодушно хрущевское окружение и насколько ему все верны. Скрытое недовольство несомненно есть, как и скрытые враги, которые только и ждут, чтобы подставить ему ножку.

По мере того, как Хрущев прибирал к своим рукам власть, он все больше и больше нагнул и меньше считался с теми, кто помог ему в борьбе с догматиками. На декабрьском пленуме 1959 года дело дошло до того, что он публично поносил и обличал Беляева и Мазурова, один из которых член, а другой кандидат в члены президиума ЦК. Теперь Хрущев уже не так нуждается в поддержке тех, кто ему по-

мог подняться и преспокойно может вышвырнуть любого из них с верхов. Если дело не ладится и его ставленник не справляется с порученным ему участком работы, с ним сейчас церемониться не будут. Хрущев не такой человек и для него дружеские чувства и всякие моральные обязательства не играют ровно никакой роли.

Помимо президиума ЦК Хрущев опирается на государственный и партийный аппарат, благодаря которому он расправился с «антипартийной группой». За последние годы высший слой партийной бюрократии, как мы увидим дальше, значительно обновлен. К власти приходят дроздовы-практики, оппортунисты, люди хрущевского набора и типа.

Пленум ЦК, начиная с декабря 1958 года, все больше и больше превращается в такое многочленное собрание и с таким числом приглашенных на него декоративных фигур, что по-деловому ничего обсуждать и решать не может. Его заседания скорее похожи на политическую демонстрацию преданности участников пленума Хрущеву, чем на деловое совещание высших руководителей партии. Возможно, правда, что созываются закрытые заседания пленума, о которых не сообщается и где обстановка более деловая. Но трудно себе представить, чтобы эти тайные заседания пленума, о которых никто ничего не знает, могли выполнять подлинную роль высшего управительного органа партии и государства.

Все сказанное приводит нас к выводу, что за последние два-три года в нашей стране утвердилась диктатура Хрущева, который осуществляет ее, опираясь прежде всего на узкую группу президиума ЦК, затем на механизм диктатуры и верхний слой партийной и правительственной бюрократии.

Хрущев чрезвычайно экспансивный человек. Это самодур и азартный игрок. У него очень слабы сдерживающие тормозы благоразумия. Он часто блефует, но все же меньше, чем об этом думают. Под влиянием настроения он способен принять важное решение без предварительного изучения и расчета. Это особенно опасно, когда возникают острые внешнеполитические вопросы, решение которых является прерогативой Хрущева. Он часто ездит и большую часть времени отдает внешнеполитическим делам, потому что они являются для Хрущева тем звеном, потянув за которое он рассчитывает вытянуть коммунизм из болота и даже опередить противников.

Хрущев способный и я бы даже сказал талантливый артист. Он довольно удачно приноравливается к среде и то

разыгрывает из себя этакое простоватое и откровенное рубаху-парня, то становится жестким и откровенно грубым диктатором. Будучи по своей природе жадным, властолюбивым и агрессивным, он тем не менее до поры не плохо рядится в тогу миротворца и успешно эксплуатирует в своих интересах стремление людей к миру. Пока коммунистический лагерь к войне не готов, пока создается «решающий перевес», Хрущеву нужно выиграть время. Хрущевская концепция «мирного сосуществования», которую он навязал миру, есть тактика выигрыша времени, тактика политического и психологического разложения противника. В этот период коммунистическая идеология и пропаганда выдвигаются на «передний край» и являются политической артиллерией дальнего действия.

Тактика «мирного сосуществования» не может быть последовательно миролюбивой. Отношения между миром свободы и миром тоталитаризма внутренне присущи напряжению и борьбе. Это происходит не только из-за разности политических систем и агрессивности коммунизма, но и потому, что тоталитаризм постоянно нуждается в укреплении своего внутреннего положения актами внешнеполитического характера. Поэтому время от времени Хрущев должен «срывать», угрожать и держать мир в напряжении.

Он ничего не отдаст, что попало ему в руки, упав однажды с чужого воза. Пугая народы войной, он рассчитывает на сговорчивость их правительств. Разглагольствуя о разоружении и мирном соревновании, создавая в Европе и Америке атмосферу благодушия и беззаботного спокойствия, Хрущев торопится нарастить «решающий перевес» и попутно укрепить свои связи и влияние в Азии и Африке. Этот хрущевский «ход конем» весьма опасен и еще недостаточно оценен на Западе.

Руководители КПСС убеждены, что военное столкновение с миром свободы и в частности с США в той или иной форме и тем или иным видом оружия неизбежно. Вопрос только во времени. Определять, что время пришло будет, видимо, КПСС и лично Хрущев. *Любая единоличная диктатура скорее способна развязать войну, чем любая форма коллективного управления.* Диктатор всегда «оперативнее» и решительнее самой агрессивной и решительной группы. Особенно, если диктатором является такой неуравновешенный человек, как Хрущев. Поэтому диктатура Хрущева

представляет сегодня величайшую опасность для человечества.

Писать сегодня, в период сосуществования и улыбок, о страшной военной угрозе, стало как-то не принято и «не модно». Люди устали от тревог и волнений. Они хотят мирно жить и наслаждаться благами жизни. Это самое человеческое и самое естественное стремление. Но это стремление к миру не должно помешать нам видеть реальную опасность, и пока еще не поздно сделать все от нас зависящее, чтобы эту угрозу устранить или хотя бы отдалить.

*

Внешняя и внутренняя политика Хрущева не удовлетворяет общество. Она не удовлетворяет сегодня и часть тех самых умеренных ревизионистов, которые совсем еще недавно содействовали его приходу к власти. Умеренные и радикальные ревизионисты рассчитывали, что расправившись с догматиками Хрущев даст больше прав и свободы им — руководящим кадрам партии. Реформисты же надеялись, что либерализация охватит всю общественную жизнь и правительство Хрущева снимет тормозы с общественного и экономического развития.

Однако эти расчеты и надежды не оправдались. Хрущев дальше небольших уступок и полумер не пошел и, видимо, не пойдет. Диктатура Хрущева стала главным тормозом на пути свободы, демократизации и материального благополучия народа. Многие это окончательно поняли только после декабрьского пленума ЦК КПСС 1959 года. От этого пленума ожидали дальнейших улучшений в деревне, уничтожения бюрократического руководства сельским хозяйством, создания колхозсоюзов, увеличения материальной заинтересованности колхозников и колхозов и других мер. Ничего подобного не произошло. Это вызвало сильнейшее разочарование в обществе и особенно в деревне. Надежды увяли и люди увидели, что ничего хорошего они от Хрущева больше не дождутся.

Длительная стабилизация власти Хрущева невозможна. Неизбежно дальнейшее развитие и укрепление независимых от власти общественных сил. Общество все больше и больше будет осознавать необходимость радикальных перемен и свою способность их совершить. Оно все смелее и решительнее будет противопоставлять себя казенному механизму диктатуры и вносить новое содержание в различные сферы

государственной, культурной и экономической жизни. Пассивный реформизм окончательно уйдет со сцены, а активные реформисты и даже часть радикальных ревизионистов пополнят ряды революционных сил. Духовные, социальные и экономические противоречия неизбежно будут обостряться и все более определенно и отчетливо принимать политическую окраску. Советский патриотизм будет размываться под влиянием общественного недовольства и увеличения связей с Западом. Многие еще существующие мифы развеются и власть лишится былой опоры, какой был для нее советский патриотизм, подопреваемый иногда до шовинистического накала.

В этой обстановке известного ослабления власти и развития автономных общественных сил продолжают действовать и возникают новые революционные группы. Революционное движение пережило самый тяжелый период в своем развитии, когда несколько лет тому назад страну охватили настроения пассивного реформизма. Теперь положение изменилось и для революционных сил создается более благоприятная атмосфера и открываются лучшие перспективы. К тому же никто кроме этих сил не имеет своей идеологии, политической программы, организации, тактики борьбы и будущего. Однако революционное движение встречает в своем развитии серьезные политические препятствия. Если после венгерской революции почти уже нет сомнения в возможности революционных событий в нашей стране, то остался еще страх перед разрушительными последствиями революции. Осталось сомнение в ее необходимости, остались надежды на постепенное эволюционное перерождение режима. Снятие этих тормозов является нашей важнейшей задачей, если мы хотим, чтобы росло революционное движение, чтобы революционные группы расширяли свое влияние в обществе и обрастали сочувствующими из разных слоев населения. *Объединение всех видов подполья под политическим руководством революционного движения может создать серьезную опасность диктатуре Хрущева.*

Происходящие в обществе изменения несомненно отражаются и на правящей партии. Никогда КПСС еще не была в таком положении как сейчас. Партийные массы стали гораздо ближе к народу, чем к его угнетателям. И это не удивительно. За минувшие несколько лет значительно изменился количественный, социальный и возрастной состав партии. Вот некоторые примеры.

Перед войной в партии состояло 2.476.977 человек. Во время Отечественной войны был проведен массовый огульный набор в партию. Вся процедура приема была чрезвычайно упрощена. В результате состав партии увеличился в два с половиной раза. Прошедшая после войны проверка партийных документов несколько уменьшила численность партии. Однако рост продолжался. На первое октября 1952 г. в партии состояло 6.882.145 человек. На первое февраля 1956 г. — 7.215.505 человек, т. е. рост по сравнению с довоенным в три раза. После XX съезда политика стимулирования роста партии стала еще более активной. На 1 января 1959 г. состав КПСС был уже 8.239.131 человек или на 1.023.626 человек больше чем было к XX съезду⁵⁾. За 1959 г. принято 579.000 и численность КПСС теперь достигла рекордной цифры — 8.708.000 человек⁶⁾. Таким образом партия все больше и больше становится массовой организацией, в основном обновившей свой довоенный состав.

Как известно массовая партия никогда не может быть такой же сплоченной, организованной и надежной, как организация орденового типа, построенная по принципу строгого отбора. Именно такой организацией была коммунистическая партия, когда она шла к власти и в первые годы после ее захвата. Массовая же партия — это рыхлое, идейно и организационно слабое образование. В критическое время подобные партии не выдерживают испытания и разваливаются. Так, например, было осенью 1956 года с венгерской компартией, насчитывавшей 900 тысяч членов. В первые же дни революции от этой партии ничего не осталось.

По своему социальному составу КПСС также значительно изменилась. Если во времена Сталина это была партия в основном служилого строя с небольшим процентом рабочих и колхозников, то после XX съезда положение начало меняться. По указанию ЦК партийные комитеты стали сдерживать прием в партию интеллигенции и, наоборот, всячески поощрять набор лиц, работающих непосредственно на производстве. Судя по материалам XXI съезда, почти две трети принятых в партию в 1958 году являются рабочими и колхозниками. Привлекая рабочих и колхозников в партию, Хрущев надеется укрепить позиции партии в народе и расширить политическую базу диктатуры.

⁵⁾ Стенографический отчет ЦК КПСС к XXI съезду. Доклады Хрущева и Чураева.

⁶⁾ «Правда» 2. 2. 60 г.

Изменение социального состава партии увеличивает разрыв между партийными массами и их руководством. В партии все больше становится людей, настроенных критически и оппозиционно. Среди 1.600.000 принятых после XX съезда большой процент составляют реформисты и зеленая молодежь. Как тем, так и другим стремления народа, свои собственные цели и стремления гораздо ближе и понятнее, чем интересы власти. Реформистски настроенные молодые члены партии, не воспитанные в довоенных традициях и нормах партийной жизни, вносят в ряды КПСС дух сомнения, критики и недовольства.

На увеличение разрыва между верхами и низами влияет также жесткая централизация и существующий порядок, по которому руководящие органы компартии комплектуются в основном из партийных работников-профессионалов и из чиновников припартийных организаций. Для примера можно привести социальный состав делегатов последних съездов партии. На XX съезде присутствовало 1.355 делегатов с правом решающего голоса. Из них партийных работников было 506, советских — 177, профсоюзных — 12 и комсомольских — 8, а всего 703 человека или 51,8 процента от общего числа делегатов. На XXI съезде из 1.269 делегатов с правом решающего голоса партийных и советских работников было — 598 или 47 процентов. Такую же примерно картину можно было наблюдать и на республиканских съездах партии. Среди членов и кандидатов ЦК КПСС партийные работники составляют 54,3 процента, советские, профсоюзные и комсомольские — 28,6 процента, а рабочие всего 0,65 процента.

Молодые поколения решительно заявляют свое право на участие в государственной и общественной жизни. Их не удовлетворяют идеи и дела отцов и дедов. То же можно сказать и о молодых членах партии. Они не хотят ждать, когда партийные старики естественным путем сойдут со сцены и настойчиво тянутся к управлению страной. Но молодежь повсюду встречает отпор, ее прихода к власти старики не хотят и боятся, и искусственно не допускают ее к рычагам управления.

Учитывая всю силу молодого напора снизу и желая как-то подыграться к настроению молодежи, Хрущев признает, что «среди руководящих кадров еще недостаточно молодых по возрасту работников, в том числе среди секретарей райкомов, горкомов, обкомов, крайкомов и ЦК компартий

союзных республик. Нужно смелее выдвигать молодые кадры, не противопоставляя их старым»⁷⁾). Тогда же он заявил, что засидевшимся старикам пора ехать с ярмарки и уступить свое место молодым. Однако такого благого примера сам почему-то показать не захотел.

У нас, к сожалению, нет полных статистических данных о возрастном составе партии, но и приведенные ниже таблицы дадут достаточное представление о старении руководства КПСС.

Из 24 членов и кандидатов президиума ЦК до 40 лет нет ни одного человека, между 40 и 50 годами — 4 человека, между 50 и 60 годами — 12 человек и старше 60 — 8 человек.

Возраст членов ЦК такой: до 40 лет ни одного, от 40 до 50 — 11 процентов, от 50 до 60 лет — 68,1 процента и старше 60 — 20,9 процента. Их партийный стаж следующий: до 1917 года — 4,3 процента, с 1917 по 1922 год — 13,8 процента, с 1922 по 1940 — 78,5 процента и с 1941 по 1945 — 3,4 процента.

Возрастной состав делегатов XX съезда был следующий:
до 40 лет — 20,3 процента
от 41 до 50 — 55,7 процента
старше 50 — 24 процента.

Партийный стаж делегатов XX съезда таков:
до октября 1917 г. — 22 чел., от 1917 до 1921 г. — 60 чел.,
от 1921 до 1930 г. — 24,9 процента, с 1931 по 1940 г. — 34 процента, с 1941 по 1945 — 21,6 процента и с 1946 по 1956 — 13,4 процента.

Возрастной состав делегатов XXI съезда:
до 40 лет — 21,1 процента
от 41 до 50 — 47,8 процента
старше 50 — 31,1 процента.

Как видно из этих таблиц, руководство партии не только не «омоложается», а всё больше стареет. То же, видимо, можно сказать и обо всем советском правящем слое. Мы взяли наугад личные данные *трех тысяч* номенклатурных работников ЦК КПСС, составляющих высший руководящий состав партийных, государственных, профсоюзных и комсомольских организаций, а также высших хозяйственных, во-

⁷⁾ Хрущев. Доклад на XXI съезде КПСС. Стеногр. отчет.

енных работников и деятелей культуры. Среди них 23,7 процента составляют партийные работники, 22 процента советские, 9 процентов хозяйственники, 3 процента военные, 7 процентов деятели литературы и т. д.

Возраст этих 3.000 человек правящего слоя следующий: до 40 лет — 9 процентов
от 41 до 50 лет — 30 процентов
от 51 до 60 лет — 41,5 процента
старше 60 — 19,5 процента⁸⁾).

Таким образом, мы видим, что высшее руководство партии и государства и нынешний правящий слой — это в основном люди пожилые, люди сталинской школы, сформировавшиеся в начале тридцатых годов и пережившие ежовщину. Именно на этих людей сейчас, главным образом, и опирается Хрущев. Правда, среди правящего слоя несомненно есть радикальные элементы, способные провести значительные перемены в жизни страны, но их удельный вес ничтожно мал. Положение может измениться, если старые сталинские кадры будут решительно заменены более молодыми людьми.

Стремясь найти опору и в той части партии, которая не считает себя связанной с преступлениями сталинщины, Хрущев выдвигает людей этой категории на руководящую работу. Между смертью Сталина и XX съездом партии на ответственную работу выдвинуто около 500 новых людей. После XX съезда это выдвижение пошло еще более быстро. Достаточно сказать, что 46,7 процента от общего числа членов и кандидатов ЦК и ЦРК⁹⁾ выдвинуто после 1953 года.

Хрущев стремится окружить себя людьми лично от него зависящими и ему благодарными за свою карьеру. Однако, как показывают цифры, выдвиженцы Хрущева, как правило, не являются молодыми по возрасту кадрами и разрыв между стариками и молодежью не уменьшается. В то же время попытки привлечь к власти новых людей таят в себе серьезную опасность для диктатуры. Новые кадры, не связанные с прошлым, духовно не сломленные, ближе стоящие к народу неизбежно внесут на верхи власти новые настроения и взгляды, которые сегодня господствуют в стра-

⁸⁾ Труднее всего найти данные о более молодых людях правящего слоя и поэтому процент первых двух категорий в правящем слое будет, видимо, несколько выше.

⁹⁾ Центральная ревизионная комиссия.

не. Диктатура Хрущева встретится с новыми трудностями и не исключено, что именно в среде новых людей появятся такие радикальные элементы, которые смогут совершить государственный переворот и очистить партию от сталинцев и остатков сталинщины.

Государственный переворот, совершенный одной из фракций КПСС, не способен повернуть страну на принципиально новый путь развития. Ни одна, даже самая радикальная группа коммунистических ревизионистов, не согласится уничтожить политическое господство КПСС, а следовательно не сможет коренным образом изменить природу режима. Поэтому мы рассматриваем фракционную борьбу в КПСС, как борьбу в лагере врага, которая сможет при благоприятных условиях стать лишь удачным прологом больших революционных преобразований в обществе. Провести все эти преобразования, кроме самого народа и его революционного авангарда, некому.

Иностранная пресса о Хрущеве

Политик, актер, шут и безжалостный диктатор, он одинаково хорош во всех своих ролях. Говорит ли он всерьез, когда угрожает развязать атомную войну или же просто блефует? (Евг. Лион)

Какого же сорта человек Хрущев? Запад по долгому опыту знал с кем он имел дело в лице Сталина: с тираном без совести, полным ненависти, но рассудительным и медленным в действиях. Можно только догадываться о реакции Хрущева в критические минуты. По-видимому он более импульсивен, большой игрок и хвостун. (Он же)

✱

Этот человек полностью лишен всякой принципиальности, в нем нет ни малейшего признака идеализма, коммунистического или какого-либо другого. Он приказал убить сотни людей и среди них своих самых близких друзей. Не следует забывать того, что при Сталине только те могли возвыситься, для кого ложь и грубая сила стали их второй натурой.

Профессор Дудин)

✱

«... Его презрение к интеллигенции всем известно. «По-моему, — говорит Кэтлдж, директор «Нью-Йорк Таймс», идеология для него больше инструмент, чем доктрина».

«... Хрущев напоминает игрока, который удваивает ставки после каждого поражения. Очень вероятно, что он кончит тем, что поставит всё на одну карту». (Эрнст Кукс, «Цюрихер Цайтунг»)

Вопросы революционной тактики в новых условиях

В. Поремский

В № 1 нашего журнала напечатана статья В. Поремского «Проблемы революции». В ней автор освещает вопросы хода общественных процессов и расстановки сил после смерти Сталина, распада сталинщины и, на основе анализа исторического развития Октября, говорит об экономических, социальных и духовных факторах революции. В результате этого анализа, автор сводит все противоречия Октябрьской революции к противоречию политическому, которое и вызвало к жизни новое российское революционное движение, как волевой фактор, проявляющий себя в рамках стихийно действующих сил.

Перед этим волевым фактором стоят задачи:

а) одухотворение и социально-политическое осмысление экономического процесса;

б) воспитание гражданственности, создание в этом чувстве противовеса положению «моя хата с краю», ибо это положение ведет, в конечном счете, к хаосу и анархии;

и в) овещствление, историческое осмысление духовного бунта.

Действующие процессы развития необратимы и неизбежно ведут к радикальному изменению существующего политического строя, т. е. к революции народно-освободительного характера.

В настоящем номере журнала, мы печатаем вторую часть статьи В. Поремского, посвященную вопросам революционной тактики в новых условиях. Ред.

Трудности определения современной революционной тактики возникают из того, что нам не до конца ясны тактические проблемы, стоящие перед нами на данном революционном этапе. Наша вина в том, что и на настоящее время мы невольно переносим в прошлом правильные представления о революции как о взрыве атомизированного хаоса, который разрывает сверхтвердую оболочку механического

аппарата. Сейчас же революционная сила НТС находится среди других, рождающихся сил, нет первозданного хаоса, и поэтому естественно, что элементарные революционные схемы недостаточны.

Раньше мы обращались к отдельному человеку без всяких связей в обществе, без всякой среды, в которую бы он входил, потому что всякая советская структура была однозначной, целиком определялась властью. Сейчас положение другое. И если раньше можно было сказать, что имеется только одна система взаимоотношений: НТС — КПСС, в пределе НТС — Сталин, то сейчас имеется целый ряд других, в различной степени автономных сил, и вся эта система распадается на очень сложные части.

Единый, элементарный революционный клич, обращался к среднему человеку-атому, затерянному в большом стихийном море. Сейчас образовалась структура и, следовательно, элементарный революционный призыв должен быть заменен сложной революционной симфонической оркестровкой, которая должна вызывать к жизни полезные для нас или вредные для власти потенции.

Если НТС где-то в перспективе сливается с этой второй русской силой, если, в частности и в особенности, НТС по-прежнему ставит своей задачей революцию, если все другие стороны нашей деятельности, и наша программа и наша идеология, отвечают только что обрисованным основным характеристикам второй силы, то чем объяснить известные имеющиеся у нас сомнения?

Объяснение, нам кажется, заключается в том, что мы действительно должны подвергнуть некоторой резизии, но не нашу стратегическую ставку на революцию, а наши тактические подходы к разрешению революционных задач на данном этапе.

Мы властны магией слов призывать к жизни факторы, существующие в потенциальном состоянии. Тогда им дается имя, они рождаются к жизни и становятся тенденциями, в которых мы должны взращивать полезное для нас и как минимум игнорировать вредное, если ему не противодействовать. Примером этому может служить явление реформизма, которое мы наименовали и охарактеризовали, тем самым способствуя его развитию.

Другой элемент симфонической оркестровки — это оперативное взаимоотношение с реальностями: с одними — сотрудничество, с другими — противоборство.

Вся эта система призыва к жизни потенциалов, возвращающих тенденций и оперативного сотрудничества с реальностями и является содержанием наших революционных обращений, которые, таким образом, по форме и разнообразию отличаются от наших первоначальных революционных призывов.

Одна из наших задач на данном этапе — это все более и более углубленный анализ советской действительности и социально-политическая персонификация там возникающих и развивающихся групп. В области сотрудничества с реальностями мы уже давно переросли необходимость контакта только с одной нашей молекулярной организацией. Существуют живые, конкретные люди не только в ячейках из двух-трех человек, но и в иных сочетаниях. Их связи с окружающей средой, между собой и со штабом далеко выходят за рамки молекулярной организации.

Все это должно быть сведено в гармоническую систему, отвечающую реальностям сегодняшнего дня и находящуюся в постоянном развитии в связи с изменениями в жизни страны.

Вопрос персонификации врага

Возьмем власть и посмотрим, как меняется простая система в связи с усложняющейся картиной. В сталинские времена НТС пытался составить список «ста тиранов». Дело все больше сводилось бы к тому, что список этих ста тиранов постепенно сокращался бы и, в конечном счете, свелся бы к одному тирану — к Сталину. Можно только порадоваться, что такой список не был составлен, так как там несомненно были бы и Берия, и Молотов, и Каганович, и Жуков и ряд других, которые вычеркивались бы не нашими усилиями, а мы оставались бы со все более и более обедненным содержанием списка. Но еще в более затруднительном положении мы оказались бы теперь, если бы свели список тиранов к одному Сталину. Ведь несмотря на некоторые разногласия по вопросу о структуре советского общества среди наших специалистов, все-таки очевидно, что в оставшееся пустым после Сталина кресло сел Хрущев. Правда, сел в несколько иное кресло, в ином виде, и, конечно, — это совсем иная фигура!

Помимо определения группы тиранов, устранение которых решило бы во времена Сталина всю проблему, мы много мучились с персонификацией понятия «наш враг». Нам было

нелегко точно провести грань между системой власти и народом. Мы не могли дать однозначного ответа на этот вопрос и давали определение, по которому нашим врагом является тот, кто в решительный момент станет на сторону власти. Но мы в свое время предполагали, что это разделение произойдет между народными массами и окостеневшим, полностью роботным и механизированным аппаратом, подчиненным Сталину.

Сейчас, когда все эти грани стерлись, нам особенно важно вернуться к этой проблеме и в новом свете повторить эту формулировку. Однако эта формулировка предполагает, что в решительный момент революции кто-то обязательно станет на сторону старой власти, хотя нам сегодня и не ясно, кто персонально это сделает, а значит не ясно, кто — персонально наш враг.

Это, в свою очередь, приводит к необходимости, которую мы не обосновываем, но практически ощущаем, считаться с тем, что потенциально каждый советский человек может стать нашим врагом.

Но с другой стороны, и это как раз характерно для нынешнего этапа, мы, встречаясь со всеми категориями людей, и даже с «няньками», говорим с ними не как с потенциальными врагами, а как с людьми, которые могут что-то из наших мыслей усвоить. Мы твердо рассчитываем на то, что брошенное нами семя революции может когда-то взойти и в их душах. Недавно был случай встречи члена Совета с одним советским министром, и никто в нашей среде не ужаснулся этому факту. Это свидетельствует об утвердившемся у нас сознании, что всякий человек в Советском Союзе может стать на нашу сторону.

Такое отношение к советским людям и работа среди них чрезвычайно сближает нашу позицию с оппозиционным подходом. Оппозиционный подход очень упрощает вещи, но, с другой стороны, и служит, вероятно, одной из подоплек сомнений в необходимости революции. На данном этапе мы применяем во все большей степени тактику, вытекающую из оппозиционного отношения к носителям власти, однако, с одной чрезвычайно существенной разницей, которую всегда нужно подчеркивать, и которая проводит резкую грань между нашим отношением и соглашательством: отношение оппозиции к власти имущим есть отношение людей, находящихся в системе, в то время как мы находимся и будем находиться вне этой системы. Нам процесс рисуется не так,

что ведущая группа будет уходить от власти, а так, что ее будут от власти уводить.

По мере приближения к революции, объем оппозиционной по форме тактики будет увеличиваться. Личная или групповая персонификация подлинных врагов будет облегчаться, ибо в условиях освобождающегося общества, по мере приближения к революции, будет все более выясняться, кто именно станет на защиту старой власти. В канун революции мы, вероятно, сможем конкретно и персонально определить людей, которые твердо будут защищать власть и об этом открыто заявят.

Иными словами, в преддверии революции будет решаться для нас самой жизнью задача, бывшая раньше неразрешимой. Это чрезвычайно облегчит наше положение, так как для непосредственного действия нужно видеть врага непосредственного и конкретного. В предреволюционной обстановке объем свободы будет расти и будут выкристаллизовываться люди, которые не как рабы, а по своему желанию станут защищать старую власть. Они и будут нашими врагами.

Хозяйски-революционная установка революционной организации

В нашем стремлении к стимуляции и созданию революционных факторов, как и в содействии деградации власти, мы должны все больше и больше приобретать хозяйски-революционное отношение ко всем этим явлениям. Нам больше не нужны изживающие себя чисто отрицательные призывы, а нужно хозяйски-революционное отношение к различным факторам. Такое отношение возможно только, если мы будем ощущать себя в той же стихии и среди тех же явлений, среди которых находится и власть.

Это хозяйски-революционное отношение очень трудно определить в точности. Мы знаем, что укрепление власти нам вредно, что ослабление революционных сил наносит ущерб интересам России и, наоборот, что падение престижа власти и повышение революционного потенциала служит интересам России как сейчас, так и в будущем. Но при Сталине был какой-то зеркальный автоматизм; все, что полезно для власти, было вредно народу. Сейчас не так.

Есть вещи, которые несут в себе вредные и полезные элементы как для нас, так и для власти, но их взаимоотно-

шение меняется с течением времени. Объяснить это можно только на конкретных примерах, пользуясь какой-то путеводной нитью. Ясно, например, что в каком-то плане мы должны менять наше отношение к различным советским институтам. Раньше мы совершенно этим не занимались, т. к. считали, что каждая советская институция автоматически и на все сто процентов является орудием власти.

Сейчас, помимо зарождения автономных факторов, автономные тенденции начинают проникать и в эти институты, и нам надо заново определить свое к ним отношение. Особенно это касается тех институций, которые переживут революцию и в которых нам надо возвращать соответствующие автономные тенденции. Например, это касается советов, армии, милиции, профсоюзов, академий и, мы бы сказали, даже самой коммунистической партии.

А почему нет? Посмотрим на это дело из русского будущего. Коммунистическая партия будет, вероятно, существовать на свете. Если она будет существовать и в России, то мы будем вынуждены заботиться, чтобы ее манифестации проходили без нарушения порядка как с одной, так и с другой стороны, как полагается в демократических странах. Значит, мы будем охранять такие фестивали, как венский, которые смогут нормально устраиваться и у нас, как в любом правовом государстве.

Можно считать, что с хозяйски-революционной точки зрения мы заинтересованы в переориентации интересов коммунистической партии на чисто технические и производственные задачи, так как это означало бы ослабление политической функции партии. Мы заинтересованы в том, чтобы компартия и сегодня широко открыла двери для представителей новых общественно-политических движений, стремящихся, в порядке конструктивной критики и пересмотра догматической нелепицы, найти новые пути к преодолению экономической, технической, бытовой, культурной, политической отсталости нашей страны и действительно в кратчайший срок «догнать и перегнать Америку». Или, исходя из неизбежности ухода коммунистической партии от власти, мы должны были бы приветствовать занятие партийцев идеологическими проблемами, вопреки противоположному указанию Хрущева, для того, чтобы в будущей свободной России коммунистическая партия была представлена людьми высокоинтеллектуальными, умеющими защищать свои установки.

Когда мы обсуждаем эти вопросы, нам могут поставить в вину, что мы не верим в революцию и говорим, что НТС должен активно готовиться к переходу в оппозицию. Это, конечно, не так. Но создаются целые новые системы наших взаимоотношений с властью, при которых нужно избежать двух опасностей: Сциллы косности и Харибды соглашательства.

Ставка на размежевание реформистского лагеря

Другой вопрос — это реформизм, о котором мы много говорили и который вырос, в частности при нашем содействии, в большое явление. Трудно определить границы реформизма. Здесь мы опускаем, с одной стороны, всех обывателей, которым даже при нашем содействии нельзя придать ярко социального-политического содержания. С другой стороны, опускаем и ревизионизм, который находится в лагере власти и который, при крушении последней, погибнет вместе с компартией.

Реформизм — явление жизни, вытекающее из глубоких процессов в среде нашего народа. Он глубоко связан с той второй силой, о которой мы говорим.

С другой стороны, его породила власть, которая стремилась оседлать некоторые из его тенденций для создания себе действительно лояльной опоры. Но тут власть попадает в заколдованный круг. Чтобы создать лояльную опору, надо дать свободу, потому что лояльным может быть только тот, кто встал на сторону власти по собственному желанию, которое может появиться только в рамках предоставленной свободы. С другой стороны, эти силы могут воспользоваться предоставленной свободой и для других целей.

Чтобы этого не случилось, часть свободы надо у них отнять. Происходит постоянный процесс взаимодействия, где рожденные свободой силы требуют от власти все больше свободы, которую власть и должна им предоставлять для достижения своей же цели. Это колесо может крутиться в одну сторону, т. е. власть будет давать все больше свободы, чтобы создавать себе лояльную опору. Оно может закрутиться и в обратном направлении, когда власть будет терять какие-то лояльные силы опоры, отнимая у них свободу.

Иными словами, власть играет в судьбах реформистского движения опромную роль, а с другой стороны, рефор-

мистское движение рождено слепыми, стихийными силами жизни. Таким образом, можно сказать, что реформизм не имеет собственной судьбы, так как он лишен волевого фактора. Реформизм есть потенция содержания без формы, так как это содержание в точности еще не известно. Власть хочет, чтобы эта форма была ее опорой и готова в этом плане помириться с некоторой неортодоксальностью выливающегося в форму содержания. Судьба реформизма не зависит от него. Упорной работой власти он может быть превращен в ее подлинно лояльную опору. Или же реформизм найдет свои собственные, возможно, мещанские формы.

Сейчас нет другой формы реформизма, кроме мещанской. Но она могла бы быть, и эта форма — демократическая. В свободном обществе безвольная реформистская стихия выявила бы, путем механического подсчета голосов, свою пока неизвестную волю, а сам реформизм нашел бы себе свое внешнее адекватное оформление. Но не имея волевого фактора, реформизм сам по себе не способен сделать то, что необходимо для создания этих внешних адекватных для его существования условий, он не способен произвести революцию.

Реформизм может получить эти формы только в результате революции, и в этом плане возможности естественного для него неволевого существования он может найти только в рамках, созданных волевым фактором революционных сил. Поэтому у реформизма нет собственной цели и нет собственной перспективы. Психологически-политическое ощущение, общее настроение реформизма — это нерешительность, отсутствие последовательности, отсутствие принципиальности. Реформизм есть явление стихийное, расплывчатое, воодушевляющееся, если оно способно чем-то воодушевиться, идеалами ползучего эмпиризма и бесперспективного постепенства.

Именно поэтому смелым и решительным, последовательным и принципиальным людям нет и не может быть места в реформистском движении. Поэтому-то, что есть или будет в России волевого, решительного и смелого, самой структурой и природой реформизма будет из него неизбежно выталкиваться и притягиваться существующими волевыми факторами.

А так как волевых факторов только два — фактор власти и революции, то реформизм есть лишь арена борьбы двух полюсных волевых факторов.

У волевого революционного фактора по отношению к реформизму есть две задачи, зеркально отражающиеся в

задачах КПСС: препятствовать использованию реформизма властью и (положительная задача) использовать реформизм в революционных целях. Только так может разыгрываться проблематика в рамках реформистского движения. Эта проблематика может ставиться или КПСС, или НТС. Внутренней природной проблематики у реформистского движения нет, разве что за исключением мелких и второстепенных задач, которые даже неудобно называть проблемами.

В гармонической программе данного этапа революции в России, вероятно, надо поставить себе задачу содействия общему расширению и углублению реформистского движения.

Кроме того, необходимо пестовать в рамках реформистского движения все автономные или полуавтономные факторы. Единственные ограничения в этом отношении нам ставит необходимость защищать интересы России вообще и России будущего. Например, мы вряд ли могли бы приветствовать автономные факторы типа сепаратистских, потому что они наносят ущерб России. С другой стороны, даже стилиги, сектанты и другие объективно льют воду на мельницу революции. Они усиливают общий фронт автономных факторов и имеют свое функциональное, хотя, вероятно, и временное, значение в революционной организации всего процесса.

Затем задача революционных сил — содействовать переходу реформистов из пассивного состояния в активное, а из активного в радикальное. Сюда входит вся проблематика Гаагского конгресса*), с его требованиями, но не только в рамках, допускаемых сегодняшним объемом свободы. Можно добиваться расширения этих рамок. И, наконец, главное и центральное, для чего все остальное является лишь подсобным, — содействие переходу сегодняшних реформистов в революционный лагерь.

*) Конгресс «За права и свободу в России» состоялся 25—27 апреля 1957 года в Гааге (Голландия). В нем приняли участие 81 человек политических деятелей российской эмиграции, в том числе: членов НТС — 33, Российского Национального Объединения (РНО) — 13, ЦОПЭ — 8, Объединение российских народников — 3, Армянского объединения — 3, Украинского Вызвольного Руха — 3, СВОНР — 1, Азербайджанского Объединения — 1, Татаро-Вашкирского Объединения — 1, и не состоящих ни в каких объединениях — 15.

Сборник материалов работы Конгресса вышел в 1958 году под названием: «Конгресс за права и свободу в России», 316 стр.

Революция и государственные интересы

Но тут встает трудность, которую мы не считаем непреодолимой, но чрезвычайно серьезной. В свое время мы считали одним из основных тормозов революционного процесса, который нам прежде всего нужно было психологически снять, сознание, что революция невозможна. Эта проблема отошла сейчас в значительной степени, в область прошлого, но на ее место выступила другая, связанная с общими настроениями в лагере реформистов. А настроения эти можно формулировать так: революция возможна, но она нежелательна.

В чем здесь дело? На сознание людей, главным образом, действует фактор боязни рецидива репрессий. Обычно люди, которые говорят о нежелательности революции, ссылаются на возможность, в случае революционных актов, каких-то репрессий. Правда, они обычно говорят, что народ достаточно силен и рецидива быть не может, но тем не менее в подсознании их вероятно это опасение живет. Здесь наша задача показать, какие общественные силы могут быть в настоящий момент противопоставлены террору.

Гораздо труднее бороться с психологическим отталкиванием от революции и с утверждением о ее нежелательности в силу того, что в сознании людей революция эквивалентна ломке, кризису, анархии и крови, как во внутреннем, так и во внешнем плане, включая опасность интервенции. Мы давно уже утверждаем в нашей пропагандной литературе, что революционный фактор — это та сила, которая максимально может обеспечить порядок и защиту от хаоса интервенции и т. д.

Однако, что значит обеспечить бескровную революцию, революцию без беспорядка, без баррикад, без гражданской войны? Это значит, что власть должна дойти до такой степени разложения, чтобы она валялась на улице, чтобы революционная сила могла бы просто, безболезненно, без кровопролития, гражданской войны и баррикад взять власть в свои руки.

Но дело в том, что мы не можем, по многим причинам, и в частности по вытекающим из самой постановки вопросов, нарисовать такую картину, потому что о нежелательности революции люди говорят по двум, в их сознании связанным причинам. С одной стороны, боятся революционного хаоса,

а с другой — иностранной интервенции. Боятся, что если мы будем так слабы и у нас начнется хаос, то тут-то и появятся иностранные интервенты.

Однако опасность иностранной интервенции будет грозить России не в тот момент, когда власть будет валяться на улице, а значительно раньше, когда она будет настолько слаба, что иностранная интервенция может быть произведена без большого кровопролития и без риска употребления атомных бомб. Иными словами, для того, чтобы предотвратить интервенцию, нужно власть снять тогда, когда она еще достаточно сильна, чтобы обеспечить русский народ от этой самой интервенции.

Здесь-то и появляется противоречие между двумя требованиями: желание сохранить целостность России, желание сохранить в полной боевой готовности вооруженные силы, которые могли бы предотвратить иностранную интервенцию, требует, чтобы процесс перехода власти в руки иной политической силы был произведен тогда, когда старая власть еще достаточно сильна; бескровная же революция может быть осуществлена тогда, когда сила власти будет практически сведена к нулю.

Противоположность этих требований делает необходимым разрешение этого вопроса оптимальным путем, а это можно сделать без ущерба только в том случае, если уже до революции революционное движение будет иметь свою организованную, и в пределе вооруженную силу.

Иными словами, и с этой точки зрения, когда нам приходится полемизировать с людьми, которые говорят о нежелательности революции, и когда мы хотим снять этот сегодня важный психологический тормоз революционного процесса, мы неизбежно приходим к доказательству того, что мы пытаемся доказать в настоящей статье: без революции этого сделать нельзя.

Выходит, что именно в русских патриотических интересах, для предотвращения всяких неприятностей, связанных с ослаблением России, процесс ослабления советской власти и коммунистической партии, который идет сейчас по методу «два шага вперед, шаг назад», — должен быть прерван раньше, чем наступит полное бессилие власти. Гражданский долг русских людей — взять власть в руки революционных и заранее вооруженных сил, прежде чем наступит полный паралич коммунистической власти.

Волевое ядро революционного процесса

Отсюда мы приходим к старому выводу, который подтверждается в этой обстановке, что России необходимо, чтобы революционная тенденция была представлена волевым фактором, имеющим свое ядро, и чтобы это ядро имело в своем потенциальном распоряжении организуемые ресурсы, которые явились бы в глазах российского населения и, в частности, реформистов достаточной гарантией безболезненного для интересов России перехода от одной политической системы к другой. Это политическое ядро должно, очевидно, сегодня, так сказать реально и конкретно ощутимо, осуществлять политическое руководство, иметь на территории России сетку исходного кадра, иметь необходимые и нужные контакты для обеспечения внешней безопасности и свои собственные вооруженные ресурсы. Оно должно иметь возможность мобилизовать существующие ресурсы нашей армии и обеспечить внутренний порядок, мобилизуя силы, сейчас находящиеся на услужении власти для обеспечения этого порядка.

Для того, чтобы эти задачи ставить более конкретно, это ядро должно иметь свои ячейки как в милиции, так и в отдельных вооруженных частях. Нужно, чтобы наличие этих ячеек ощущалось. Необходимы какие-то внешние проявления, которые постепенно доводили бы до сознания народа, что за кулисами допустимого, в рамках еще существующего строя, имеется уже эта организованная крепкая сила. Нужны манифестации личные, групповые, массовые, нарастающие в такой последовательности. Как одна из форм этих демонстраций нужны забастовки оппозиционного звучания с растущим революционным лейтмотивом.

Каковы наши ресурсы в плане создания этого ядра, сетки с внешними проявлениями, которых должно быть все больше и больше? Помимо членов НТС организованных ресурсов у нас в стране нет или почти нет.

Имеются небольшие сепаратистские группы, которые, увы, хотя и содействуют некоторым процессам разложения власти и даже являются растущим автономным фактором, по критерию ущербности для интересов России не могут быть нами приняты во внимание. Они не могут быть впряжены в те процессы, которыми мы хотим гармонически руководить.

Может быть есть еще анархисты, но анархистские группы имеют мало шансов вырасти во что-то значительное на российской почве.

Власовцы, если бы они сформировались, вероятно, стояли бы на очень близких с нами позициях, и могли бы без труда быть включены в нашу общую систему.

Студенческие группы есть несомненно, и мы с ними будем сталкиваться. Не все будут полностью входить в нашу систему, и неизвестно, какова будет их дальнейшая судьба, но ясно, что студенческие группы являются временной категорией. Люди вырастают из студенческих лет, а в постоянное явление может перерасти только очень сильная, имеющая свою традицию группа.

Спрашивается, кто те люди, которые могли бы войти в это ядро? Нам кажется, что ответ прямо противоположен вопросу о составе реформистского движения: все смелые, решительные, принципиальные и последовательные люди — есть потенциальные участники именно революционной организации.

Среди них мы найдем следующие категории: искатели Правды. Эта категория никогда не переводилась на русской земле; сейчас она находится в стадии расцвета. Затем — романтики, которым нет места в советской действительности, которых Хрущев осуждает сейчас за пьянство или за скуку. Эта давящая скука несомненно будет выделять романтиков, которые найдут естественно применение своим силам в организованной революционной среде.

Затем следуют люди ответственности. Дело в том, что по мере ослабления власти патриотическая категория людей с сознанием гражданского долга перестанет видеть в слабой власти гаранта целостности России, гаранта от хаоса и потрясений. Это приведет людей ответственности в лагерь революционной организации.

В общем же — это люди героической складки и твердой воли. Думается, что в России таких людей достаточно для того, чтобы обеспечить существование революционного ядра, сетки основного кадра и создать ячейки во всех воинских частях. На таких людей героической складки, между прочим, не действуют теперешние явления, которые многие склонны рассматривать как размагничивающие революционное поле. Это мы можем утверждать по своему собственному опыту, т. к. мы сами стоим на определенных позициях и никогда не поддадимся этому разлагающему действию.

Бесспорно, что для деятельности этих людей твердой воли и героической складки условия с каждым днем складываются все более благоприятно. Падение страха уже отмечено, а разложение аппарата принуждения, террора и насилия, конечно, дает большие и неизмеримо растущие возможности для развития операций. Затем я уже указал на рост практических возможностей, вытекающих из улучшения быта, из процессов, проходящих в экономической плоскости. Тут и большая свобода передвижения, и увеличение благосостояния, которое может быть употреблено на различные цели, в частности на приобретение бумаги для листовок. Уменьшение изоляции позволяет большее общение, а для более обеспеченных все растет возможность использования в революционных целях квартир, радиоаппаратов, заграничных поездов и т. д.

Рост тревоги за будущее и личной ответственности за него, как мы отмечали, будет расти по мере ослабления власти, ибо власть будет деградировать дальше и наступит момент, когда нужно будет беспокоиться о защите интересов страны. Следовательно растущий революционный фактор должен выступать как гарант русского будущего и гарант против хаоса, беспорядка и интервенции. Люди, таким образом будут привыкать к этому новому гаранту и, что очень важно, стремительно пойдут ввысь общественные симпатии и резонанс на революционные действия. Уже случай с Пастернаком показал, что в России есть такой резонанс, что героические действия одиночек не пропадают втуне, как это было в сталинские времена, когда люди не шли на геройство, в частности, а может быть и в особенности, по той причине, что это геройство было бессмысленно — оно не могло найти ни симпатии, ни общественного резонанса. По мере роста симпатий и общественного развития герои будут рождаться из самой обстановки, потому что стремление к геройству неизбежно в душе всякого человека и русского человека в частности. Герои у нас не появлялись, потому что была совершенно бесплодная для них почва. Каждый человек в потенции герой, но он не проявляется, пока нет общественного резонанса, который сейчас у нас в России нарастает.

При молекулярной системе мы привыкли к тому, что выработанную за границей доктрину или положения и рекомендации мы передавали стихии в Россию. Был штаб со своими разработками и инструкциями, и была эта стихия.

По радио и всеми другими способами идеи и рекомендации в общих формах перебрасывались в эту стихию, а организационная часть полностью предоставлялась российскому самотеку. Сейчас во главе угла стоит конкретная задача организации волевого фактора у нас на родине.

«Всякий вырождающийся строй исторически обречен. Идеиное и политическое вырождение коммунистического режима становится все более очевидным, и он будет сметен народной революцией в результате которой должен быть установлен правовой порядок, обеспечивающий свободное ограниченное развитие общества путем мирных и планомерных реформ.

Активные силы революции, мобилизуя оппозиционные резервы общества и народа, используя содействующие и сопутствующие факторы, целеустремленно и последовательно развивают революционную борьбу против диктатуры. Это развитие включает в себя: а) разработку положительной идеи, стратегических принципов и отстройку революционной организации; б) охват широких народных масс революционными идеями; в) организацию всенародного революционного действия.

Борьба за новый строй не должна вылиться в стихийное разрушение; надо сохранить то полезное и нужное, что создано творчеством русского народа в период коммунистического господства. Только путем строительства, а не огульного разрушения, путем творческого синтеза, а не мести и голого отрицания — можно построить Новую Россию». Из программы НТС (русских солидаристов)

Современная стратегия коммунизма

И. Курганов

Печатаемая статья проф. И. Курганова представляет собою две главы из подготовленной им к изданию книги «Как избежать войны».

Ред.

Новый этап в стратегии коммунизма

Сталинская стратегия военно-принудительной коммунизации мира использует не только военное давление на свободный мир; она использует также экономическое давление: демпинг, закупка, помощь; политическое давление (по вертикали и по горизонтали) и идеологическое давление (пропаганда), но несомненно, основой всех основ этой стратегии является военная мощь СССР и военное давление коммунизма. Эта стратегия — всестороннего и, прежде всего, военного давления на Свободный мир, обеспечивающая коммунизму баснословные успехи, сохраняется и после смерти Сталина. Хрущев и все его сотрудники представляют собой продолжателей сталинского дела и они никакой своей стратегии, никакой своей политической доктрины не имеют. Даже в период «развернутого» развенчания Сталина — в 1956 году — Хрущев говорил в беседе с французской социалистической делегацией, что

«Сталин был великий человек, несмотря на его отвратительные преступления. Теперь новые люди критикуют и исправляют его ошибки действия, но не его доктрину»¹⁾.

Следовательно, доктрина Сталина, т. е. его стратегия принудительной коммунизации мира, не критикуется, не исправляется и не пересматривается. Это подтверждается многочисленными выступлениями Хрущева, многочисленными исследованиями в области международной политики²⁾ и всей

политической практикой последнего времени. И тем не менее после смерти Сталина начался новый период внешней политики коммунизма, который имеет для всего мира судьбоносное значение. В чем заключаются особенности этого периода? Вице-президент США Р. Никсон в речи по московскому радио 1 августа 1959 года говорил, например, что

«Нынешний глава советского правительства несколько раз заявлял, что коммунизм, по его мнению, должен восторжествовать мирным путем, в порядке соревнования с капитализмом. В этом отношении его подход резко отличается от подхода его предшественника»³⁾.

Констатация той идеи, что коммунизм стремится восторжествовать над капитализмом, то есть над Свободным миром, является несомненным прогрессом американской политической мысли, но вера в то, что он стремится восторжествовать мирным путем показывает насколько еще американская политическая мысль далека, скажем, от правильного понимания специфической терминологии коммунизма. В 1939 году коммунизм «мирным путем» восторжествовал над «капитализмом» прибалтийских стран. Без единого выстрела были заняты, а затем коммунизированы три суверенных государства Прибалтики. По советской терминологии это — мирный путь соревнования с капитализмом, а в действительности — это путь военной-принудительной коммунизации свободного мира. Принудительной, а не добровольной и, значит, не мирной. Нет абсолютно никакого сомнения, что путь принудительной коммунизации мира целиком сохраняется и на новом, современном этапе внешней политики коммунизма. Поэтому говорить о Хрущеве, что «его подход резко отличается от подхода его предшественника» неправильно. Дело совсем не в том, что Сталин был за военное наступление, а Хрущев за мирное соревнование, а в том, что в предыдущий период сталинской стратегии политические, экономические и социальные элементы коммунистического наступления были еще в начальной стадии своего развития и основой коммунистического наступления была только военная сила, а сейчас эти элементы уже вышли из начальной стадии своего развития, и в наступлении коммунизма начинают играть возрастающую роль. Поэтому новый период принудительной коммунизации Свободного мира характеризуется комбинированным наступлением коммунизма, когда наряду с военной силой, продолжающей сохранять свое решающее значение, начинают успешно применяться и другие достаточно разно-

образные формы давления на Свободный мир, способствующие его коммунизации или, как мягко выражаются в СССР, «переходу к социализму». Сущность и задачи нового периода принудительной коммунизации мира сформулированы на XX съезде партии (февраль 1956) следующим образом:

«Вполне закономерно, что формы перехода стран к социализму в дальнейшем будут всё более разнообразными. При этом не обязательно, что осуществление форм перехода к социализму при всех условиях будет связано с гражданской войной... (т.е. революцией «снизу». — К.)... Как известно, в странах народной демократии Европы в иной исторической обстановке дело обошлось без гражданской войны... (т.е. была произведена революция «сверху». — К.). В этой связи возникает вопрос о возможности использования и парламентского пути перехода к социализму... Рабочий класс... (т.е. партия. — К.) имеет возможность нанести поражение реакционным, антинародным силам, завоевать прочное большинство в парламенте и превратить его из органа буржуазной демократии в орудие действительной народной воли»⁴⁾ (т.е. в оружие коммунистической партии. — К.).

Таким образом, двадцатый съезд наряду с военными и революционными путями указал возможность и политического пути коммунизации мира, в частности, гитлеровский путь захвата парламента. Двадцать первый съезд, продолжая именно эту линию, особенно подчеркнул экономический путь коммунизации мира, который в сочетании с военным, революционным, социальным и политическими путями открывает для коммунизма исключительные возможности. На XXI съезде было подчеркнуто, что

«Когда СССР превратится в первую промышленную державу мира... миролюбивые народы смогут тогда заставить воинствующие круги империализма отказаться от планов новой мировой войны»⁵⁾,

т.е. тогда коммунисты смогут заставить свободные страны отказаться от защиты своей свободы и независимости как дела совершенно безнадежного и безоговорочно капитулировать перед коммунизмом по прибалтийскому рецепту. Это и будет «мирный путь перехода к социализму». На XXI съезде подчеркнуто также, что:

«Само собой разумеется, что в конкретных условиях таких стран, где эксплуататорский класс будет оказывать отчаянное сопротивление трудящимся, пролетарская диктатура вынуждена будет сломить это сопротивление насильственными мерами»⁶⁾,

т. е. войной. Следовательно, если политические, экономические и другие меры окажутся недостаточными, чтобы принудить Свободный мир безоговорочно капитулировать, будут использованы «насильственные» меры, то есть война. Знаменитая формула: «либо-либо» приобретает, таким образом, новый смысл. Если раньше коммунисты говорили, что сосуществование социализма и капитализма продолжительное время невозможно — либо тот, либо другой в конце-концов победит. Либо по Советской республике будут петь панихиды, либо по мировому капитализму» (Ленин), то сейчас победа капитализма уже исключается. Сейчас формула: «либо-либо» относится коммунистами уже целиком к Свободному миру: *либо капитуляция, либо военный разгром*. Сейчас коммунисты уже открыто говорят Свободному миру:

«Мы вас упробим»⁷⁾

и уже уверены, что Свободный мир их угробить не может. После своего возвращения из США Хрущев называет Свободный мир «дряхлой клячей капитализма». Однако, чтобы угробить эту «дряхлую клячу» советский «рысак» должен еще напрягать свои усилия. Необходимо еще расшатать Свободный мир политически, необходимо еще догнать «дряхлую клячу» экономически⁸⁾, необходимо еще усилить военную подготовку СССР и превратить СССР в абсолютную подавляющую силу. Но для всего этого необходимо выиграть время. Вот почему XXI съезд партии особо подчеркнул, что:

«Коренная проблема предстоящего семилетия — это проблема ускоренного развития народного хозяйства по пути к коммунизму, проблема максимального выигрыша времени»⁹⁾.

Это, конечно не значит, что «выпрыгающий время» коммунизм не будет наступать на Свободный мир, пока он не подготовится к окончательному его разгрому. Наступление коммунизма на Свободный мир не остановится и остановиться не может; оно будет развиваться и уже развивается многообразными путями. В процессе этого коммунистического наступления в любое время может вспыхнуть и война. И не только потому, что наступление коммунизма в какой-то мере приобретает характер бесконтрольности со стороны коммунистических вождей, но и потому, главным образом, что оно бесконтрольно со стороны общества, со стороны народа.

Режим, в котором конституция является пустым пропагандным документом, а советы («парламент») в между-

народных делах не имеют абсолютно никакого значения; режим, который возглавляется одной монополярной партией и поэтому абсолютно независим от народа; режим, в котором единственная партия превращена в административно-исполнительный аппарат, в новый класс чиновников, никакого голоса в международных делах не имеющих; режим, в котором все вопросы внутренней и внешней политики бесконтрольно решаются небольшой группой лиц, составляющих президиум партии, а в этом президиуме предрешаются одним человеком — первым секретарем партии, культ личности которого означает ничем не ограниченную власть; режим, глава которого — первый секретарь партии — не избирается народом как лучший человек страны, а пробивается к власти (скажем, Сталин) независимо от народа при помощи коварства и жестокости, — такой режим не может служить гарантией мира. Война может вспыхнуть в любой момент в силу случайного настроения тех, кому принадлежит власть в коммунистическом мире. Она может вспыхнуть значительно раньше, чем коммунисты убедятся, что политические, социальные и экономические меры воздействия на Свободный мир недостаточны, чтобы заставить его целиком капитулировать, то есть раньше, чем они убедятся в необходимости войны как последнего и решающего средства для разгрома Свободного мира. Война может вспыхнуть в любое время и вопреки всякой исторической логики: в этом трагедия нашей эпохи. И именно поэтому Свободный мир не спокоен. И именно поэтому наиболее дальновидные его деятели не забывают общеизвестной притчи о черепахе и скорпионе. Напомним ее:

Скорпион, желая переправиться на другой берег реки, обратился к черепахе с просьбой взять его к себе на спину и переплыть с ним реку. — Но ты же укусишь меня, сказала черепаха. — Как же это можно, — возразил скорпион, — ведь если я тебя укушу, то ты немедленно утонешь, а значит утону и я. Этот довод убедил черепаху и она согласилась переплыть реку вместе со скорпионом. Но во время переправы скорпион не мог удержаться и укусил черепаху. Черепаха утонула, утонул и скорпион.

Правда, эту притчу помнят только наиболее дальновидные руководители Свободного мира, которые понимают, что предотвратить войну можно не путем беспринципных соглашений с руководителями коммунизма, а путем глубоко продуманной социально-политической стратегии и огромного труда. Но наряду с ними существует в Свободном мире не-

мало черепах, которые внимательно прислушиваются к разговорам скорпионов, но не дают себе труда так же внимательно в них разобратся. Им говорят: давайте сосуществовать. Вы же видите, что угробить вас мы еще не вполне готовы. Чтобы угробить вас нам надо еще догнать вас и мы вас догоним, но вы же видите, что мы вас пока не догнали. Как же мы вас угробим, если мы вас не догнали и вы еще сильнее нас: ведь мы же сами погибнем... И какая-нибудь черепаха думает: действительно они нас еще не догнали и угробить нас никак не могут. Во всяком случае пока я у власти они угробить нас еще не смогут, а когда они смогут нас угробить, тогда меня уже не будет. Нет поэтому срочной необходимости работать над предотвращением войны: я и так, без всякого труда, войду в историю как великий дипломат и миротворец.

Такие настроения и использует коммунизм.

Итак, новый период в стратегии коммунизма — это период «мирного» сосуществования, в течение которого развертывается комбинированное наступление на Свободный мир и одновременная подготовка окончательного его разгрома.

ВОЕННОЕ НАСТУПЛЕНИЕ КОММУНИЗМА

Военная доктрина

Говоря о современном этапе в стратегии коммунизма, необходимо, прежде всего, хотя бы в самых общих чертах, коснуться отдельных элементов доктрины коммунизма, ибо призраки войны накладывают свой отпечаток абсолютно на все вопросы международной политики. Советская военная доктрина представляет собою единую систему взглядов на построение, подготовку и использование военных сил в целях принудительной коммунизации мира.

«Основной советской военной доктрины являются: руководящая и организующая роль КПСС, мощные материальные и духовные ресурсы советского общества, непрерывно возрастающая индустриализация, сырьевая и продовольственная база страны, могучие вооруженные силы, научное понимание законов вооруженной борьбы»¹⁰).

В этом определении, сформулированном в последнем (1958) издании МСЭ, подчеркиваются по существу следующие

щие пять особенностей военной доктрины коммунизма: 1. Военные силы СССР служат не государству, а партии, как орудие для достижения ее целей — коммунизации мира; 2. СССР является для коммунизма не обычным государством, а, прежде всего, военным плацдармом, все материальные и людские (духовные) силы которого используются в партийных целях; 3. Вся жизнь СССР, все его пятилетки и семилетки подчинены не интересам народа, а созданию индустриальной и продовольственной базы военных сил, то есть исключительно военным целям; 4. Основной задачей партии является не улучшение жизни народа, а организация «могучих» военных сил, превосходящих военные силы любого из возможных противников и 5. Военное наступление на противника строится на основе «научно-понимаемых» законов военной борьбы. Эти «законы» в приведенном определении не перечислены, но, судя по специальной литературе СССР, к ним относятся, например, наступательный характер войны, полное уничтожение противника, положительное отношение к коммунизму со стороны народа и ряд специальных концепций, составляющих военно-оперативную часть общей доктрины.

Военная доктрина коммунизма предполагает наступательный характер войны. Широко известны, например, «изречения» Сталина, что ни одной пяди своей земли не отдадим и будем бить врага на его территории. Правда, в войне 1941—45 гг. регулярная армия СССР в значительной своей части оказалась в плену, а ее остатки отступали до Волги. Отступление продолжалось целый год и Сталин утверждал тогда, что отступление происходит для того, чтобы использовать гигантские пространства России, ее суровый климат, патриотизм ее народа и партизанскую войну с целью измотать силы противника и затем перейти в наступление. Эта «сталинская стратегия» внешне повторяла стратегию Кутузова и давала повод говорить об оборонительном характере коммунистической доктрины. Однако Кутузов действительно придерживался оборонительной доктрины и в полном соответствии с ней отступал вглубь страны *преднамеренно*. Перейдя затем в наступление, он, а потом Александр I дошел до Парижа, но завоеванную территорию в состав России не включил. Сталин придерживался наступательной доктрины и в полном противоречии с ней отступал вглубь страны *вынужденно*. Перейдя затем в наступление он дошел до Берлина и всю завоеванную территорию включил в состав

«социалистической» системы. Ясно, что военная доктрина носит не оборонительный, а наступательный характер. Даже тогда, когда речь идет об обороне, руководители коммунизма неизменно повторяют тезис Клаузевица, что лучшим способом обороны является наступление.

Военная доктрина коммунизма носит не только наступательный характер, но и требует завершать наступление полным разгромом противника, как организованной силы, и обязательным построением на его территории коммунистического общества. Только в этом случае будет исключена всякая попытка дальнейшей борьбы с коммунизмом и только такая победа может считаться окончательной, ибо, говорит Хрущев:

«Лучший путь к прекращению всяких войн — водворение коммунизма во всем мире»¹¹).

Военная доктрина коммунизма считает в то же время, что для полной и окончательной победы коммунизма большое значение имеет настроение народа, его положительное отношение к коммунизму, то есть то, что относится уже к духовному фактору войны. С нашей точки зрения духовный фактор войны действительно имеет огромное значение и в связи с этим мы позволим себе высказать следующие соображения.

Известно, что все международные войны до сих пор носили национально-государственный характер, но сейчас, когда мир «де-факто» стал более или менее единым, будущая мировая война будет носить не международный характер, а характер внутримировой гражданской войны, то есть войны, преследующей не территориальные и не экономические цели, а цели политического переустройства человеческого общежития. И если до сих пор все международные войны развертывались, прежде всего, «в трех измерениях» — на суше, на воде и в воздухе, то в будущей гражданской войне будет еще одно «четвертое измерение» — духовная область человека, его отношение к двум, сформулированным в введении к этой работе, принципам политического устройства общества, и это «четвертое измерение» будет основой всех основ предстоящей борьбы. Человечество вступает уже в такую полосу своего развития, когда в политическом отношении оно делится не только по линии государственных или национальных границ, но и по линии демократических или коммунистических убеждений, то есть убеждений, относящихся именно к духовному фактору войны. Духовный фак-

тор имел свое значение и в прошлых войнах (патриотизм, религия . . .), но в прошлых международных войнах он носил иной, главным образом, национальный и эмоциональный характер. В будущей войне политические воззрения народа будут носить не столько национальный, сколько интернациональный характер, и не столько эмоциональный, сколько рационалистический характер. Всё это изменяет характер войны и влияет на ее исход.

Современные политические деятели очень любят говорить, что тот или иной народ вообще войны не хочет. Но некоторые из них, вероятно, знают, что в массе своей ни один народ, ни в одной стране никогда воевать не хотел и к войне не стремился. И тем не менее тысячи лет войны идут непрерывной чередой и с возрастающей силой разрушения. Очевидно, дело не только в том — хочет или не хочет народ воевать, но и в том — может или не может существующая власть убедить или заставить народ воевать, может или не может, скажем, демократическое государство убедить свой народ воевать за свободу и демократию, а коммунистическое правительство — заставить народ воевать за принудительную коммунизацию мира.

Всем известно, что СССР имеет сейчас самую сильную в мире сухопутную армию, вооруженную самой совершенной военной техникой, имеет мощный морской флот с самым сильным в мире составом подводных лодок, имеет мощный воздушный флот с самой сильной в мире противовоздушной обороной, имеет мощное ядерное вооружение с самым сильным в мире ракетным составом, и если учесть при этом исключительно высокую подготовку личного состава советской армии (лейтенант, кроме специального военного образования, имеет высшее общее образование), то, казалось бы¹²⁾, что коммунизм имеет уже все предпосылки, чтобы перейти от частичной ликвидации свободного мира к общей и окончательной его ликвидации. И тем не менее коммунизм пока этого не делает. Очевидно есть для этого какие-то причины. Не является ли причиной задержки общего военного наступления коммунизма упомянутый выше духовный фактор, то есть недостаточная психологическая готовность народа, особенно народа стран сателлитов, к боевым военным действиям? Может ли Кремль заставить коммунизированные народы вести большую войну уже в данное время?

Война и народ

В первой половине текущего столетия российский народ пережил особенно тяжелую полосу своей истории. Эта полоса началась в 1914 году, но тяжесть ее резко возросла в эпоху сталинской стратегии, требовавшей усиленной индустриализации и сплошной коллективизации страны. Чтобы создать военную силу, нужную для принудительной коммунизации мира, партия должна была, как мы уже говорили, построить тяжелую промышленность, способную снабдить огромную армию современным вооружением и должна была заставить народ не только жестоко голодать, но и непосильно работать. Заставить же народ можно было не столько убеждением и поощрением, сколько принуждением и страхом — арестами, пытками, концлагерями и расстрелами. Именно этим путем партия в течение тридцати с лишним лет заставляла народ работать и не только выматывала его духовные и физические силы, но и объективно стала на путь известного истребления нации, истребления резко усилившегося во время войны. Судить об этом истреблении народа можно на основе переписей населения СССР, официальные результаты которых известны всему миру. Приведем лишь следующие цифры:

а) Нормальный коэффициент прироста населения до коммунистической революции (за 1900—1910 гг.) составлял в России 1,7%. Такой же (1,7%) коэффициент прироста населения существует в СССР и в последние годы¹³). Основываясь на этом коэффициенте легко подсчитать, что прирост населения в первый период сталинской стратегии — с 1926 по 1939 гг. — должен быть 36 млн. человек.

б) В 1939 году были присоединены Литва, Латвия, Эстония, часть Польши и т. д. и население СССР механически увеличилось на 20 млн. человек.

в) Прирост населения во второй период сталинской стратегии 1939—1959 гг. по коэффициенту 1,7% должен быть 81 млн. человек.

г) Таким образом, общее количество населения СССР в 1959 году должно быть 284 млн. человек, а в действительности, согласно переписи населения, произведенной в январе 1959 года, оказалось 209 млн. человек. Следовательно, истребление народа, связанное со сталинской стратегией составляет 75 млн. человек.

Семьдесят пять миллионов погибших от террора, пере-

утомления, голода и нужды во время «социалистического» строительства военной промышленности, затем погибших и не родившихся во время войны и, наконец, погибших от истощения и репрессий после войны — таков результат коммунистической стратегии. Понятно, что в 1941—42 гг. народ не хотел защищать власть коммунизма и миллионами сдавался в плен. Коммунистическая власть не могла заставить народ воевать и только Гитлер убедил народ, что воевать против него необходимо. С 1943 г. народ стал воевать и победил. Однако после победы положение народа почти не улучшилось (улучшение заметно лишь в самые последние годы, но оно и через 15 лет после войны, сравнительно с тем, что народ имеет в Свободном мире, совершенно недостаточно). Но коммунистическая власть с прежней настойчивостью требует от народа «социалистического соревнования» и непосильного труда. С прежней настойчивостью власть строит военную (тяжелую) промышленность и оставляет народ в состоянии полуголода, нищеты и жилищной нужды. Ясно, что настроение народа оппозиционно и оно особенно оппозиционно в странах сателлитах. И ясно, что заставить народ вести большую войну сейчас очень трудно. Сейчас, как правильно заметил Чарльз Мор,

«Коммунистические лидеры в общем утратили способность создавать энтузиазм и поддержку существующей системе»¹⁴).

И, говоря о СССР, необходимо отметить, что народ уже переболел коммунизмом. В то же время его культурный уровень повысился, повысились и требования к власти, повысилось и недовольство народа властью¹⁵). Но армия состоит из народа и, прежде всего, из колхозного крестьянства — элемента наиболее оппозиционного к власти. Можно поэтому с достаточным основанием предположить, что духовный фактор большой войны в СССР еще не готов, что развязанная коммунистами большая война может перейти в гражданскую войну не только во внешнем мире, но и внутри СССР. Именно это опасение и служит одной из причин (наряду с наличием американских баз и пр.) задержки общего военного наступления коммунизма.

Но... позволим себе сравнить коммунизм с велосипедистом. Он сидит в седле пока движется вперед и немедленно выпадает из седла как только останавливается. Коммунизм по всей своей внутренней логике должен двигаться вперед, должен наступать и не может не наступать. И он непрерывно

наступает. Но поскольку «социалистический лагерь» к большой войне еще не готов, коммунизм наступает иными способами, иными путями и, в частности, путем малых войн.

Малые войны

Малые войны не содержат в себе риска внутренних осложнений для коммунистической власти, связанных с «четвертым измерением» войны, с ее духовным фактором. Армия остается в данном случае «верной» партии и правительству, так как каждый солдат и офицер видит гигантское превосходство военных сил наступающей стороны, понимает безнадежность положения малой страны, а, значит, и полную бессмысленность добровольного перехода в плен. В 1939 году никто добровольно не сдавался в плен Польше, Финляндии или Литве, а в 1941—42 гг. миллионы сдавались в плен Германии, сдавались даже тогда, когда немцы теряли свои преимущества.

Малые войны не содержат почти никакого риска и внешних осложнений для коммунизма. Корея, когда президент Труман проявил необходимые мудрость и мужество, является исключительным случаем. Но и этот исключительный случай помощи малой стране не был доведен до логического конца. Однако, чтобы избежать таких уже совершенно исключительных случаев, малые войны могут проводиться коммунистами под «демократическими» флагами и при широко организованной, целиком парализующей внешние осложнения, предварительной подготовке (скажем: усиленная инфильтрация в малую страну коммунистической агентуры, организация там пражданской или партизанской войны, как внутреннего дела суверенного государства, обработка мирового общественного мнения, сенсационные акции коммунистической дипломатии, отвлекающие внимание Свободного мира и т. д. и т. п.).

В целях исключения всякого риска для СССР малые войны могут проводиться чужими, скажем, китайскими руками (коммунизм, как заявил Хрущев, не несет ответственности за политику Китая), когда СССР может спокойно вести «миролюбивые» переговоры с заинтересованными странами и «с чистым сердцем» выступать в качестве «искреннего» поборника мира, выторговывая у распустившихся ушей дипломатов Свободного мира максимум возможного.

Малые войны могут иметь самые разнообразные формы, в зависимости от специфических условий данной страны и международной обстановки данного времени. Эти формы малых войн избираются коммунистами и только ими, причем избираются на основе серьезного предварительного изучения (работают целые институты и крупные ученые) всей обстановки данной страны и максимального использования ее местных сил (классов, партий, наций, церквей и т. д.).

Наконец, и это не менее важно, малые войны ограничиваются обычным оружием, которое доступно местному населению почти без всякой подготовки и в котором коммунистический мир неизмеримо сильнее Свободного мира. Если при этом учесть, что Свободный мир не может расплывать свои обычные военные силы по многочисленным очагам малых войн и не может или не хочет применять в малых войнах ядерное оружие (хотя некоторые американские специалисты, например, Киссинджер¹⁶) и рекомендуют это), ибо ядерное оружие может вызвать перерастание малой войны в большую войну, то можно сказать, что коммунизм, организуя малые войны, остается безнаказанным, а периферия Свободного мира по существу не защищенной (вспомним Тибет).

Во всяком случае малые войны являются для коммунистической системы почти беспроблемными акциями. В самом худшем для коммунизма случае может быть оказана пострадавшей стране помощь государствами Свободного мира и малая война кончится безрезультатно, но и в этом случае коммунизм ничего не проигрывает. Что касается общественного мнения, то коммунистическая пропаганда легко превращает черное в белое и всегда может «доказать», что коммунисты не организуют, а лишь тушат малые войны. Хрущев в своей статье, помещенной в американском журнале «Форин афферс» пишет, например, что коммунистам:

«... удавалось в зародыше тушить очаги войны, которые возникали то в одной, то в другой части земного шара — на Ближнем Востоке и в Европе, на Дальнем Востоке и Юго-Восточной Азии»¹⁷).

Может быть, поэтому г. Неру, «не являющийся, — по его словам, — коммунистом, но не являющийся и антикоммунистом», после того как китайские коммунисты организовали в пограничных провинциях Индии малую войну, заявил 29. 8. 59 в индийском парламенте:

«Я не хочу быть паникером, но мне очень трудно понять, что за всем этим скрывается».

и мы охотно ему верим: всё это трудно понять и многое г. Неру действительно не понимает. Но на Западе уже начали кое-что понимать и малым или ограниченным войнам начали придавать большое, порой даже преувеличенное значение. Джордж Кеннан пишет, например, что

«Есть мнение, что дни ограниченной войны прошли; я хотел бы подчеркнуть, что истина прямо в обратном: дни тотальной войны прошли и отныне ограниченные военные операции являются единственно-возможными для достижения определенных целей»¹⁸⁾.

Примерно, то же говорит и Э. Кингстон-Макклори¹⁹⁾, убежденный, что малые войны, ограничивая конфликты отдельными районами земного шара, могут избавить мир от тотальной мировой войны. Однако нам кажется, что малые войны, ведущиеся коммунистами в порядке «мирного» сосуществования, не исключают, а, скорее, предполагают большую войну и если судьбе будет угодно разрешить мировой кризис военным путем, то разрешить его может только большая война.

Большая война

Большая война связывается, прежде всего, с новым оружием. И это понятно. Открытие атомной энергии, изобретение атомных и водородных бомб, баллистических ракет и межпланетных снарядов произвело величайшую революцию в военном деле. Новое оружие, если оно будет применено, несет миру опомные разрушения. Академик Курчатов говорит, например, что для иллюстрации разрушительной силы нового оружия

«... можно привести две-три цифры о производстве взрывчатых веществ в годы второй мировой войны. В Германии за этот период было произведено около полутора миллионов тонн, а в США и Великобритании вместе — около четырех миллионов тонн взрывчатых веществ. Эти цифры грандиозны. Но при взрыве одной, только одной большой водородной бомбы выделится энергия, которая превзойдет энергию всех взрывчатых веществ, произведенных во всем мире за четыре года второй мировой войны»²⁰⁾.

И учитывая гигантские масштабы разрушений, которые несет большая война, многие убеждены, что она вообще невоз-

можно и что все разговоры о большой войне беспредметны. Хрущев, однако, говорит, что

«В результате первой мировой войны Советская Россия стала социалистической страной; в результате второй мировой войны стали социалистическими 12 других стран, а в результате третьей мировой войны, если она когда-нибудь будет развязана империалистами, капитализму придет конец»²¹).

Это не обычное бахвальство Хрущева, а искреннее убеждение всего руководства коммунистической партии. Но если это так, то можно ли быть уверенным, что коммунисты откажутся от большой войны? Мы думаем, как думают очень многие на Западе, что если коммунистам не удастся подчинить мир иными средствами, они от большой войны, как последнего и наиболее сильного средства, не откажутся.

Известно, однако, что при взрыве атомных и водородных бомб образуются и по всему земному шару распространяются радиоактивные вещества, при определенной насыщенности которыми земной атмосферы человеческий организм гибнет. Может быть следует предположить, что если и возникнет большая война, то новое термоядерное оружие применятся не будет, ибо отравление угрожает всем, в том числе и тем, кто это оружие применит. Одна из авторитетных книг, недавно изданных под руководством коммунистической партии для чинов советской армии под заголовком: «Термоядерное оружие», вносит в этот вопрос полную ясность. В этой книге говорится, что:

«В печати капиталистических стран, когда обсуждается вопрос — будет ли в будущих войнах применено атомное и водородное оружие, можно иногда услышать и такое рассуждение: поскольку это оружие в случае его применения способно взаимно уничтожить ту и другую сторону, то какой же смысл в его применении. Видимо, говорят они, в силу подобных обстоятельств атомное оружие не будет применено так же, как не было применено и химическое оружие в прошлой войне. Подобные вопросы и рассуждения являются неправильными»²²).

Значит, правильно другое: термоядерное оружие применяться будет. Это вытекает не из пустых угроз отдельных коммунистов, а из всей военной концепции коммунизма. Конечно, будут при этом большие жертвы, но коммунисты самым решительным образом отрицают возможность полного истребления воюющих народов, ибо:

«...защита от атомных и термоядерных бомб и других видов ядерного оружия вполне реальна и сейчас уже хорошо разработана»²³).

В целях наибольшей эффективности этой защиты служба противовоздушной и противоядерной обороны СССР выделена в самостоятельный вид войск, начальник коих пользуется правами командующего армией. Но, конечно, потери будут большими. Однако коммунисты мыслят не национальными, а интернациональными категориями. С их точки зрения потеря, скажем, 75—100 миллионов советских людей представляет собою в сущности ничтожную величину по сравнению с великой задачей окончательного освобождения, то есть коммунизирования двух с половиной миллиардов людей земного шара, — это только каких-нибудь три-четыре процента.

Вопрос сводится не к тому — будет или не будет применяться новое оружие — применяться оно будет безусловно — а к тому, какую роль будет играть в войне новое и обычное оружие и какие в связи с этим возникают особенности в военной стратегии коммунизма.

Понятно, что мы не знаем военно-стратегических планов коммунизма и можем говорить о них только предположительно на основе случайно проникающих в печать отрывочных материалов. По всей видимости военные руководители СССР рисуют себе общую схему большой войны, примерно, в следующем виде. Война будет носить, конечно, наступательный характер. Первым и очень важным актом наступления будет «предупредительный удар» по Америке, совершаемый при помощи баллистических ракет новым атомным, водородным, а, может быть, и *бактериологическим*²⁴ оружием. Предупредительный удар (термин, обозначающий то, что в условиях обычного оружия называлось превентивной войной) нанесет США огромные потери, но, как полагают специалисты СССР, каким бы сильным он ни был, вывести США из строя и заставить их безоговорочно капитулировать он не сможет. То или иное количество атомных бомб и военно-экономических центров сохранится и поэтому контрудар по СССР безусловно неизбежен. Но и ответный контрудар вывести из строя СССР тоже не сможет. Война неизбежно примет очень затяжной и чрезвычайно тяжелый характер. Исход войны решит в конечном счете людской состав и обычное оружие — танки, артиллерия и т. д. Важнейшей проблемой является поэтому сохранение и правильное ис-

пользование живой силы обычной армии. В этих целях предполагается одновременно с предупредительным ударом двинуть максимальное количество войск в европейские центры — Париж, Рим, Мадрид, Брюссель и т. д., где они будут в относительной безопасности, так как США, по мнению советских специалистов, разрушать эти центры не будут. Армия, находящаяся в европейских центрах и оторванная от своих баз в СССР будет переведена на местное снабжение и европейская промышленность будет переключена на военное производство. Создадутся, таким образом, два более или менее самостоятельных фронта: СССР и Европа. В СССР вступит в действие противовоздушная оборона как самостоятельный вид войск, а в Европе вступит в действие «революция сверху», то есть принудительная коммунизация европейских стран и превращение их в «социалистические республики СССР». Одновременно будет проводиться подготовка к операциям на американском континенте. переброска войск на американский континент будет совершаться путем десантных операций при помощи подводных лодок и тысячами самолетов. Местом отправления войск будет, вероятно, Европа, Африка и Сибирь. Войска из Африки могут быть поданы в среднюю Америку и, поддержанные местными силами, начнут движение с юга. Из Сибири войска будут поданы на Аляску и начнут движение через Канаду с севера. Вся эта сложная и кажущаяся сейчас несколько фантастической операция займет много лет и, по мысли советских специалистов, должна завершиться в США «уничтожением противника на его собственной территории» и организацией в США советской власти.

Такова общая гипотетическая схема большой войны²⁵). Заметим, что советские военные специалисты усиленно подчеркивают, что новое оружие будет иметь огромное значение и первенство в обладании этим оружием совершенно необходимо, но исход войны решит не новое, а обычное оружие. Это, вероятно, правильно, если учесть, что концом войны коммунисты считают организацию на завоеванной территории советской власти. Организовать и удержать советскую власть на завоеванной территории можно, конечно, не атомными бомбами, а обыкновенными пулеметами.

Война, по мнению советских специалистов, не будет короткой; она продлится много лет. Это, вероятно, тоже правильно. Но в таком случае «четвертое измерение» войны, ее духовный фактор, о котором мы говорили выше, будет иметь воистину судьбоносное значение.

Несомненно война вызовет огромные жертвы и эти жертвы принесет, главным образом, белая раса. После большой войны земной шар будет, вероятно, цветным.

Будет или не будет большая война — дай Бог, чтобы ее не было, но вся политика коммунизма в ближайшее время будет направлена к максимальному ослаблению и разоружению Свободного мира «мирным» путем, чтобы быть готовым, если понадобится, коммунизировать его военным путем.

ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ

а) *Новый этап в стратегии коммунизма.*

¹⁾ Цитирую по статье А. Ф. Керенского «Народ и власть» в сборнике «Судьба России» 1957, стр. 194.

²⁾ В книге: «История международных отношений и внешняя политика СССР» говорится, например, что «Советское государство в своей внешней политике исходит из ленинской теории развития мировой социалистической революции» (1957, стр. 93).

³⁾ Р. Никсон. Речь по московскому радио 1 августа 1959.

⁴⁾ «Резолюция XX съезда коммунистической партии Советского Союза». М. 1956, стр. 10—11 и Н. С. Хрущев «Доклад на XX съезде КПСС» 1956, стр. 43—44.

⁵⁾ Н. С. Хрущев «Доклад на XXI съезде КПСС». См. «Советская Россия» за 29. 1. 1959.

⁶⁾ Д. Т. Шепилов. Речь на XXI съезде КПСС. См. «Правда» 17. 2. 1956, стр. 4. См. также «Резолюция на XX съезде КПСС», 1956, стр. 11.

⁷⁾ На конференции в клубе печати США 16 сентября 1959 года Н. Хрущев говорил, что «такое выражение я действительно допустил», но это надо понимать не физически, а исторически. С нашей точки зрения для покойника это всё равно.

⁸⁾ Разговор Хрущева о дохлой или дряхлой кляче капитализма напоминает следующий анекдот, о котором говорит в журнале «Репортер» побывавший в СССР Джордж Бейли: Учитель спрашивает ученика Ваню — что он знает об Африке. Ваня расторопно отвечает, что Америка — это страна, где рабочие эксплуатируются капиталистами и мрут от голода. «Очень хорошо,— говорит учитель,— а теперь скажи, Ваня, какая главная задача нашей семилетки?» — «Долгать Америку», — отвечает Ваня.

⁹⁾ «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы» — Госполитиздат 1958, стр. 8.

б) Военное наступление коммунизма

¹⁰) М. С. Э. 3 изд., т. 2, стр 502—503. Том был подписан к печати 27. 10. 1958.

¹¹) Н. Хрущев. Речь в Силезии 16. 7. 1959.

¹²) В печати сообщалось (в конце августа 1959), что вооруженные силы коммунистических государств исчисляются в 8,7 млн. человек (СССР — 4 млн., Китай — 2,7 млн. и остальные — 2 млн. чел.), а вооруженные силы западных государств — 7,3 млн. человек. Однако превосходство вооруженных сил коммунизма несравненно выше, чем вытекает из этих цифр.

¹³) Коэффициент прироста (отношение прироста к средней численности населения) — 1,70/0 за 1900—1910 гг. приведен в работе проф. С. Прокоповича «Народное хозяйство СССР» и находит свое подтверждение в статистических материалах прошлого. Этот же коэффициент в СССР, скажем за 1958 г. вытекает из следующего утверждения председателя ЦСУ СССР В. Ставровского: «За последнее время естественный прирост населения СССР превышает 3,5 миллионов человек в год» (См. журнал «Коммунист», май 1959, № 7, стр. 77). Отношение этого прироста к общему количеству населения составляет 1,70/0.

¹⁴) Ч. Мор «Холодная война». Журнал «Тайм» за 17 августа 1959, стр. 18.

¹⁵) См. И. А. Курганов «Реформизм в СССР», изд. Комитета за права и свободу в России. 1958 г.

¹⁶) См. Г. А. Киссингер «Ядерное оружие и внешняя политика». Перевод с английского М. 1959.

¹⁷) Н. Хрущев «О мирном сосуществовании». См. «Правда» за 6 сент. 1959 г. От себя заметим, что существующее сейчас затишье на фронтах малых войн (если не считать Кубу) является временным. Оно связано с ожиданием встречи «четырёх великих на вершине».

¹⁸) Джордж Ф. Кеннан «Проблемы внешней политики США». 1956, стр. 109.

¹⁹) Э. Д. Кингстон-Макклори «Глобальная стратегия». Перевод с англ. М. Воениздат, 1959.

²⁰) Академик И. В. Курчатov. Статья в сборнике «Советские ученые об опасности ядерного оружия». Атомиздат. 1959, стр. 4. Любопытно, что Хрущев в своей речи в ООН (сентябрь 1959) привел именно этот пример, сославшись не на Курчатова, а на одного американского ученого. По проверке оказалось, что названного Хрущевым американского ученого вообще не существует.

²¹) Н. Хрущев. Речь на Днепрпетровском машиностроительном заводе 28 июля 1959 г. См. «Известия» 30 июля 1959.

22) Доктор химических наук, профессор М. Б. Нейман и научный сотрудник Академии Наук СССР К. М. Садыленко «Термоядерное оружие». Военное издательство Министерства обороны Союза ССР. М. 1958, стр. 229. Любопытно, что в этой книге приводятся схемы, формулы и даже фотографии «последних секретных достижений» военной техники США.

23) Цит. произв. стр. 157.

24) Коммунистическая пропаганда очень часто ведет свою работу по принципу: «держи вора». Если в советской печати начинают говорить о намерении США захватить Лаос, то это значит, что коммунисты намерены захватить его сами. Если в советской печати начинают говорить о стремлении дипломатов США сорвать какую-нибудь конференцию, то это значит, что коммунисты сами стремятся ее сорвать и т. д. О возможности применения коммунистами бактериологического оружия мы упоминали потому, что в советских журналах время от времени появляются сообщения о том, что империалисты готовят бактериологическую войну. Можно, следовательно, предположить, что бактериологическую войну готовят сами коммунисты. О подготовке бактериологической войны империалистами, в частности, империалистической Англией, говорится, например, в журнале «Международная жизнь». Ссылаясь на заявления английских ученых Роберта-Уотга и Брок-Чисхолма, коммунисты пишут, что «соответствующие английские организации занимаются изготовлением страшного токсина, вызывающего ботулизм — заболевание, приводящее сначала к возбуждению, а затем к полному параличу нервной системы. По утверждению Уотсона-Уотга, опасность этого токсина превышает угрозу, создаваемую взрывом водородной бомбы. При соответствующем распределении, — заявил Чисхолм, — 250 граммов (!) токсина способны уничтожить всё живое на земле... Чайная ложка порошка содержит достаточно токсина, чтобы убить миллион человек» (См. «Международная жизнь», 1959, № 4, стр. 129). Не это ли имеет в виду Хрущев, когда говорит об имеющемся новом фантастическом оружии?

25) Такую же, примерно, схему рисует на основе июньского (1958) номера журнала «Военный вестник СССР» и интервью Жд. М. Макинтоша в журнале «Ньюз энд Уорлд рипорт», один из наиболее вдумчивых сотрудников «Нового Русского Слова» г. С. Н. См. НРС от 2. 9. 1959.

О некоторых итогах переписи населения

А. Светов

Перепись проведена на 15 января 1959 года. В мае 1959 года были опубликованы лишь первые общие цифры: численность населения — 208.826.650 человек, в том числе 48 процентов городского населения и 52 процента сельского. Полные итоги переписи были обещаны к декабрю 1959 года.

Но только 4 февраля 1960 года опубликованы материалы «разработки первой части подробных итогов переписи, характеризующей население по образованию, учебе, национальности и родному языку, а также по полу, возрасту и семейному положению¹⁾. ЦСУ в конце сообщения обещает, что «результаты подсчета итогов по другим вопросам программы будут опубликованы дополнительно».

Столь медленная обработка материалов переписи в век электронных счетных машин вызывает недоумение.

Что же мы узнаем из уже опубликованных данных?

Численность населения

По сообщению ЦСУ СССР²⁾

Таблица 1

1913 г.	а) в современных границах СССР	159,2 млн. чел.
	б) в границах СССР до 17. 9. 1939 г.	139,3 „ „

В сокращенном и несколько измененном виде эта статья опубликована в № 9 «Посева» текущего года за подписями А. Светова и А. Польнова.

¹⁾ Сообщение ЦСУ при Совете Министров СССР («Правда», 4 февраля 1960 г.).

²⁾ «Известия», 10 мая 1959 г.

1926 г.	по переписи на 17 декабря в границах СССР до 17. 9. 1939 г.	147,0	„	„
1939 г.	а) по переписи на 17 января в границах СССР до 17. 9. 1939 г.	170,6	„	„
	б) оценка по территории, включающей западные области Украины и Белоруссии, Молдавию, Литву, Латвию и Эстонию	190,7	„	„
1959 г.	по переписи на 15 января	208,8	„	„

Имеется еще одна оценочная официальная промежуточная цифра — на апрель 1956 года — 200,2 млн. человек, а мы можем добавить официальную цифру дореволюционной переписи 1897 года (28 января ст. стиля) — 106,9 млн. чел.

Цифра в 208,8 млн. на 15. 1. 59 г. показывает на большие потери за время советской власти.

Простой расчет по демографическому приросту позволяет определить цифру населения на 1959 год при условии нормального развития России после первой мировой войны.

За исходные цифры расчета принимаем данные переписи 1913 года в границах до 17 сентября 1939 года — 139,3 млн. человек и средний дореволюционный прирост в процентах — 1,7, как он дается во всех советских официальных источниках. Мы считаем этот процент заниженным и ряд дореволюционных данных, в том числе и Статистический ежегодник России за 1916 год (Петроград, 1918), дают цифру более, чем 2,0 процента. Тем не менее, во избежание споров, оставляем расчетный процент 1,7. Кроме того, учтем потери Первой мировой войны цифрой в 8 млн. человек (убитые, умершие от ран, в плену и в эмиграции плюс не родившиеся по обстоятельствам войны) и будем считать фактический прирост за годы 1913—1918 всего по одному проценту в год, что даст за шесть лет (до 1918 года) — 9,5 млн. человек. Тогда на 1918 год мы будем иметь исходную цифру населения — 140,8 млн человек.

При 1,7 процента прироста, население России должно было бы достигнуть за 41 год к 1959 году 284 млн. человек. Фактически же мы имеем лишь 208,8 млн. человек. Таким образом, *потери за 42 года советской власти по минимальной оценке — 75 млн человек*³⁾ (включая неродившихся⁴⁾). Из

³⁾ С учетом увеличения народонаселения СССР в 1939 году на 20,1 млн. человек ввиду присоединения новых территорий.

них количество неродившихся, в соответствии с периодами острого падения прироста населения (что отражается и на возрастной таблице ЦСУ переписи 1959 года и особенно в данных переписи 1939 года с показателем прироста населения по отношению к переписи 1926 года — 1,23%), по нашим дополнительным подсчетам равно примерно 26—28 миллионам, а остальные 47—49 миллионов падают на прямые потери от большевизма (гражданская война, террор, голод 1918—22 годов, коллективизация и ежовщина тридцатых годов, Вторая мировая война и ее последствия).

Рождаемость и возрастные категории

Об уменьшении рождаемости прямо свидетельствуют официальные советские цифры (на 1.000 жителей):

Таблица 2

1913 — 47,0	1951 — 26,8
1926 — 44,0	1952 — 26,4
1940 — 31,7	1953 — 24,9
1950 — 26,5	1954 — 26,5
	1955 — 25,6

О годах 1956—59 дают представление строки сообщения ЦСУ от 4 февраля 1959 года: «численность детей моложе 10 лет увеличилась с 43,5 миллиона человек в 1939 году до 46,4 миллиона в 1959 году. Несмотря на резкое снижение рождаемости в военные годы, численность детей в возрасте 10—15 лет составила в 1959 году 17,1 миллиона».

Эти цифры дают катастрофический результат даже для средних данных, а именно — прирост лишь на 7% за 20 лет (дети 0—9 лет), в то время, как средний процент за те же 20 лет для всего населения — 9,5.

Число детей возраста 10—15 лет дает по тем же данным уменьшение с 28.365 в 1939 году до 17.133 (в тысячах) или составляет всего 60% по отношению к 1939 году. Всё это —

⁴⁾ К такому же итогу приходит, независимо от нас, профессор И. А. Курганов в печатаемых нами в этом же номере журнала двух плавах его труда «Современная стратегия коммунизма».

результат резкого уменьшения рождаемости в военные годы.

Демографические провалы в возрастных категориях населения видны по всей таблице ЦСУ (Табл. 3).

Таблица 3

Годы рождения *)	Возраст группы (на 1959 г.):	Число лиц (в тысячах)		В ‰ ко всему населению		1959 г.
		1939 г.	1959 г.	1939 г.	1959 г.	в ‰ ко 1939 г.
Всё население		190.679	208.827	100,0	100,0	109,5
В том числе:						
1950—59	0—9 лет	43.476	46.363	22,8	22,2	107
1944—49	10—15 „	28.365	17.133	14,9	8,2	60
1940—43	16—19 „	13.030	14.675	6,8	7,0	113
1935—39	20—24 „	15.786	20.343	8,3	9,7	129
1934—30	25—29 „	18.520	18.190	9,7	8,7	98
1925—29	30—34 „	15.598	18.999	8,2	9,1	122
1920—24	35—39 „	12.958	11.590	6,8	5,6	89
1915—19	40—44 „	9.603	10.408	5,0	5,0	108
1910—14	45—49 „	7.776	12.264	4,1	5,9	158
1900—09	50—59 „	12.533	19.146	6,6	9,2	153
1890—99	60—69 „	8.535	11.736	4,5	5,6	137
до 1889	70 лет и старше	4.462	7.972	2,3	3,8	179

«Преобладающую часть населения СССР — 151 миллион человек, или почти три четверти населения страны составляют лица, родившиеся после Великой Октябрьской революции» (ЦСУ),

Военные годы Второй мировой войны в данных ЦСУ искусственно разбиты на годы рождения 1940—43 (16—19 лет) и 1944—49 (10—15 лет), дающие 113 и 60 процентов к 1939 году, а наиболее неблагоприятными годами должны были быть годы 1941—46.

*) Графа добавлена автором.

Показателен провал донэповских лет (1920—24) — 89% и рост в лучшие нэповские годы (1925—29) — 122%. Также интересно сопоставление годов рождения 1915—19, с цифрой в 108%, против довоенной 1910—14 гг. — 158% и 1900—09 гг. — 153%.

О смертности в СССР

Советские данные ЦСУ козыряют крупным снижением смертности в СССР, в особенности в детском возрасте. Приводятся цифры (на 1.000 чел. населения):

Таблица 4

	1896—97 гг.	1926 г.	1938—39 гг.	1958 г.
Всё население	32,4	20,3	17,3	7,2
В том числе в возрасте:				
0—4 лет	133,0	78,9	75,5	11,8
5—9 „	12,9	7,3	5,5	1,1
и т. д.				

Эти данные не вызывают никакого доверия, как и утверждение ЦСУ в сообщении от 4 февраля 1959 года о том, что «снижение смертности обусловило рост средней продолжительности жизни населения СССР с 32 лет в дореволюционное время и 44 в 1926—27 годах до 68 лет в 1957—58 годах».

Для 1913 года цифры 32,4 и 133,0 — завышены. По ряду дореволюционных источников средняя цифра смертности в России была 24,0—25,0, а не 32,4. Цифры ЦСУ за 1926 и 1938—39 годы еще могут быть близки к истине, но с 1940-х годов они явно занижены и скачка в 3 и 2,5 раза приписать просто нечему, учитывая в особенности военные потери и годы голода 1947—48. Это фокус статистики, в которой, очевидно, не отражены ни последствия военных потерь, ни смертность в лагерях принудительного труда.

Косвенным доказательством неправильности данных по смертности может служить и заявление бывшего министра здравоохранения СССР Ковригиной (в выступлении на сессии Верховного совета СССР 7 февраля 1957 г.), в котором говорится о высоком проценте заболеваемости и смертности

в СССР от туберкулеза, в то время как в советской печати всё время утверждается об успешной борьбе с этой болезнью.

По словам Ковригиной, средняя цифра смертности от туберкулеза в 1955 году была в СССР равна 46,3 на 100 тысяч человек, во Франции она равнялась 32,0, в Англии — 19,0 и в США всего меньше — 12,3. Ковригина назвала и основную причину массовых заболеваний туберкулезом — тяжелые жилищные условия в городах. Сравнение с Западом говорит прямо не в пользу СССР.

Советская статистика всегда умеет оперировать выгодными для режима цифрами и скрывать невыгодные. Имеются такие затушевки и в данных переписи населения. Но они всё же не могут скрыть факта падения процентов прироста населения. Восстановление нормального для России прироста населения имело место лишь в годы нэпа, с 1923 года, когда ежегодное увеличение численности населения достигало 3,5 миллиона человека; рождаемость в 1926 году — 44,0 на тысячу жителей (в 1913 году 47,0); к 1940 году рождаемость уже упала до 31,7, а в 1953-м — 24,9, после чего и колеблется по настоящее время вокруг цифры 25,0.

Следует отметить увеличение в стране количества пожилых лиц в нетрудоспособном возрасте: в 1939 году их было 16,6 миллионов, в 1959 году — 25,5 миллионов человек. ЦСУ объясняет это увеличением продолжительности жизни. Но вернее отнести это явление к последствиям войны — большому количеству военных и трудовых инвалидов.

Население по возрасту и полу

Очень неблагоприятно обстоит дело с соотношением женского населения к мужскому:

мужчин — 94.050.303 и женщин — 114.776.347, т. е. *избыток женщин на 20.726 миллионов человек*. Это — несомненный результат войны плюс истребительный террор власти, который в большей мере коснулся, конечно, мужской части населения. Тревожным является то, что и в послевоенные годы нет серьезного демографического преобладания рождения детей мужского пола над детьми женского, что видно из приводимой ЦСУ таблицы:

Таблица 5

Возраст	Численность на 15 января 1959 г. (тысячи)		На 1.000 населения данного возраста приходится	
	Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин
0—9 лет	23.608	22.755	509	491
10—19 „	16.066	15.742	505	495
20—24 „	10.056	10.287	494	506
25—29 „	8.917	9.273	490	510
30—34 „	8.611	10.388	453	547
35—39 „	4.528	7.062	391	609
40—44 „	3.998	6.410	384	616
45—49 „	4.706	7.558	384	616
50—54 „	4.010	6.437	384	616
55—59 „	2.906	5.793	334	666
60—69 „	4.099	7.637	349	651
70 лет и старше	2.541	5.431	319	681
Возраст не указан	4	4	—	—
В с е г о :	94.050	114.777	450	550
В т. ч. в возрасте				
0—31 года	62.729	62.489	501	499
32 лет и старше	31.317	52.284	375	625

«Численность женщин в процентах ко всему населению по данным переписей населения 1926 и 1939 годов составляла 52 процента. В 1959 году процент женщин в общей численности населения повысился до 55. Такое соотношение между численностью мужчин и женщин сложилось за счет старших возрастов. Численность мужчин в возрасте моложе 32 лет составляет 62,7 миллиона и на 240 тысяч превышает численность женщин в этом же возрасте» (ЦСУ).

Из конца таблицы следует, что в возрасте свыше 32 лет процентное соотношение для женщин еще более тяжелое: женщин 60%, а мужчин 40%. В этих цифрах ясно вырисовываются опромные мужские потери за всё время с октябрьской революции, включая гражданскую войну, годы голода и террора (334 и 666 для возраста 55—59 лет).

Состояние в браке

Перепись дает также данные о численности состоящих в браке:

«В 1959 году в СССР состояли в браке 86,5 миллиона мужчин и женщин против 76,6 миллиона состоявших в браке в 1939 году.

Число мужчин, состоящих в браке в возрасте 16 лет и старше, в расчете на тысячу мужчин в настоящее время составляет 695 против 690 в 1939 году. Число женщин, состоящих в браке в этом возрасте уменьшилось с 605 до 522 на тысячу женщин (ЦСУ).

В год на тысячу человек населения в СССР заключается 12 браков (против США — 8,3 брака, Англии — 7,6 и во Франции — 7 браков» (Данные ЦСУ 1959 года).

Уровень образования

По вопросам образования все данные, приводимые ЦСУ внешне выглядят очень благоприятно:

Таблица 6

Имеют образование	Уровень образования		
	Всего (тысяч)	из них	
		Мужчин	Женщин
высшее законченное	3.778	1.933	1.845
высшее незаконченное	1.738	820	918
среднее специальное *)	7.870	3.414	4.456
среднее общее **)	9.936	4.408	5.528
неполное среднее	35.386	17.070	18.316

С высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием ЦСУ насчитывает в настоящее время 13,4 миллиона человек, а имеющих образование выше начального — 71,2 миллиона человек, из них 12,5 миллионов человек — незаконченное семилетнее.

Неграмотных в возрасте от 9 до 49 лет определено лишь

*) Окончившие техникумы и аналогичные учебные заведения.

***) Окончившие полную среднюю школу.

1.929 тысяч человек, или 1,5 процента. О неграмотных свыше 49 лет данные ЦСУ умалчивают.

После этих цифр наступает недоумение: каково же число лиц, имеющих только начальное образование и не имеющих его вовсе?

Если 71,2 млн. человек имеют образование выше начального и из них по таблице действительно 58,7 млн. имеют высшее, среднее и неполное среднее образование, то на долю начального образования остается: $71,2 - 58,7 = 22,5$ млн. человек.

Что же мы имеем в общем балансе народонаселения? $71,2 + 22,5 = 93,7$ млн., к чему следует добавить детей 0—9 лет 46,4 млн. и 10—15 лет: 17,1 млн., что в общей сумме дает 157,2 млн. человек. А всё население — 208,8 млн. Следовательно, в лучшем случае *не имеют даже начального образования*: $208,8 - 157,2 = 51,6$ млн. человек. В этой цифре будут и 1,9 млн. совсем неграмотных в возрасте до 49 лет. И это при всех разговорах о всеобщем обучении — 24,2 процента в школах СССР не учившихся! Здесь выступает блеф власти в области ее невероятных достижений.

«Численность учащихся высших и средних специальных учебных заведений характеризуется следующими данными:

Таблица 7

	Число учащихся (тысяч)		
	Всего	из них:	
		Мужчин	Женщин
Высшие учебные заведения	2.200	1.181	1.019
Средние специальные учебные заведения	1.868	1.025	843

В СССР имеется 766 высших учебных заведений и 3.346 техникумов и других средних специальных учебных заведений».

В Сообщении ЦСУ приводится ряд сравнений с состоянием дела образования в царской России — без всякого учета того роста, которое имело место в последние предреволюционные годы и тех планов, которые были утверждены Государственной Думой в 1915 году. По ним ликвидация неграмотности в России предусматривалась уже к 1922 году и сеть школ должна была резко возрасти.

Тем не менее, успехи советской власти в деле ликвидации неграмотности (хотя и с запозданием), в развитии дела всеобщего и специального образования — неоспоримы. Достоинством является и бесплатность обучения, как и значительные средства, отпускаемые государством на дело народного образования.

Обвинения в этой сфере народной жизни должны быть выдвинуты главным образом *по недостаткам даваемого образования, по его односторонности и качественной неполноте*. Коммунистическая власть ведет дело образования и воспитания в строго политическом плане. Сама система образования и методы его подчинены целям коммунистической партии и имеют много нездоровых черт. Разбор их не входит, однако, в план нашего анализа в данной статье.

Некоторые вопросы неравномерности развития дела образования по республикам СССР освещены нами в следующем разделе, который посвящен анализу национального состава населения и внутренней его миграции по стране. Эти данные переписи чрезвычайно интересны и требуют специального разбора.

Национальный состав и миграция населения СССР

Данные переписи населения на 15 января 1959 года по национальности мы приводим по сообщению ЦСУ от 4 февраля 1960 года, выпуская лишь детализацию народностей Дагестана и народностей Севера (см. таблицу 8 с расположением национальностей в нисходящем порядке по численности населения).

Таблица 8

	Число лиц данной национальности (тысяч)	Из них считают родным языком язык той же национальности (в процентах)
Всё население СССР	208.827	94,3
Русские	114.588	99,8
Украинцы	36.981	87,6
Белорусы	7.829	84,1
Узбеки	6.004	98,4
Татары	4.969	92,1
Казахи	3.581	98,4

	<i>Число лиц данной национальности (тысяч)</i>	<i>Из них считают родным языком язык той же национальности (в процентах)</i>
Азербайджанцы	2.929	97,6
Армяне	2.787	89,9
Прузины	2.650	98,6
Литовцы	2.326	97,8
Евреи	2.268	20,8
Молдаване	2.214	95,2
<i>Немцы</i>	1.619	75,0
Чуваши	1.470	90,8
Латыши	1.400	95,1
Таджики	1.397	98,1
Поляки	1.380	45,5
Мордва	1.285	78,1
Туркмены	1.004	98,9
Башкиры	983	61,7
Киргизы	974	98,7
Эстонцы	969	95,1
Народности Дагестана (от аварцев и лезгин до цахур)	945	95,9
Удмурты	623	89,1
Марийцы	504	95,1
Коми и коми-пермяки	431	86,7
Чеченцы	418	98,8
Осетины	410	89,7
Болгары	324	79,3
Корейцы	314	79,3
Греки	310	41,5
Буряты	253	94,9
Якуты	236	97,5
Кабардинцы	204	97,9
Каракалпаки	173	95,0
Карелы	167	71,3
Венгры	55	97,2
Цыгане	132	59,3
Народности Севера (от ненцев до алеутов)	128	75,3
Гагаузы	124	94,0
Румыны	106	83,3
Калмыки	106	91,0
Ингуши	106	97,9

	<i>Число лиц данной национальности (тысяч)</i>	<i>Из них считают родным языком язык той же национальности (в процентах)</i>
Тувинцы	100	99,1
Уйгуры	95	85,0
Финны	93	59,5
Карачаевцы	81	73,9
Адыгейцы	80	96,7
Абхазы	74	95,5
Курды	59	89,9
Хакасы	57	86,0
Алтайцы	45	88,6
Балкарцы	42	97,0
Турки	35	82,2
Черкесы	30	86,6
Китайцы	26	69,3
Чехи	25	49,0
Айсоры	22	64,3
Дунгане	21	94,8
Иранцы	21	44,7
Абазины	20	94,8
Вепсы	16	46,1
Шорцы	15	83,7
Словаки	14,7	61,2
Таты	11	70,8
Арабы	8	35,1
Белуджи	7,8	94,9
Караймы	5,9	16,5
Албанцы	5	78,7
Югославы	5	66,5
Удины	3,7	92,6
Испанцы	2,4	67,8
Афганцы	1,9	71,8
Монголы	1,8	86,6
Итальянцы	1,2	36,0
Ижорцы	1,1	34,7
Французы	1	56,4
Японцы	1	69,5
Вьетнамцы	0,8	99,3
Тосфалары	0,6	89,1
Прочие национальности	17	60,7

Далее ЦСУ дает численность населения отдельных национальностей по союзным республикам. Последовательность расположения республик в этом сообщении непонятна: она не следует ни алфавиту, ни удельному весу по численности населения. Для удобства и наглядности анализа мы располагаем данные ЦСУ в несколько иной последовательности: по группам национальностей и по удельному весу ведущей национальности в республике, но не указываем те национальности, удельный вес которых, в основном, менее нескольких долей процента от общей численности населения республики или, если их численность меньше ста тысяч человек.

Тогда мы имеем:

Таблица 9

	Численность (тысяч)	В процентах к итогу
<i>I. Восточно-славянская группа.</i>		
1. РСФСР — всего	117.534	100,0
в том числе:		
русские	97.845	83,2
татары	4.077	3,5
украинцы	3.377	2,9
чувашаи	1.436	1,2
мордва	1.211	1,0
башкиры	948	0,8
евреи	875	0,7
белорусы	845	0,7
немцы	820	0,7
народности Дагестана	795	0,7
удмурты	613	0,5
марийцы	498	0,4
коми и коми-пермяки	426	0,36
казахи	383	0,3
армяне	256	0,2
буряты	252	0,2
осетины	248	0,2
якуты	235	0,2
кабардинцы	201	0,2
карелы	164	0,1
народности Севера	127	0,1

	Численность (тысяч)	В процентах к итогу
поляки	118	0,1
калмыки	101	0,09
тувинцы	100	0,08
2. <i>Белорусская ССР</i> — всего	8.055	100,0
в том числе:		
белорусы	6.444	80,0
русские	729	9,1
поляки	539	6,7
украинцы	150	1,9
евреи	150	1,9
3. <i>Украинская ССР</i> — всего	41.869	100,0
в том числе:		
украинцы	31.852	76,1
русские	7.400	17,7
евреи	840	2,0
поляки	363	0,9
белорусы	291	0,7
молдаване	239	0,6
болгары	219	0,5
венгры	149	0,4
греки	104	0,2
румьны	101	0,2

II. Закавказская группа

4. <i>Армянская ССР</i> — всего	1.763	100,0
в том числе:		
армяне	1.552	88,0
азербайджанцы	108	6,1
русские	56	3,2
курды	26	1,5
5. <i>Азербайджанская ССР</i> —		
всего	3.698	100,0
в том числе:		
азербайджанцы	2.481	67,1
русские	515	13,9
армяне	442	12,0
лезгиньы	98	2,7

	Численность (тысяч)	В процентах к итогу
украинцы	16	1,3
белорусы	11	0,9
евреи	5	0,5
10. Латвийская ССР — всего	2.093	100,0
в том числе :		
латыши	1.298	62,0
русские	556	26,6
белорусы	61	2,9
поляки	60	2,9
евреи	37	1,7
лигтовцы	32	1,5
украинцы	29	1,4

V. Средне-азиатская группа

11. Узбекская ССР — всего	8.106	100,0
в том числе :		
узбеки	5.026	62,0
русские	1.101	13,6
татары	445	5,5
казахи	335	4,1
таджики	312	3,8
каракалпаки	168	2,1
корейцы	139	1,7
евреи	94	1,2
киргизы	92	1,1
украинцы	88	1,1
тузкмены	57	0,7
12. Туркменская ССР — всего	1.516	100,0
в том числе :		
туркмены	924	60,9
русские	263	17,3
узбеки	125	8,3
казахи	70	4,6
татары	30	2,0
украинцы	21	1,4
армяне	20	1,3

	Численность (тысяч)	В процентах к итогу
13. <i>Таджикская ССР</i> — всего	1.980	100,0
в том числе:		
таджики	1.051	53,1
узбеки	454	23,0
русские	263	13,3
татары	57	2,9
украинцы	27	1,4
киргизы	26	1,3
казахи	13	0,6
14. <i>Киргизская ССР</i> — всего	2.066	100,0
в том числе:		
киргизы	837	40,5
русские	624	30,2
узбеки	219	10,6
украинцы	137	6,6
татары	56	2,7
казахи	20	1,0
таджики	15	0,7
уйгуры	14	0,7
15. <i>Казахская ССР</i> — всего	9.310	100,0
в том числе:		
казахи	2.755	29,6
русские	4.014	43,1
украинцы	762	8,2
татары	192	2,1
узбеки	137	1,5
белорусы	108	1,2
корейцы	74	0,8
уйгуры	60	0,6
поляки	53	0,6
дунгане	10	0,1

Анализ данных переписи 1959 года показывает ряд глубоких изменений в национальном составе отдельных республик и значительность явлений миграции по всей стране.

В целом сохраняется ведущее значение восточно-славянской группы. *Русских, украинцев и белорусов во всем составе населения СССР 159,4 миллиона или 76,4%, т. е. более трех четвертых.* В пределах Российской Федерации (РСФСР) этот процент достигает 86,8 (в котором русское ядро состав-

ляет 83,2 процента от всего населения, украинцы — 2,9 и белорусы — 0,7). По сравнению с данными переписи 1939 года наблюдается некоторый рост этого ядра за счет уменьшения числа украинцев и белорусов (соответствующие цифры 1939 года — общая 85,4, в том числе для русских 75,7 процента, украинцев 8,6 и белорусов — 1,1). По всей вероятности, это изменение следует отнести не к фактическому уменьшению числа украинцев и белорусов по их происхождению, а к свободному отнесению себя к русской группе при проведении переписи.

Процент татар и евреев в РСФСР изменился в сторону понижения: татары в 1939 и 1959 гг.: 3,8 и 3,5 процента, а евреи — 1,0 и 0,7.

Из общего количества немцев в СССР — 1.619 тысяч в 1959 году по РСФСР показано 820 тысяч. Где находятся остальные немцы по опубликованным данным установить нельзя; по другим республикам они нигде не упоминаются. А это все-таки 799 тысяч! И мимо этого факта нельзя пройти. Калмыки, между тем, — 101 тысяча из 106 уже показаны в пределах РСФСР.

Из общего количества украинцев в СССР — 36.981 тысяча, на Украине живут 31.852 тысячи или 76,1 процента, а русских — 7.400 тысяч или 17,7 процента.

По Украине трудно сделать точный сравнительный расчет, так как последняя война внесла огромные изменения в народонаселение республики (истребление и депортации еврейского, немецкого, польского населения, массовый вывоз людей в Германию, часть которых не возвратилась, и т. д.), не поддающихся, однако, точному учету.

По данным БСЭ (том 44, стр. 172), украинцев в целом по СССР в 1939 году (с учетом украинцев в присоединенных к Украине областях) было 35,6 млн. человек.

По переписи 1959 года, украинцев в целом в СССР насчитывается 36,98 млн. человек, что дает увеличение лишь на 1,38 млн. человек. Это, по-видимому, объясняется не только военными потерями. Например, по расчету, сделанному на основе материалов переписи 1939 года, в РСФСР проживало 9,34 млн. украинцев, а по переписи 1959 года в РСФСР проживает только 3,40 миллионов человек, показавших себя украинцами. Разница составляет 5,94 млн. человек. Часть из этого количества тоже погибла на войне, но другая часть, очевидно при переписи 1959 года показала себя русской.

Что касается численности населения Украинской ССР, то в 1939 году она составляла (в современных границах) 40.469 тыс. (см. сборник ЦСУ «Народное хозяйство СССР в 1958 году»), а в 1959 году составляет 41.869 тыс. человек.

Последствия войны не менее остро сказались на численности населения Белорусской ССР: по переписи 1939 года (в современных границах) в Белоруссии было 8,91 миллионов человек, а в 1959 году насчитывается 8,06 млн. человек.

Число лиц с высшим и средним образованием в Белоруссии пропорционально меньше, чем по РСФСР — лишь две трети.

Из общих данных по населению интересно еще отметить, что «при переписи показали в качестве родного языка русский язык 124,6 млн. человек, из них 114,4 млн. русских и 10,2 млн. человек других национальностей» (ЦСУ, 1959).

В Закавказской группе республик наиболее монолитной является Армения с наивысшим по всему СССР процентом коренного армянского населения — 88,0. Русских в Армении всего 3,2 процента. В то же время армяне дают самый высокий процент неживущих на своей земле: из имеющихся в стране 2.787 тыс. армян — 1.235 тыс. живут не в Армении, а в других республиках страны.

В Азербайджане, при 67,1 процента азербайджанцев, русских 13,9 процента, армян — 12 процентов.

Более пестрым оказывается национальный состав Грузии: грузин лишь 63,3 процента, русских и украинцев — 12,1 процента. Обращает на себя внимание раздел Осетии: в РСФСР — 248 тысяч и в Грузии — 141 тысяча.

Рост населения, по сравнению с 1939 годом, в закавказских республиках превышает средний рост по СССР. Интересно отметить и более высокий уровень образования во всех закавказских республиках, в особенности в Грузии. На 1.000 человек населения мы имеем данные:

	<i>Высшее законченное</i>	<i>Среднее и неполное среднее</i>
По всему СССР	18	263
Грузинская ССР	38	315
Армянская ССР	28	289
Азербайджанская ССР	21	261

В Молдавской республике процент молдаван — 65,4, а украинцев и русских — 24,8. Лиц с высшим и средним обра-

зованием на 1.000 человек примерно в два раза меньше, чем по РСФСР и СССР.

Из прибалтийских республик наиболее высокий процент коренного населения имеет Литва — 79,3, при 10,3 процента русско-украинско-белорусского.

В Эстонии подобные же цифры: 72,9 и 23,9 процента, а по Латвии: 62,0 и 30,9. За пределами своих республик живут 175 тыс. литовцев, 102 тыс. латышей и 95 тыс. эстонцев, которые в большинстве своем видимо представляют депортированные из этих республик после войны «опасные элементы», находящиеся и по сие время в несвободных условиях (ссылка, лагеря).

По уровню образования из этих трех республик отстает Литовская (13 — высшего и 175 — среднего на 1.000 человек, вместо 18 и 263 по СССР).

Особенно большие изменения произошли по Среднеазиатским республикам.

Если Узбекистан по численности коренного населения уже не достигает 2/3 (62,0 процента), то Таджикики едва переваливает за 1/2 (53,1 процента), Киргизия дает уже лишь 40,5 процента основного населения, а Казахстан только 29,6 процента казахов, т. е. эти две республики, по существу, перестали носить национальный характер. Русско-украинско-белорусская группа составляет в Казахстане уже более половины его населения — 52,5 процента. Это — несомненно результат освоения целинных земель и нового строительства на востоке с большой миграцией населения во время и после войны в эти районы. Подобное Казахстану положение давно уже существовало в Карелии, где карелы составляли меньшинство даже тогда, когда существовала Карельская ССР. Как союзная республика, это образование было искусственным и имело лишь политический смысл, как претензия на объединение с родственными карелам финнами. Когда эта претензия по характеру текущей политики руководства КПСС отпала, Карелия тихо и спокойно была переведена в ранг автономной республики со включением ее в РСФСР. Карел по последней переписи числится всего 167 тысяч человек.

Казахская и Киргизская ССР к 1959 году тоже перестали носить национальный характер по удельному весу коренного населения (29,6 и 40,5 процентов). Логически и они должны были бы перейти в разряд автономных республик.

Для Киргизии это выражено еще не так резко, ибо там нет другого национального большинства (русско-украинская группа — 33 процента). Для Казахстана дело обстоит совершенно иначе: в нем русских — 43,1 процента, а вместе с украинцами и белорусами — 52,6 процента, т. е. больше половины всего населения, с тенденцией дальнейшего процентного увеличения этой группы.

Данных по областям и краям еще не опубликовано. Однако заранее можно сказать, что во всем северном Казахстане соотношение русских и казахов должно быть еще более кричащим. Вряд ли в районах целинных земель казахов больше 10—15 процентов. А административное управление этими районами по-прежнему осуществляется из Алматы, в районе которой казахов наверно больше 29,6 процентов (возможно, что в южном Казахстане оно приближается к 50). Поэтому в не столь далеком будущем возможно и такое решение: включение целинных земель Казахстана в прилегающие области РСФСР, что облегчит управление районами целины, а для остающейся части Казахстана укрепит его национальный характер и снимет с казахов груз забот о целине, с которой впрочем равно не справляются как Казахская ССР, так и РСФСР, а по существу — руководство КПСС в целом, во главе с Хрущевым.

Преобразовать Казахскую и тем более Киргизскую ССР в автономные национальные республики вряд ли является целесообразным и нам думается, что политически на такой шаг руководство КПСС не пойдет. Но факт потери этими республиками национального лица неоспорим.

Освоение степей северного Казахстана для организованного земледелия и стационарного животноводства (у казахов оно носило более кочевой характер), развитие строительства в восточных районах страны и на Севере вызывает непрерывную передвижку части населения Европейской России в эти новые районы индустриального и земледельческого развития. В этом отношении много интересного должны принести дальнейшие данные переписи по краям и областям, если, или — когда они будут опубликованы.

Самый факт миграции населения на менее заселенные и освоенные земли Востока страны имеет место все последние столетия и только темп миграции за время советской власти ускорился. Эта тенденция несомненно сохранится и в дальнейшем. Она вызывает и значительное национальное перемешивание населения. В этом факте для государства нет

ничего отрицательного. Для отдельных национальностей и народов страны, в условиях подлинной дружбы и братства народов, это явление также ничем не угрожает — при сохранении ими национальной культурной автономии. Коммунистический же режим равно порабощает все национальности.

Уровень образования в Среднеазиатских республиках по высшему образованию еще отстает от среднего по СССР и от РСФСР, но по среднему образованию быстро приближается к средним цифрам.

Так, мы имеем:

	<i>На 1.000 лиц</i>	
	<i>высшее</i>	<i>среднее</i>
	<i>образование</i>	<i>и неполное среднее</i>
СССР	18	263
Казахская ССР	12	239
Туркменская ССР	13	256
Узбекская ССР	13	234
Киргизская ССР	13	227
Таджикская ССР	10	214

По общим материалам национального состава СССР и приведенным в сообщении ЦСУ от 4 февраля 1959 года данным по численности населения в союзных республиках, мы уже отметили странную потерю 799 тысяч немцев. Нельзя установить и наличие крымских татар. По Украинской ССР они не показаны вовсе (список кончается румынами — 101 тысяча), а из общего числа татар в СССР (включая и крымских татар) — 4.969 тыс. по РСФСР показано 4.077 тыс., по Узбекистану — 445 тысяч, по Казахстану — 192 тысячи, по Киргизской ССР — 56 тысяч, по Таджикской ССР — 57 тысяч, по Туркменской ССР — 30 тысяч) — это дает 4.857 тысяч. Остающиеся 112 тысяч (4.969 — 4.857) распределяются, очевидно, малыми группами по другим республикам. Интересно, однако, что по Среднеазиатским республикам число татар достаточно велико — 780 тысяч. По переписи 1939 года татар по СССР было 4.030 тысяч и из них в РСФСР 4.013 тысяч, следовательно лишь 17 тысяч вне РСФСР. Теперь это число возросло во много раз — до 780 тысяч. Что это — добровольное переселение или пополнение концлагерей, а теперь — поселение в колониях?!

Любопытно положение еще с одной национальностью — корейцами. Всего по СССР их показано теперь 314 тысяч и

из них по РСФСР 91 тысяча, в Узбекской ССР — 139 тысяч, в Казахской ССР — 74 тысячи. Таким образом, 2/3 корейцев находятся в Среднеазиатских республиках, а не на Дальнем Востоке, где они преимущественно находились раньше (до второй половины тридцатых годов). Это тоже показывает на главным образом принудительное их переселение в Среднюю Азию, — преимущественно в Казахстан и на хлопковые поля Узбекистана.

Коснемся теперь судьбы еврейского населения СССР: общее количество евреев, достигавшее по переписи 1939 г. — 3,02 млн. человек, сократилось на 1959 год до 2,3 млн. человек, т. е. на 25%. Если раньше в основном евреи (по переписи 1939 г.) находились в трех славянских республиках — в РСФСР — 1,08; в УССР — 1,46 и в БССР — 0,38 и лишь 0,10 в прочих республиках, то из переписи 1959 г. мы узнаем, что в РСФСР проживают показавших себя евреями 875 тысяч, на Украине 840 тысяч, в Белоруссии 150 тысяч, а в сумме 1.865 тысяч (вместо 2.092 тысяч в 1939 г.). Зато появились еврейские группы: в Узбекистане 94 тысячи, в Грузии — 52 тысячи, в Литве — 25 тысяч, в Молдавии — 95 тысяч, в Латвии — 37 тысяч и в Эстонии — 5 тысяч, всего 308 тысяч человек и не показано местопребывание (2.268 — 2.173) = 95 тысяч.

Биологический прирост еврейского населения за 20 лет в целом по стране, несомненно, должен был дать прирост численности этой группы. То, что налицо, наоборот, ее уменьшение на 25 процентов в значительной мере свидетельствует о следствиях войны, немецкого геноцида и коммунистических преследований 1946—52 гг. за «космополитизм», но безусловно играет роль и другой фактор: еще большее количество евреев по национальному происхождению записывается теперь в другие национальные группы, главным образом в русскую.

При этом очень интересно отметить, что только 20,8 процентов евреев от общего количества в СССР показывают родным языком еврейский. Это позволяет, с еще большим правом, чем раньше, говорить о «русских евреях».

Вторым следствием войны является бегство значительной части еврейского населения в Узбекистан и Грузию, где теперь и появились еврейские группы: 94 тысячи и 52 тысячи, осевших там. Евреи в прибалтийских республиках и Молдавии — очевидно, — вернувшиеся на свои места после войны.

Любопытно и распределение достаточно большой группы польского населения в СССР (1.380 тысяч), из которых наибольшее количество, естественно, находится в БССР — 539 тыс., в УССР — 363 тыс., в Литовской ССР — 230 тыс., в то время как в Латвийской ССР — лишь 60 тыс. и в РСФСР — 118 тысяч человек.

Уже опубликованные данные переписи, как мы видим, дают возможность ряда интересных и важных выводов как о роли коммунистического режима за годы советской власти (потеря минимум 75 млн. человек) на общее демографическое замедление роста населения России, так и на значительность принудительной и добровольной миграции населения внутри страны, с серьезным изменением национального состава отдельных республик.

Более полный анализ, включая распределение на городское и сельское население, а также состояние народного хозяйства по областям, краям и автономным образованиям СССР может быть сделан лишь тогда, когда будут опубликованы обещанные дополнительные данные и выйдет новый сборник ЦСУ.

НАСЕЛЕНИЕ ЗЕМНОГО ШАРА

(по данным Population Reference Bureau Inc. USA, занимающегося вопросами численности населения).

Население земного шара в 1960 году составляет приблизительно 2.920.000 человек. Если не будет никаких катастрофических событий, то к 1975 году эта цифра вырастет до 3.860.000 человек, а к 2000 году дойдет до 6.280.000, т. е. увеличится более чем в два раза по сравнению с 1960 годом.

В настоящее время население земного шара увеличивается приблизительно на 90.000 человек в день.

Рост населения в разных частях мира (в миллионах человек):

Страна	1960 г.	1975 г.	2000 г.
Африка	237	331	517
Европа	424	476	568
Советский Союз	215	275	379
Северная Америка	197	240	312
Латинская Америка	206	303	592
Вост. Азия (в т. ч. Китай)	798	1.075	1.853
Центр. Азия (в т. ч. Индия)	540	737	1.310
Юго-вост. Азия (в т. ч. Индонезия)	203	280	498

Национальная политика должна быть честной и справедливой

Кайхосро Кипиани

Каждое большое или маленькое государство имеет свою национальную политику. От того, какие основы и цели она имеет и как осуществляется на практике, зависит очень и очень многое. История знает немало случаев, когда вследствие порочной национальной политики распадались довольно крупные и, казалось бы, могущественные государства. Неразумная национальная политика нередко бывала главной причиной внутренних потрясений, военных и дипломатических поражений целого ряда стран. Известно, например, что одной из главных причин военного поражения весьма сильной в экономическом и военном отношениях гитлеровской Германии была ее совершенно негодная национальная политика в основе которой лежала поистине глупая теория о якобы расовом превосходстве немцев над другими народами, в том числе и над русским народом. Если бы не эта в высшей степени порочная национальная политика гитлеровской Германии и не ее злые намерения в отношении России и ее народов, то Германия не испытала бы столь тяжелых последствий своего заблуждения в отношении России.

Само собой разумеется, что недостаточно провозгласить примерную национальную политику. Если она не будет проводиться правильно внутри страны и по отношению к другим государствам и народам, то рано или поздно ее ожидает крах. Мы судим о национальной политике того или иного государства и социально-политической системы далеко не по одним декларациям, какими бы красивыми они ни были. Ведь в декларациях отнюдь не плоха и национальная политика коммунистической партии и советского правительства. А как получалось на деле не раз?

Так называемая ленинская национальная политика на практике никогда не была честной и последовательной. Ху-

же того, КПСС неоднократно и в жестокой форме проводила действия, направленные против русского и других народов России. Такие факты, как геноцид, примененный Сталиным к чеченцам, калмыкам и некоторым другим народностям, лучше всяких слов опровергают утверждения КПСС и ее печати о якобы «мудрой» национальной политике КПСС.

Одновременно с подобными утверждениями КПСС и ее пропаганда продолжают клеветать на прошлое нашей страны, заявляя, что до прихода к власти коммунистов Россия была «тюрьмой народов». «Колонизаторская политика царизма», «царский гнет» и прочие клеветнические термины всё чаще употребляются партией и партийной пропагандой.

Я не буду здесь опровергать всю эту ложь, возводимую коммунистическими угнетателями на славное прошлое нашей родины. Укажу лишь, что КПСС, когда она говорит о «колонизаторской политике» прежней России, тем самым чернит и прошлое русского народа, который действовал в отношении других национальностей не как колонизатор и враг, а как великий друг и бескорыстный, неутомимый носитель культуры и прогресса. Мы хотим коснуться здесь некоторых явлений в национальной политике КПСС в наши дни. Я хочу взять эти явления в основном из действительности крупной советской республики — Казахстана.

Прежде чем поведи о них разговор, я желал бы заметить, что и в дооктябрьский период казахи относились к русским весьма дружелюбно. В советские годы общие беды еще больше укрепили дружбу русского и казахского народов. Понятно, что в своих бедах казахи обвиняют не русских, а коммунистическую диктатуру, которая в одинаковой степени угнетает русский, казахский и остальные народы.

Какой ни была национальная политика правителей до-советской России, а жизнь казахов, как и других народов, была свободной, богатой и радостной. Культура казахов развивалась под благотворным влиянием более передовой русской культуры. Это — при много раз оклеветанном компартией царском строе — стали выдающимися людьми своего народа Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев и другие казахи — писатели и поэты, ученые, общественные деятели.

Теперь остановимся в качестве примера на явлениях в национальной политике КПСС, проводимой ею в Казахстане, и на том, как она борется против всего того, что составляет облик казахов, как национальности.

В 12-м и 13-м номерах главного теоретического и поли-

тического журнала ЦК КПСС «Коммунист» за 1959 год были опубликованы статьи «Особенности развития литературно-социалистических наций» и «Некоторые вопросы интернационального воспитания». Первую статью сочинили писатель Мухтар Ауэзов и доктор филологических наук литературовед М. Фетисов, а вторая принадлежит перу одного из секретарей ЦК КП Казахстана Нурымбека Джандильдина. Положения этих статей как нельзя лучше свидетельствуют о том, что коммунистическая партия осуществляет в Казахстане, а равно и в остальных республиках страны, порочную национальную политику, чреватую вредными последствиями для взаимопонимания между русским и нерусскими народами.

Авторы названных статей обвиняют многих деятелей казахской культуры и даже часть партийно-советских работников республики в национализме. Особенно же нападают на литераторов, работников искусства и людей науки.

Говоря о «допущенных серьезных ошибках буржуазно-националистического характера», секретарь ЦК КП Казахстана Джандильдин пишет, что эти «серьезные ошибки» выразились, в частности, в «идеализации» прошлого, в «немарксистской трактовке... исторических событий прошлого». Поскольку хорошо известно, что значит «марксистская трактовка» истории и других вопросов, можно утверждать, что подвергшиеся гонениям казахские писатели и ученые ни в чем не повинны. В своих обвинениях Джандильдин дошел до того, что назвал неправильным, когда современные казахские писатели показывают своих героев-современников «непременно в национальных халатах и шапках, в старинных длинных платьях и камзолах». «Обязательными атрибутами таких произведений, — писал Джандильдин, — являются также юрта и мясо по-казахски, которое кушают руками, сидя на полу».

Совершенно ясно, что в данном случае партийный руководитель просто издевается над национальными традициями и обычаями казахов. Почему казахские писатели должны показывать героев своих произведений — казахов — в европейских или других костюмах? Ведь правда заключается в том, что казахи, в большинстве своем без европейской одежды, живут бедно и ни такой одежды, ни былых добротных национальных халатов у них нет. Что касается юрт, то что предложил бы Джандильдин изображать вместо них? Уж не дворцы ли? Смешно также требовать от казахских писателей не писать о том, что казахи едят мясо по-казахски.

Джандильдин усматривает национализм в поведении тех казахов, которые «в своих выступлениях часто говорят, что имеется якобы особая необходимость наладить массовое производство национальной одежды». Я не только не вижу в этом национализма, но и горячо поддерживаю желание казахов иметь в продаже национальную одежду. Разумеется, когда Россия освободится от господства КПСС, то такие стремления ее народов будут успешно претворяться в жизнь. Я уверен, что русский народ активно будет содействовать исполнению подобных стремлений.

Джандильдин нападает на тех казахов, которые считают национальными традициями лишь старые, укоренившиеся традиции. Джандильдин болтает о «традициях нового типа» и говорит, что такими «традициями», о которых должны, по мнению Джандильдина, писать казахские ученые и писатели, являются... «самоотверженный труд во имя построения коммунизма», «коллективизм», «советский патриотизм» и т. д. Но какая же это «традиция» — подневольный труд во имя коммунистической химеры?

Примерно то же самое пишут в своей статье Ауэзов и Фетисов. Они атакуют тех писателей, которые не хотят руководствоваться пресловутой партийностью в литературе, идеей «пролетарского интернационализма» и вообще коммунистической идеологией. Ввиду этого Ауэзов и Фетисов обвиняют честных писателей, в том числе и в национализме.

Всё это может принести только вред, и будет повинна в нем лишь одна коммунистическая партия с ее неудовлетворительной национальной политикой. Разве допустимы и такие, на первый взгляд не особенно тревожные действия, как поход КПСС против кинжалов в Дагестане и других местах, где эти кинжалы являются принадлежностью национальной одежды горцев?

Говоря о национальной политике того или иного правительства и социально-политической системы, необходимо иметь еще в виду, каково отношение этого правительства и его системы к религиям в стране. Как известно, КПСС и советское правительство организуют гонения на православие, мусульманство, католичество и все другие религии, чем грубо оскорбляют самые святые чувства народов России. Можно было бы привести бесчисленное множество примеров, разоблачающих КПСС как жестокого врага религий наших народов. А враг религии того или иного народа есть и враг самого народа.

Размеры статьи не позволяют нам остановиться на всех порочных явлениях национальной политики КПСС и советского правительства. Ответим вкратце на вопрос о том, какой будет национальная политика в освобожденной от коммунистической власти России.

Нам кажется, что национальный вопрос, имеющий в условиях многонациональной России громадное значение, будет решен окончательно и наилучшим образом именно в новой свободной России. Похвально, что одна из ведущих организаций нашей политической эмиграции — Народно-Трудовой Союз (российских солидаристов) уже сейчас располагает глубоко продуманными и, по-моему, совершенно справедливыми пропрограмными положениями по национальной политике в будущей свободной России. Эти положения, озаглавленные в Программе НТС «Основы национальной политики», следующие:

«Национальная политика Российского союзного государства основывается на началах братства свободных народов России.

Все народы России равноправны: никто из российских граждан не может подвергаться ограничениям в правах вследствие своей принадлежности к тому или иному народу.

Законом пресекается пропаганда национальной ненависти, дискриминация отдельных народов и призывы к насильственному разрушению единства Российского государства.

Конституция Российского государства предоставляет каждому народу свободу развития самобытной культуры, изучения родного языка и употребления его в местных учреждениях, школах, театрах, в печати, на собраниях и т. д.

Все означенные права осуществляются свободно избираемыми органами самоуправления, при планомерной поддержке союзного государства.

Народы, входящие в Российское союзное государство, обладают различной степенью государственной самостоятельности. В зависимости от численности, компактности расселения и удельного веса в местном населении, от исторических и культурных предпосылок, от уровня государственно-правового и национального сознания, они создают самоуправляющиеся единицы — от образований государственного характера до автономных образований.

Самоуправляющиеся единицы государственного характера управляются на основе собственных, свободно приня-

тых конституций, имеют свои государственные органы управления, свое законодательство и суд. Они переносят часть своего государственного суверенитета, в соответствии с конституцией Российского союзного государства, на центральное правительство России.

Самоуправляющиеся единицы автономного характера обладают широкими правами самоуправления и свободы культурного развития. Народы, расселенные некомпактно, могут создавать автономные организации нетерриториального характера.

Народы России определенным Конституцией путем образуют Совет Народов, который согласовывает и поддерживает их усилия в национально-культурном развитии и, в этом плане, соучаствует в законотворчестве.

Так как русский язык исторически является языком российской культуры и государственности и понятен всему населению России, — он признается «связующим общегосударственным языком».

Эти пункты из Программы НТС настолько ясны, что комментарии к ним излишни.

Отдельные лица опасаются того, что в условиях, когда Россия станет свободным и демократическим государством, некоторые народы России могут воспользоваться правом на самоопределение и национальную независимость. Я не разделяю мнения таких лиц, ибо совершенно уверен, что нет у нас ни одной национальности, которая мечтала бы об отделении от России. Что касается самостоятельности в рамках единого Российского государства, самоуправления и всестороннего национального развития, то подобные стремления будут вполне разумными и надо будет способствовать их осуществлению.

Совместное сотрудничество народов России имеет длительную историю и богато данными, позволяющими заключить, что не найдется у нас ни одной национальности, которая пожелала бы ослабить и тем более разрушить это великое и полезное для всех братское сотрудничество. Распри или какие-либо действия, могущие ослабить в той или иной мере будущее свободное Российское государство, принесли бы лишь вред нашим народам, и, наоборот, политика и деятельность во славу нашей общей Родины будут единственно достойными и полезными как для государства в целом, так и для каждого народа в отдельности.

Русский народ — самая многочисленная и ведущая на-

ция в России. Поистине колоссальны заслуги русского народа в развитии хозяйства и культуры украинского, белорусского, узбекского, казахского, грузинского и других народов нашей страны. Пожалуй, самое примечательное в отношениях русского и других народов — это совершенно бескорыстный характер разнообразной помощи, оказывавшейся и оказываемой русскими другим национальностям. Именно этим снискала себе особую любовь и уважение со стороны других народов русская нация. Кто же может предполагать хотя бы в «теории», что эти братские отношения между русским и остальными народами России в будущем могут быть полюблены?

Подобно тому, как в чудесном букете ценен каждый цветок, — подобно этому ценна и красива каждая часть нашей Отчизны, будь то великая Россия или маленькая Армения, Украина или Узбекистан, Белоруссия или Грузия. И все они сохранят свое неразрывное единство, которое будет первым и главным залогом их свободы, счастья и процветания в нашем Российском государстве.

«Национализм и патриотизм не должны быть связаны с шовинизмом, ибо любовь к своей нации и своему отечеству отнюдь не связана с ненавистью или презрением к другим. Равным образом, они не должны быть связаны с империализмом, ибо достоинство и величие нации и государства отнюдь не связаны с насильственным приобщением или покорением других народов.

Национальное не исключает общечеловеческого. Но служение человечеству осуществляется через нацию. Подобно тому, как каждый, входящий в нацию, вкладывает в нее свое творчество, так и каждая национальность несет в сокровищницу всемирной культуры свое творчество, определяя тем самым свое место и значение в кругу наций мира».

Из «Введения» к программе НТС
(российских солидаристов)

«Государство — эксплуататор или благодетель?»

С. Курсанов

На страницах советской прессы можно часто встретить упреки в отношении тех «неблагодарных» советских праждан — обычно молодых «строителей коммунизма» и «покорителей целины» — которые недостаточно пылко выражают благодарность партии и правительству или советскому социалистическому государству за проявляемую последним «отеческую» заботу об их благополучии. Эти «неблагодарные», оказывается, не только не хотят высказывать благодарности, но еще и требуют дополнительных материальных благ и услуг со стороны государства на том основании, что по их мнению у них забирают больше, чем потом отдают.

Правда ли коммунистическая пропаганда, рисующая государство источником всех материальных благ для населения, или наоборот правы «неблагодарные», утверждающие, что государство дает им меньше, чем они ему отдают?

Для ответа на этот вопрос прежде всего необходимо уточнить — что понимать под словом *государство*.

В самом общем и широком понимании слово или понятие государство охватывает как его население и территорию, так и организационную структуру государственного управления и власти. При таком широком понимании, очевидно, государство в целом является источником всех материальных благ, т. к. они создаются трудом его населения и при эксплуатации природных богатств его территории, а тогда поставленная проблема сводится к вопросу справедливого распределения национального дохода.

Однако в нашем случае в одинаковой мере, как и коммунистическая пропаганда, так и доставляющие ей большое беспокойство «неблагодарные» вкладывают в понятие и слово государство значительно более ограниченное содержание, а именно сводят его к понятию государственной власти —

аппарата управления. В специфических же условиях однопартийной диктатуры, имеющей место в Советском Союзе, это неизбежно сводится к стоящей за правительством коммунистической партии — КПСС.

Таким образом поставленный вначале вопрос может быть более точно сформулирован в следующем виде:

— Насколько обоснована претензия коммунистического аппарата власти в Советском Союзе на роль единственного источника всех материальных и социальных благ, которыми пользуется советский гражданин, как-то: бесплатное образование, бесплатная медицинская помощь, бесплатные или льготные путевки на курорты, пенсии по старости и инвалидности, пособия многодетным семьям и т. д.

Совершенно очевидно, что сам по себе государственный аппарат власти не владеет никакими чудесными источниками материальных благ, подобно «лампе Аладина» или «скатерти-самобранке», а должен располагать какими-то вполне реальными источниками для получения тех средств, которые затем расходуются в виде услуг или прямых денежных выдaч населению. Таким источником является часть ценностей, создаваемых трудом населения и поступающих в распоряжение государства, нормально через налоговое обложение, а в случае наличия государственного сектора народного хозяйства — и в виде прибылей от деятельности предприятий этого сектора.

При этом надо отметить, что в условиях Советского Союза с его, практически, тотальным национализированным народным хозяйством, монопольным положением всей государственной промышленности, транспорта, торговли и т. д. и произвольным, не регулируемым рынком, установлением цен на продукты и предметы народного потребления, прибыли от деятельности государственных предприятий являются не чем иным, как особо замаскированной формой налогового обложения.

Так как из самого этого источника, т. е. налогового обложения, открытого или скрытого, питаются также все государственные расходы и на все прочие нужды, как-то содержание армии, содержание самого государственного аппарата, представительство государства в других странах и в международных организациях и так далее, а в случае Советского Союза еще к тому — содержание КПСС и всех ее прихлебателей, расходы на пропаганду и подрывную де-

ятельность во всем мире и тому подобное, то очевидно, совершенно правы те «неблагодарные», которые утверждают, что государство возвращает населению в виде услуг и выплат значительно меньше, чем население дает ему в виде налогов и т. п. и что благодарить-то, собственно, не за что. Развивая эту мысль немного далее, можно сказать, что в данном случае гораздо более уместны отношения не благодарности за благодеяния, а проверки и контроля за достаточно целесообразным расходом государственным аппаратом средств, получаемых им в том или другом виде от населения. Последнее и имеет место во всех государствах с действительно демократической формой государственного устройства, что в частности всегда включает детальное парламентское обсуждение бюджетных вопросов как в приходной, так и в расходной их части, с обязательной гарантией наличия свободного, в том числе и оппозиционного, общественного мнения.

Из того обстоятельства, что государственный аппарат неизбежно расходует часть поступающих в его распоряжение общенародных средств на свое собственное содержание, может появиться тенденция к анархическим выводам, отрицающим вообще оправданность государственной организации и требование ликвидации государства и аппарата государственного управления.

Однако такой вывод ни в коей мере не оправдан, т. к. государство, являясь организационной структурой существования многочисленных человеческих обществ, обеспечивает возможность значительно более эффективного решения ряда проблем, чем это было бы в неорганизованном, бесструктурном скопище массы людей, само существование которых без определенных минимальных элементов организованности было бы совершенно невозможно; поэтому какую-то долю поступающих в распоряжение государственного аппарата средств и расходуемых им на свое содержание следует рассматривать, как вполне законную и справедливую оплату народом тех услуг, которые ему оказывает государство в лице своего аппарата управления.

Недопустимым является только бюрократическая гипертрофия государственного аппарата, вмешательство в вопросы не подлежащие его компетенции и т. п. с неизбежным следствием — несообразно большой частью государственного бюджета, расходуемого аппаратом на свое собственное содержание, что всегда имеет место во всех тоталитарных, одно-

партийных диктатурах и в частности в Советском Союзе с тоталитарной диктатурой КПСС.

При этом нельзя еще упускать из виду то обстоятельство, что государственная структура общества, наравне с обеспечением возможности более или менее эффективной экономической деятельности, и тем создания предпосылок для увеличения суммарного национального дохода, может в известных случаях создавать условия, когда неизбежно расточительство как материальных ресурсов, так и человеческой энергии, и следовательно — снижение суммарного национального дохода и уровня жизни населения ниже реально возможного по данному уровню технического и экономического развития.

Последнее имеет место, в частности, в огромной мере в Советском Союзе с его «плановым» социалистическим хозяйством, когда ежегодно уходят под снег сотни тысяч или миллионы га небуранных хлебов, стоят десятками лет недостраиваемые промышленные объекты, постоянно нарушается нормальная работа предприятий из-за недостатков снабжения и «плановых истерик» и т. д. и т. п. Как вывод из предыдущего следует, что оценка государства, как организационной системы, и его деятельности, не может быть абсолютной, т. е. ни положительной, ни отрицательной, а должна быть относительной, вытекающей из конкретных форм организации и деятельности государственной системы.

Существует несколько различных теоретических взглядов на сущность и задачи государства, как организации. Одним из таких подходов к этому вопросу является взгляд Маркса, кстати единственно официально допущенный в Советском Союзе, на государство, как аппарат классового угнетения, как аппарат эксплуатации трудящегося народа в пользу меньшинства, владеющего всеми средствами производства и самим государственным аппаратом. В чистом виде такое, сугубо отрицательное воплощение государства, вероятно вообще никогда не осуществлялось, а наиболее к нему приближаются не капиталистические государства, столь ненавистные Марксу, а как раз государственное устройство и сущность государственного аппарата в государствах социалистического, тоталитарного типа, наиболее характерным представителем которых является Советский Союз, в котором роль привилегированного класса — современного дворянства — в данном случае играет активная руководящая верхушка КПСС. На детальном анализе этой аналогии мы здесь не останавливаемся.

Другим взглядом в этом вопросе является теория либерального государства, или по более образному выражению — «государства — ночного сторожа», согласно которой функции государственного аппарата должны сводиться только к созданию законно-правовых условий, обеспечивающих возможность нормальной и свободной деятельности каждого гражданина, как индивидуума; взаимоотношения же между ними регулируются в договорном порядке в условиях правовой законности. Вмешательство государственного аппарата в личные дела граждан допустимо только в случае нарушения законов, в судебном порядке.

Этот взгляд являлся господствующим в течение всего XIX столетия в большинстве европейских стран, государственное устройство которых более или менее приближалось к этому идеалу. Однако либеральное государство оказалось не способным разрешить все возникающие перед человеческим обществом задачи. Обеспечив действительно возможности для бурного развития материальной культуры и накопления материальных богатств, оно привело к индивидуально-эгоистическому распылению общества, как органического целого, и к игнорированию таких моментов, как справедливое распределение народного дохода и т. п., что в свою очередь вело к поляризации богатства с одной стороны, и нищеты с другой стороны, к обострению классовых и социальных противоречий.

Все эти обстоятельства побудили к отказу от идеализованной картины либерального государства и к признанию его социальных функций, в частности, в вопросе защиты более слабой из свободных договорных сторон, что повело к созданию рабочего законодательства в большинстве стран, а также к различным мероприятиям по перераспределению народного дохода в пользу экономически более слабых слоев населения.

Одним из первых и наиболее известных мероприятий в этом направлении является переход от системы косвенных и пропорциональных прямых налогов, к системе прогрессивного подоходного налога, при которой более имущие, с высшим доходом и заработком, участвуют в значительно большей степени в покрытии расходов, как по содержанию государственного аппарата, так, особенно, по социальным услугам, в основном для слоев с малым доходом или заработком, как-то в виде бесплатного обучения, бесплатной медицинской помощи и т. п.

Как иллюстративный пример системы прогрессивного налога приведем величину обложения для женатых, но бездетных налогоплательщиков в США, существующей с 1947 г.

Годовой доход в долларах		Подходный налог в долларах	%/0/0	Остаток дохода для личного пользования
до	1.000	0	0	1.000
	3.000	330	11	2.670
	5.000	700	14	4.300
	10.000	2.600	26	7.400
	20.000	6.100	30	13.900
	50.000	24.000	48	26.000
	200.000	148.000	74	52.000
	1.000.000	839.000	84	161.000

В свете этого развития можно попутно отметить, что разговоры о возможной в недалеком будущем отмене в Советском Союзе прямых налогов, что является одной из последних тем коммунистической пропаганды, представляют, по существу, сообщение о намечаемом реакционном, антисоциальном мероприятии, о попытке еще более повернуть колесо исторического развития в этой области вспять. Вопреки общей во всем мире тенденции к большему налоговому обложению высоко зарабатывающих слоев и разгрузки от налоговых тягот менее имущих, с более низким заработком, групп населения, это коммунистическое мероприятие разгрузит от прямого и прогрессивного налога, в первую очередь, наиболее высоко зарабатывающие группы населения, в том числе паразитарную верхушку так называемого партийного руководства, переложив эти тяготы через косвенные налоги, в том числе и скрываемые под названием прибылей госпредприятий, на плечи широких слоев трудового, как правило, значительно хуже обеспеченного, населения.

Предполагаемая налоговая реформа в Советском Союзе является, таким образом, просто замаскированной формой дополнительных льгот и привилегий правящему слою партийных аппаратчиков.

Возвращаясь к основному вопросу направления развития теории и практики государственной системы, мы приходим к возникновению, приобретающего всё большее распространение, понятия государства социального обеспечения

(Вольфартсстаат), при котором на аппарат государственного управления возлагается обязанность обеспечения определенного минимального, но достаточно высокого уровня жизни каждому трудящемуся гражданину и членам его семьи, независимо от случайных тягот и трудностей, которые могут возникнуть у них, как например — болезнь, потеря работы, инвалидность. Комплекс социальных мероприятий охватывает трудовое законодательство, определяющее, в частности, максимальную длительность рабочего времени и минимально допустимый уровень оплаты труда, далее бесплатную медицинскую помощь, страхование по инвалидности, старости, и потере работы, бесплатное образование, помощь и льготы многодетным семьям, помощь и льготы в области жилищного строительства, помощь многодетным, а также вступающим в брак, т. е. создающим новую семью.

Существенное и принципиальное отличие государства социального обеспечения населения от государства «благодетеля», каким изображается коммунистической пропагандой система существующая у нас на Родине, состоит в следующем:

— Деятельность государства по перераспределению национального дохода на принципах большей справедливости и обеспечения наиболее слабой части населения, рассматривается не как некое благодеяние или дар со стороны государственного аппарата управления правительства, а как выполнение последним возложенных на него народом, являющимся фактическим хозяином государства и национального дохода в целом, в лице своих представителей в законодательных органах, обязанностей.

— В соответствии с последним, деятельность государственных органов в этом направлении подлежит контролю как соответствующих структурных учреждений, так и открытого свободного общественного мнения, и оценке в деловом плане, а не в плане благодарности за благодеяния по отношению народа в целом.

— Отдается ясный отчет в том, что наравне с такими положительными сторонами, как уничтожение нищеты, повышение устойчивости и обеспеченности существования у всех слоев и групп населения, снижение контрастов богатства и бедности и тем самым снижение остроты и напряженности социальных противоречий и т. д., государство социального обеспечения имеет и ряд своих недостатков, основными из которых являются: неизбежное вмешательство государ-

ственного аппарата в деятельность отдельных его граждан и известное ограничение свободы этой деятельности. Кроме того имеется возможность появления иждивенческих настроений и тенденций у отдельных его граждан и даже целых групп населения, пользующихся услугами и поддержкой со стороны государственного аппарата и за счет «государственных» т. е. собранных методом налоговых и т. п. поступлений от других групп населения средств; снижение интереса к достижению высокой продуктивности и эффективности своей деятельности групп населения в наибольшей степени затрагиваемых мероприятиями перераспределения (высокие ставки прогрессивного подоходного налога) и связанная с этим возможность общего снижения (суммарного национального) дохода и, следовательно, общего уровня жизни; развитие поглощающего на самого себя значительную часть средств бюрократического аппарата; наконец, при слишком далеко идущем вмешательстве государства во все отрасли жизни и деятельности, может возникнуть опасность сползания к формам тотального социалистического государственного устройства. Повидимому максимальная граница допустимой к социальному перераспределению части национального дохода не должна превышать $\frac{1}{4}$, в крайнем случае $\frac{1}{3}$ его общей суммы, чтобы не начали слишком сильно проявляться отрицательные стороны этого перераспределения.

Все эти недостатки растут в прогрессирующей степени по мере увеличения степени перераспределения национального дохода и связанного с этим усиления вмешательства государственного аппарата в личную жизнь граждан страны; с другой стороны, если эффективность первых социальных мероприятий всегда очень велика, то дальнейшее их увеличение, а затем и нагромождение, становится всё менее эффективным. Как вывод отсюда следует наличие определенного оптимального решения, при котором эффективность деятельности государственного аппарата управления в области создания социальной обеспеченности всем гражданам является наибольшей и наиболее приемлемой для опрощного большинства населения. Нахождение такого оптимального решения является задачей не только государственного аппарата управления, но и всего общества — всего народа в целом в лице его законодательного представительства, опирающегося на здравый смысл, здоровые принципиальные основы и пользующегося помощью и поддержкой свободного общественного мнения.

Одним из таких принципиальных основных положений является, на наш взгляд, то, что всю проблему социальной обеспеченности и справедливости в перераспределении национального дохода следует рассматривать безусловно не как проявление государственной благотворительности, как это предлагает коммунистическая пропаганда, а как проявление взаимной солидарности, взаимоподдержки и взаимопомощи всех групп населения — всего населения в целом — по отношению друг друга. Такое понимание, соответствующее, в частности, подходу к государству и организованному им обществу, как органическому целому, повидимому, подходит ближе всего к сущности вопроса, и должно способствовать нахождению того оптимума, при котором всё население имеет возможность пользоваться достаточной социальной обеспеченностью и благосостоянием, когда еще не проявляются в неприемлемо сильной степени отрицательные стороны гипертрофии государственного социального обеспечения.

Тот же принципиальный подход дает возможность значительную долю функций этого порядка перекладывать с централизованного государственного аппарата на децентрализованные органы местных самоуправлений, или на общественные организации, чем в значительной мере нейтрализуется опасность гипертрофии и бюрократизации всего аппарата государственного социального обеспечения и появления тенденции сползания в тоталитаризм. Надо сказать, что имеется достаточно примеров, когда этот путь используется на практике, в частности например, в Федеративной Германской Республике, где вся система больничного и социального страхования базируется на уставных корпорациях общественного права (А. О. К. — Всеобщие Местные Больничные Кассы), не являющихся государственными учреждениями.

Тот-же подход вполне соответствует органическому и персоналистическому мировоззрению, и поэтому находит отражение в разработке этих проблем в программе НТС, в части возможных решений для будущей Свободной России.

Один западный политик после посещения Советского Союза:

Народ делится на два сорта людей. Одни думают, что государство может содержать своих граждан, а другие задают себе вопрос — смогут ли все граждане данной страны, объединенные вместе, содержать государство.

Где же Аполлон?

Б. Кирюшин

За что, за какие преступления обречены советские публицисты на эти «танталовы муки» и «сизифову работу», в которую выливается вся бесконечная и неизбывная дискуссия об эстетизме, о прекрасном, об искусстве и литературе? Никаких «своих» богов они не оскорбляли, и всякий справедливый человек должен признать, что эти несчастные страдают безвинно, но... неизбежно; «добровольно, но... обязательно». Где же «зарыта собака»? Или, может быть, несчастье и состоит в том, что «собаку» нельзя «зарыть», потому что нужно, чтобы она «лаяла»? Не виною ли тут какая-то «проклятая необходимость», из которой советскому искусствоведению никак не удается выпрыгнуть в царство свободы, несмотря на осуществленный социализм?

О необходимости мы заговорили не наугад, ибо в советской теории искусства она не только «живет», но и громко проповедуется, сиречь — предписывается. Она сразу обозначает себя при этом вовсе не как некое отвлеченное понятие, даже не как «закон развития», а совершенно конкретно, в виде вещей, имеющих свои формы, свои названия и даже свои цели и задачи; это, прежде всего, необходимость «партийности в искусстве», и особенно, в литературе. Можно представить себе, что сделалось с музами, когда они услышали, что в их общество вводится десятая подруга, как «непременный член», и под неслыханным именем «Партийность». С каким, несвойственным им в древности, видом растерянности и недоумения оглянулись они на Аполлона. Но о том, что они увидели на том месте, где раньше находился Аполлон, лучше не распространяться.

Но музы — это миф, а партийность, хоть и не материя, но существует, и даже независимо от нашего сознания, иначе не было бы ни надобности, ни возможности вбивать ее в сознание писателей.

Как всякая необходимость, она ничего не хочет знать ни о наших вкусах, ни о наших желаниях и стремлениях и ничего не хочет знать и о самом искусстве, его сущности и его возможностях. Необходимость не может сама перестраиваться, но всё, на что она наложена, должно перестраиваться в соответствии с необходимостью, хотя бы это и пришло ему величайшими бедствиями.

Но откуда пришла в мир необходимость и откуда у нее такая сила? Человечество не раз задавало себе этот вопрос и ответить на него не могло. Киркегор и Шестов¹⁾ задают и дальнейшие вопросы, связанные с предыдущим: «Может ли человек жить в мире, пока в нем господствует необходимость? Может ли человек не прийти в отчаяние, когда он убеждается, что необходимость, не довольствуясь находящимися в ее распоряжении средствами внешнего принуждения, ухитрилась переманить на свою сторону его собственную «совесть» и заставить ее слагать гимны своим злодейским делам?»²⁾

Тут шла речь о необходимости «вообще», о самом принципе необходимости, но те же вопросы мы можем задать и «по частному случаю», по отношению к искусству и литературе, к нашей литературе. Но здесь мы, по крайней мере можем докопаться, откуда необходимость пришла в искусство, которое, по сущности своей, кардинально противоположно необходимости.

Родословная необходимости — «партийности в литературе» — восходит к Ленину. Партийные «искусствоведы» постоянно ссылаются на статью Ленина: «Партийная организация и партийная литература»³⁾, и ссылаются, на первый взгляд, довольно «безответственно». Из текста этой статьи Ленина трудно «выудить» что-нибудь похожее на то, что делается ныне. Ленин ведь говорил о «партийности, партийной «литературе», т. е. о литературе публицистической, философской, политической, — а вовсе не о художественной. Да и в публицистической литературе он требовал партийности от *членов партии*, а не от «всякого интеллигента». И достаточно ясно это «рассказывал»: «Как! закричит, пожалуй,

¹⁾ Сорен Киркегор — датский философ (1813—1855); Лев Шестов — русский философ (1866—1938).

²⁾ Лев Шестов: «Киркегор и экзистенциальная философия», Париж, 1939, стр. 39.

³⁾ Ленин, Сочинения, IV изд., том 10.

какой-нибудь интеллигент, пылкий сторонник свободы. Как! Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого индивидуального дела, как литературное творчество!

— «Успокойтесь, господа! Во-первых, речь идет о партийной литературе . . . Каждый волен писать и говорить всё, что ему угодно, без малейших ограничений. Но каждый вольный союз . . . волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой для проповеди антипартийных взглядов (Подчеркнуто нами. — Б. К.) . . . Я обязан тебе предоставить, во имя свободы слова, полное право кричать, врать (как видите, и врать. — Б. Т.) и писать, что угодно. Но ты обязан мне, во имя свободы союзов, предоставить право заключать или расторгать союз с людьми, говорящими то-то и то-то. . .»⁴⁾

Но партийные «искусствоведы» ссылаются, конечно, не на эти, а на другие слова Ленина в той же статье, вроде того, что «литераторы должны войти непременно в партийные организации. Издательства, склады, магазины, библиотеки. . . всё это должно стать партийно-подотчетным. . .»⁵⁾

Ленин говорил, — всё в той же статье, — и нечто третье: издевался над царской цензурой, над ее «глупыми» попытками «запретить» то, чему помешать правительство не в силах»⁶⁾, т. е. нечто вроде того, что литература, по природе своей не может быть сдержана «запретами».

Для читателя того времени статья Ленина должна была показаться полнейшим сумбуром, накоплением противоречий. Но нам она таковой совсем не кажется. Ленин говорил (только не договаривал) о разных вещах и о разных временах. «Свобода» относилась к тем временам, когда партия была еще далеко от власти и практически просто не могла ничего запрещать; «подотчетность» партии всего и всех осуществится тогда, когда партия захватит власть (хотя Ленин и не знал еще тогда, что эта власть будет называться «советской»). «Запрещать» не умело царское правительство, коммунистическое правительство сумело это сделать.

Партийные «искусствоведы» тоже не все «договаривают», но «понимают» они всё, и даже, — к великому их огорчению, — научились теперь понимать нечто и сверх «всего», именно, что литературе и искусству можно еще что-то за-

⁴⁾ Там же, стр. 29.

⁵⁾ Там же, стр. 28.

⁶⁾ Там же, стр. 26.

прещать, но заставить их делать то, что угодно партии, гораздо труднее, а в сколько-нибудь стоящем объеме, — и просто невозможно. Отсюда все хлопоты и неизбежность дискуссий об искусстве и литературе.

Художник не может, — при всем «желании», — художественно выразить то, что не произвело на него соответствующего впечатления. Не всё годно для эстетического выражения, и «выбирать» в этом смысле художник может не по своему, или «чуждому» произволу, а в строгой зависимости от своего эстетического «строга», который он тоже не в силах произвольно менять. Это вовсе не значит, что в мире есть вещи, не способные произвести эстетического «впечатления» ни на одного художника, ни при каких обстоятельствах. Но и этот «один», и обстоятельство не являются по заказу. Никто к тому же и не знает как их «создать», не говоря уже о том, что большинство создаваемого людьми вне мира искусств творится без малейшего учета элемента эстетического. Может быть, верно и обратное рассуждение: во всём, что создают люди, может быть элемент эстетического, но не обязательно, чтобы он выражался искусством именно так, как этого хочет кто-то, стоящий вне искусства; чаще бывает, что это выражение противоположно желаниям тех многих, которые заинтересованы искусством как «средством», а не как целью.

Иное для искусства само по себе «тело» партийности (без кавычек) приобретает, в силу всего сказанного, еще большую неуклюжесть и, как тяжелый камень мнет и давит все самые бледные цветки теории искусства. Она становится, своего рода парадоксом.

Основной, фундаментальный парадокс не замедлил породить, так сказать, «производные» парадоксы, которыми так разукрашивается наша действительность. Вот, например, Н. С. Хрущев не скрывает, что ему «ближе позиция беспартийного писателя тов. Соболева, чем члена партии тов. Алигер»⁷⁾. Что же такое тут происходит? Не считался ли Хрущев Н. К. Михайловского и полагает, что у Соболева при пониженном «типе» высока «степень» развития? Маргарита Алигер Михайловского наверняка не читала, но, — удивительное дело, — в своем «покаянии» она почти признается в своей «пониженной степени развития»: «Мне, — говорит она, — подчас свойственна подмена политических катего-

⁷⁾ Н. С. Хрущев «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», «Коммунист» № 12 за 1957 г.

рий категориями морально-этическими. Мне не хватало разностороннего политического чувства»⁸⁾.

Дудинцева в свое время так расчесали «частым пребнем», что он замолчал и ни один из анонсированных его романов в печати не появился. За это ли молчание вдруг «реабилитировал» его Хрущев на III съезде писателей? «Дудинцев нам не враг». Но давно ли Соболев, «в ущерб своему здоровью» громил писателей за их молчание, за их «заговор молчания»? И откуда только у этих беспартийных такой «власть имущий» голос взялся, чтобы учить партийцев партийности? Вот так ворочается необтесанный камень партийности в утробе литературы.

Но это еще всё цветики! Ягодки должны быть где-то за кулисами (которые, впрочем, всё больше и больше раздвигаются): на июньском пленуме ЦК (1959 г.) Хрущев внезапно отклонился от повестки дня и обрушился на писателей, которые «не хотят терпеть партийного руководства» и даже «хотят встать над партией» (Не о Соболеве же он говорил!). И утешился тем, что-де, мало-ли бывает различных людей!.. явление, так сказать, психологического порядка» и «такие будут, очевидно, и при коммунизме». Можем его еще более «утешить»: непременно будут и будут «еще и не такие» и будет их гораздо больше! Ибо такова она, диалектика развития, что пока коммунизм «развернуто строится», камешки партийности в организме искусства шлифуются, обтачиваются и стачиваются.

Чужеродность для искусства той «партийности», которой требует от писателей выродившийся марксизм не может полностью осветить парадокса, если мы не уделим должного внимания цели, конкретной цели, имевшейся в виду при водворении «партийности» в искусство. Первая половина общей марксистской формулы о роли искусства воспрещает, как будто, шиллеровские и шеллингианские надежды. «Искусство должно воспитывать людей, делать их высоко-моральными»... Но вторая половина марксистской формулы — уже собственная, не имеющая аналогий в прошлом: «воспитывать людей в духе коммунизма». И тут, повидимому, без партийности обойтись действительно никак нельзя, ибо весь «дух» коммунизма, где-же он, как не в партии?

⁸⁾ На открытом партийном собрании московских литераторов в окт. 1957 г. парадокс и тут продолжался: присутствовали «беспартийные» — Катаев и Соболев.

Но ведь партия имеет свою собственную доктрину, свое учение, свою философию. Влезает ли, по крайней мере, эта «необходимость партийности» в искусство в собственную философию марксизма?

Что такое искусство, литература с самой «ортодоксальной» точки зрения марксизма? К каким «самым общим» категориям они относятся?

Несмотря на все оговорки и блуждания «классиков марксизма» по поводу «надстроек», — термин и понятие не могли быть удалены вовсе из доктрины. Иначе, как же объяснить соотношение материального и духовного, сохраняя тезис «примата материи»? Сталин вытянул из надстроечного массива язык, но литературу и искусство и он не тронул, и они остались в «надстройке». Сталин приписывал надстройке «огромную силу», но очень резко подчеркивал происхождение надстройки из базиса, как бы некую «единозначимость» того и другого⁹). И это последнее положение никем в марксистской литературе опровергнуто не было: надстройка есть, происходит она из базиса или «строится на базисе». Ее возможность обратного воздействия на базис не уничтожает того положения, что «каждому базису соответствует своя надстройка»: литература и искусство СССР — родные дети «построенного социализма» и ничего другого, как этого своего базиса, не отражать, ни выражать не могут. Для чего же тогда сажать в них «партийность», как цепного пса для охраны «марксистского духа»?

Паралогизм это или софистика¹⁰), — решать не нам, но какая-то ложная посылка «вкралась» во всё построение: либо искусство не надстройка, а что-то самостоятельное, — и тогда «партийность» в ней — чужеродный элемент; либо оно все-таки — надстройка, и тогда оно должно верно «отражать» свой социалистический (или коммунистический) базис, и «партийность», как цепная собака, в нем излишня.

Есть еще и третья возможность, как бы своего рода, — «отрицание отрицания», но она совершенно убийственна как для партийности, так и для самой партии: может быть, литература и искусство «не являются ни тем, ни другим, — ни чем-то совершенно «самостоятельным» (в смысле отрыва от жизни), — ни надстройкой над экономическим базисом, но

⁹) Ср. «Краткий философский словарь», Госиздат, 1932 г., стр. 34-37.

¹⁰) Ср. статью Г. А. Брутяна «Паралогизм, софизм и парадокс», «Вопросы философии» № 1, 1959 г.

все-таки в действительности отражают, — и отражают верно, — жизнь в эпоху «развернутого строительства коммунизма», но отражение таково, что оно совершенно невыносимо для партии. Уродливо не отрицание, — уродливо то, что *верно* отражается. И тогда совершенно понятно, зачем туда водворена партийность: не для того, чтобы «исправлять» неверные отражения, а для того, чтобы не допустить *верных* отражений. Вопли о кознях «буржуазного» проникновения и беспрестанно возрождающихся «ревизионизмах» сильно подкрепляют такое предположение. Что «партийность» не для того в искусстве, чтобы заботиться о собственно художественном уровне его, «иллюстрировал» Хрущев на III съезде писателей. «На мой взгляд, — сказал он в своей речи, — народ отнял у писателя... право... прежде всего, писать *неверно* (подчеркнуто нами. — Б. К.)... Произведения могут быть написаны, так сказать, на невысоком уровне. Ну, и что ж, читатель даст свою оценку. Другое дело, если произведение написано *неверно* (Б. К.)... Этого никак нельзя допустить... бракованная продукция будет прокладывать себе дорогу... и даже к тем, кто еще не научился держаться на ногах»... Характерен и этот последний комментарий: почему же эта «неверная» литература должна непременно «повалить» «нетвердо держащегося на ногах», если она «неверная». Очень просто почему: человек будет сравнивать ее не с «партийными установками», а с жизнью, и без труда установит, что «неверная»-то и есть самая верная! Вот поэтому-то и недопустимо давать ему литературное подтверждение его собственной наблюдательности.

Чужеродная искусству вначале по ощущению, «партийность» выявляет себя теперь эмпирической помехой искусству, в его функции «отражения» жизни, каковы бы ни были характер и смысл этой, безусловно присущей искусству, функции. Теоретически утверждающая себя как *реализм*, марксистская доктрина в реальной жизни, здесь, как и во всех других областях, становится неутолимым творцом *фикций*. Роль фикций в жизни не мала, и было бы ребячеством утверждать, что они не имеют силы воздействия. Но скала их качественного и характерного разнообразия по меньшей мере равна и скале этой способности воздействия. В каком-то смысле, — и в известных жизненных обстоятельствах — люди даже тяготеют к фикциям. Но реальность их воздействия обусловлена многими элементами, из которых самым важным и необходимым является комплекс «потребности —

удовлетворения»: фикция прежде всего должна быть людям *нужна*, она должна затем удовлетворять те запросы, которые удовлетворить иным путем человек не может.

В этом смысле, Хрущев, даже формально, высказывает совершенную «ересь». *Неверное* произведение — всегда произведение на *«невысоком уровне»*; больше того: слабое литературное произведение всегда и *неверно*, ибо не может дать достаточной, а следовательно и верной, — картины того, что оно хочет изобразить. В силу этого оно никого и не может «пошатнуть», никого не может «обмануть», даже самого слабого «на ноги». «Текст выдает писателя с головой. Поэтому жалкой бывает судьба писателя, поступившегося правдой во имя далеких от литературы соображений».

Внедрение партийности в искусство и литературу оказывается, таким образом, и бесполезным с точки зрения задач, поставленных самой партией. Оно не дает, — и не может дать, — чаемых партией результатов.

Конечно, некоторое действие оно все-таки имеет: оно может *тормозить* развитие литературы и искусства. Но не больше. Все ухищрения для того, чтобы партийным воздействием изменить в желательном направлении действительно ценные художественные вещи не ведет ни к чему. Попытки некоторых крупных писателей (не будем уже тут называть — их все знают) «подправить» свои прежние произведения в угоду партии, наглядно показали бессмысленность предприятия: все такие произведения стали *хуже* после этой операции, и *ни одного не стало лучше*.

Мудрено ли теперь, что в оппозиции к «партийному» руководству литературой оказались и некоторые писатели-партийцы? Как писатели, они стихийно сопротивляются внедрению чужеродного элемента в искусство; как партийцы (но именно, *партийцы-писатели*), они понимают и бесплодность и вред всего предприятия.

Утилитарное значение для партии искусства и литературы воспроизводится и в определении того, будто-бы, чисто эстетического понятия, которым является *социалистический реализм*¹¹).

Исторически «принцип соц. реализма создавался из весьма разношерстных «представлений» и задач «вождей» ком-

¹¹) Отвергая утилитаризм в искусстве, мы вовсе не хотим отрицать известную и специфическую «полезность» искусства. Нет такой области человеческой деятельности, которая была бы совершенно

партии. Реализм в искусстве понадобился прежде всего ради его «ясности», «понятности», «общедоступности». Атмосфера, создавшаяся в искусстве в 20-х годах нашего века, совершенно «задурила» партийных деятелей, в большинстве своем стоявших очень далеко от искусства. Всё дело заключалось в том, что многие, и очень многие художники и литераторы, совершенно не зная и не понимая ни сущности, ни в особенности «духа» марксизма, и еще менее марксизма «ленинского», вообразила, что теперь-то именно и настала пора ничем не стесняемой свободы в искусстве. Большевиком, разрушающий «всё старое», должен был, по их мнению, уничтожить все стеснения, все нормы, все препятствия для новых исканий в искусстве. На некоторое время эти чаяния, казалось оправдались, и искусство пользовалось полной свободой, конечно, за исключением «явно-контрреволюционного». Новой власти не под силу было, сначала, «зажимать» во всех направлениях, да и воспоминания о свободе были еще настолько свежи, что небезопасно было сразу «жать» на всю площадь жизненных проявлений¹²⁾. Между тем, уже

«бисполезной». Все дело — в понимании характера «полезности», который является весьма специфичным для каждой сферы выходящих форм человеческой деятельности. Единственно верным подходом к этому вопросу мы полагаем предварительное выяснение того, что именно, какие человеческие запросы удовлетворяются тем или иным творчеством человеческого духа. В отличие от утилитаризма, мы утверждаем, что от данной области творчества нельзя требовать *любой* пользы в *любой* области жизни. Утилитаристический подход к искусству, конечно, не выдуман большевиками и не раз обозначался в истории. Отличие этих «прецедентов» в том, что «польза» из искусства извлекалась постфактум, т. е. из уже созданных произведений искусства извлекалась какая-то «польза», не имеющая своих корней в искусстве, как таковом. «Новосведение» большевизма в этой области заключается в том, что он хочет «строить» и «организовывать» искусство в расчете на политическую, скажем, пользу для компартии. Из самого смысла затем вытекает и ее обреченность. Смутное сознание противоречивости этой затеи очевидно и заставило партию к принципу голый «партийности» в искусстве прибавить еще и нечто, «как-бы» исходящее из сферы самого искусства, — «социалистический реализм».

¹²⁾ Нечто аналогичное произошло и в «половом вопросе», когда любовь между мужчиной и женщиной была объявлена самой простой «функцией», — все равно, что выпить стакан воды», или, иначе, «без черемухи», т. е. без излишней поэтизации половых отношений. С той

и в те времена партия начинала рассчитывать на «воздействие» через искусство, а тем более через литературу. Но свобода в искусстве не могла не создать всяких «разнобоев» и «самотеков», которые никак не облегчали, а скорее затрудняли и даже делали невозможным употребление искусства для партийных задач. Было два основных «неудобства» для власти в создавшемся положении: во-первых, для самой власти усложнен был контроль над искусством, в некоторых формах которого вообще нельзя было ничего понять и, тем менее, «проверить», — нет ли тут чего и контрреволюционного; во-вторых, искусство предназначалось ведь для воздействия на широкие массы, а новые формы его были вообще мало кому понятны, и менее всего широким массам.

Появление некоторых, особенно «эзотерических» (непонятных непосвященным) направлений в искусстве, в действительности ничего не дававших ни искусству, ни тем, кто хотел его воспринимать или наслаждаться, дало повод и облегчило власти сначала поднять кампанию, а потом и практически запретить «упадочно-декадентское искусство»; за одно уж запрещена была и вообще всякая дифференциация в направлениях. Постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года запрещены были все «самочинные» организации служителей искусства и созданы единообразные для всех отраслей искусства союзы писателей, художников и прочих — «вне всякой конкуренции».

Естественно, что и единственным направлением, или как он был назван официально, единственным методом в искусстве и литературе был предписан — реализм. Тут уже больше никто не «схитрит», всё — как на ладони, и за то, что «написано пером», можно взъискивать «топором».

Но естественно также, что такое название, — так, просто: реализм, — не мог удовлетворить ни партию-правительство, ни тех, которые собирались на основании этого термина контролировать художников и писателей. Реализм «просто», без прилагательных, если и не давал возможности писателю как-то «скрыть», «завуалировать» недолжное, оставлял ему все-таки возможность свободного выбора тем и более или менее свободной их трактовки, «с соблюдением

разницей, что «стакан воды» опротивел, прежде всего самой молодежи. Но и для партии и правительства, он был чреват всякими хлопотами и неудобствами, поэтому «ветка черемухи» была снова допущена и даже предписана.

приличий», конечно. Он не мог его заставить писать то, что нужно партии. К тому же, к реализму и до того успели прилипнуть дополнительные этикетки: «наивный», «критический». Обе явно не подходили для данной «ситуации»: «наивной» партия отнюдь не хотела прослыть, а вопрос критики значительно усложнился или, может быть, упростился. Право критики, — так сказать «оригинальной» критики, — забрал себе ЦК, а немного позже его генеральный секретарь «единолично». Сверх того, и в силу того, партии нужна была теперь не критика, а «утверждение». Из среды писателей, яснее всего разъяснял это Максим Горький.

«Буржуазно-дворянский реализм, — писал Горький Е. С. Добину в марте 1933 года, — был критическим реализмом... *Наш реализм имеет возможность и право утверждать* (подчеркнуто у Горького) ... основная его задача — *утверждение социализма путем образного изображения фактов*»¹³⁾ (подчеркнуто у Горького).

Но говорил ли Горький это именно *как писатель*? В этом можно сильно усомниться. Ведь еще за пять лет до этого он писал И. В. Львову из Сорренто: «Не читайте книг, подобных книге Толстого: «Что такое искусство?» И дело тут не только «в Толстом и книгах, подобных «трактату Толстого: «Теории искусства, ничему не учат... учиться искусству следует не на суждениях об искусстве, — а на самом искусстве...»¹⁴⁾ А теперь он хочет создавать теорию, да еще теорию не искусства, а теорию *для искусства*, навязывает писателям обязательство, с сущностью искусства и литературы ничего общего не имеющее. Как он забыл свои собственные литературные потребности в молодые годы, когда он писал Регину: «... я вижу, что никуда не принадлежу пока, ни к одной из наших «партий»¹⁵⁾. Рад этому, ибо это — свобода. А человеку очень нужна свобода, и в свободе думать по своему *нуждается более, чем в свободе передвижения*» (подчеркнуто нами. — Б. К.). В годы расцвета он хотел свободы для себя, в старости готов стеснять свободу других. Трансформация весьма нередкая в жизни людей, но глубоко печальная в большом писателе.

¹³⁾ М. Горький: «Письма о литературе». «Советский писатель», 1957 г., стр. 450.

¹⁴⁾ Там же, стр. 364.

¹⁵⁾ Там же, стр. 33; слово «партий», поставленное в кавычках, подразумевает, по нашему мнению, «партий в литературе», а не «политических партий».

Дело становится еще более прустным, когда мы узнаем, что, приступая к своему начинанию и осуществляя его (социализм был окончательно внедрен на I съезде писателей в 1934 году), Горький даже еще и не продумал его, не подыскал ему «подходящих «обоснований», ибо уже в 1935 году он пишет А. С. Щербакову: «Думаю, что исходной точкой соцреализма надобно взять Энгельсово утверждение: жизнь есть сплошное и непрерывное движение, изменение». А не «измена» ли, к тому же еще? «У нас литераторы меньше всего думают и говорят именно о целях и задачах литературы — следует попытаться возбудить более живой и глубокий интерес к делу, которым они занимаются»¹⁶⁾. Какое ценное свидетельство! *Инициатива «утверждения» соцреализма исходила не из писательской среды!* Наши нынешние молодые писатели могут облегченно вздохнуть: это не их старшие «собратья» выковывывали для них цепи партийных стеснений в их творчестве.

За эти их «пассивность» и «мещанство» на их головы было вылито объемистое ведро горьковской иронии, злобы и презрения: «Почему поэзия и проза отстают . . . ? Мы живем очень спокойно, нехорошо спокойно . . . Постыдно скудны силы поэтов наших, холодные стишки пишут у нас. Очень равнодушна эта лягушечья поэзия. И даже когда пишут о революционной эрекции, чувствуешь, что пишут политические импотенты» . . .¹⁷⁾

Никогда все «ревизионисты», взятые вместе, — даже если присовокупить к ним всех тех, кто внутри СССР «пытался недооценивать достижения соцреализма», — не вылили такое количество грязи на наших писателей, как Горький в этих своих нескольких фразах. И ничего! Не трудно и разгадать почему — «ничего»? Один порочил «людей», — и вовсе не «некоторых» и не «кое-кого», а всех наших поэтов огульно — и это можно делать, но не дай Бог тронуть «систему»! Такова уже марксистская «забота» о человеке, такова психика марксизма-ленинизма.

И вот прошло 25 лет, — четверть века. Куда и как сдвинулась, продвинулась, эволюционировала или прогрессировала теория «партийности», теория «метода соцреализма»? Ликвидировала ли она, по крайней мере, свой «разрыв» с писательским «коллективом»? — Никуда, никак, не ликви-

¹⁶⁾ Там же, стр. 484—85.

¹⁷⁾ Там же: письмо А. А. Суркову от 7. XII. 35, стр. 499—500.

дировала ничего. «Отставание» во всех областях духовной деятельности продолжает оставаться болезненнейшим пунктом партийного сознания. «Отстают» все: художники, литераторы, поэты, философы, историки. Об этом говорилось на XX и XXI съездах партии, об этом пишется в газетах и журналах до последнего дня, до последнего часа. Правда, теперь с величайшим пафосом говорится и о величайших достижениях¹⁸⁾, но ведь это только тогда, когда речь идет о «преимуществах социалистического строя». Стоит только коснуться фактического положения в среде писателей и художников, тотчас и тема «отставания» выплывает, неизменно и неизбежно. Да и как ей не выплывать? «Догнать» социализм никому не под силу, ибо не «догнали» его и сами его творцы.

Спустя год после «внедрения» соцреализма в искусство Горький только лишь начал «думать», как мы видели, — какое же основание подвести под это «изобретение». Для этой цели им намечалось положение Энгельса о «вечном движении и изменении». Но в дальнейшем ни сам Горький и никто другой не взялись за «развитие» этой темы. Ныне мы узнаем, что «подкладка» для соцреализма совсем иная: «... гениально разработанная Лениным с позиции диалектического материализма теория отражения является философской основой эстетики соцреализма»¹⁹⁾. Правда, написано это в статье, посвященной пятидесятилетнему юбилею ленинского «Марксизма и эмпириокритицизма», и тут уже надо было, — по большевистскому этикету, — все подводить под философские «изречения» Ленина. Да, всё, что угодно; можно и притянуть за волосы к чему угодно... Во всяком случае, эта философская связь ленинского «отражения» с соцреализмом нимало не обосновывается в статье Каменева, а лишь декларируется, как декларирован был в свое время и самый соцреализм. И если Горький «ощутил», что его собственный литературный «метод» может быть определен термином «соцреализма», то, кажется, чего бы проще объединить около себя тех литераторов, которые признали бы

¹⁸⁾ Может быть, за исключением одной области: философии; в самом деле, кто бы осмелился опередить Ленина, «достигнуть» большего, чем автор «Материализма и эмпириокритицизма»? Но «отставать» философия все-таки «отстала», как это ни парадоксально.

¹⁹⁾ В. С. Кемеров: «Ленинская критика махизма и формалистического искусства», — «Вопросы философии», № 15 за 1959 г. стр. 64.

себя принадлежащими к той же «школе», как и Горький, — оставив в покое всех остальных писателей и художников. Тогда будущее и показалось бы, что это за «метод», каковы его характерные черты, во что он выливается, чего достигает... Но сам соцреализм устанавливается обязательно для всех писателей, художников, композиторов, если даже одиннадцатая симфония Шостаковича скомпонована методом социалистического реализма, — тогда, конечно, нет никакого соцреализма, — и не удивительно, что «о нем не написано еще ни одного(!) капитального теоретического исследования»²⁰). Поэтому никто толком и не понимает, что такое соцреализм: все должны работать этим «методом», но большинство писателей этого просто не могут. Вместе с тем, вся советская литература должна считаться литературой соцреализма. Конечно, советская критика выделяет «образцовые» произведения соцреализма, но что такое тогда вся остальная литература? — «Отходы ширпотреба?» — как сказал Шолохов на II съезде писателей.

Но и отбор самых «образцов» соцреализма наводит на некоторые сомнения. К ним, например, причислена «Молодая гвардия» Фадеева. Но почему Фадееву пришлось ее переделывать и почему Симонов сказал, что первая редакция была все-таки лучше? Или вот картина Йогансона — «Допрос коммуниста». Коммунистов допрашивали ведь не только белогвардейские генералы, но также и Ягоды, Ежовы, Вышинские... И вот если бы Йогансон изобразил бы допрос того же Эйхе, — о судьбе которого так сокрушался Хрущев на закрытом заседании XX съезда, — был бы это соцреализм, или нет? Или может быть тоже «отходы» ширпотреба? И не пришлось ли бы тогда и самому Йогансону пойти в «отход»?

Сколь ни далеки, как будто, подобные примеры от вопроса о сущности и формах искусства и эстетики, но именно поэтому они уместны здесь, ибо наглядно показывают, насколько источники соцреализма чужды искусству и эстетике. Это все и без того знают, конечно, но точки над «и» иногда следует поставить, чтобы окончательно разделаться с некоторыми понятиями.

В свете этих констатаций яснее выявятся некоторые — на первый взгляд загадочные — элементы соцреализма, весьма определенно декларированные партией. Как это, на-

²⁰) М. Каган: «Эстетика и современность», «Октябрь» № 7 за 1959 г.

пример, оказалось, что «впервые в истории искусства... романтика органически входит в реализм», если реализм, как таковой, явился реакцией именно против романтизма? Для истории и теории искусства это явилось бы проблемой, о которую многие исследователи обломали бы себе зубы. Но «реально» дело объясняется совсем просто: мы видели уже для чего понадобилась партии «реализм»; «романтика» оказалась нужной дополнительно, ибо искусство должно постоянно и напряженно держать перед читателем «мечту о социализме», а потом и коммунизме. Партийные идеологи полагают, что один «чистый» реализм — хотя бы и «социалистический» — не в состоянии показывать перспективы «будущих достижений». Тут должна быть и известная порция фантазии, «творческой», конечно, которую партидеологи окрестили «романтикой». Как некая новая специфическая «надстройка», эта «романтика будущего» должна обратно воздействовать и на настоящее, создавая у трудящихся «романтику труда», тоже своего рода «опиум для народа». Все те «фигуры», действительные и вымышленные, которые «классики марксизма» трюмили в «буржуазном обществе», КПСС неизменно применяет в своей тактике «подгонянку», вывернув их, конечно, соответствующим образом наизнанку.

Соцреализм определяется далее, как «метод», а не направление, не движение, не течение в искусстве и литературе. Что-же? В марксизме всё ведь только «метод», и сам марксизм — метод (хотя Маркс иногда называл его также и движением), но, удивительным образом, все эти «методы» оказываются всегда наполнены самыми конкретными «положениями», и даже «предписаниями», — постоянными, неизменными и обязательными²¹). Как метод, соцреализм «расположен» предоставлять писателям «самую широкую свободу в выборе

²¹) Из всех марксистов только один Георг Лукач логически до конца (хотя и только теоретически) развил эту «методологичность» марксизма. «Ибо в предположении, — хотя и не допуская еще такой возможности, — что новые исследования докажут фактическую неправильность всех отдельных высказываний Маркса, — каждый серьезный «ортодоксальный» марксист мог бы безоговорочно признать эти новые результаты обследования, сбросить все отдельные утверждения Маркса, — ни на одну минуту не расставаясь со своей марксистской ортодоксальностью. Ортодоксальность марксизм обозначает не как слепое признание исследований Маркса, не веру в тот или иной тезис, не повторение какой-то «священной» книги. «Ортодоксальность

тем, жанров, аспектов отражения жизни, художественных средств, языка, формы, т. е. всего того, что приводит творческую индивидуальность к созданию своего *стиля* (подч. у М. Кагана)²²). Но как «излучение» гегемонизма ЦК КПСС, он навязывает художнику целый ряд обязательств: потрудитесь, мол, дорогой писатель, изобразить жизнь: 1) правдиво, 2) исторически конкретно, 3) в ее революционном развитии, 4) нарисовать прошлое, настоящее и перспективу будущего развития, 5) пустите в ваше произведение соответствующую дозу романтики, 6) с тем, чтобы в ней был герой-творец, да позаботьтесь сверх того, чтобы у вас была партийность, народность, идейность, чтобы вы не забыли «побороться» против аполитичности, формалистской изощренности, пережитков теории «искусство для искусства» и натурализма, — а в остальном — вы совершенно свободны²³). И не подумайте, что всё это также «уже в прошлом», как шемякины судьи при Сталине, что всё теперь нужно понимать как «товарищеские», — факультативного характера, — советы писателю. За всё это с вас спросится! До какой степени за выполнением всего перечисленного (и даже неперечисленного) следят те, кому это нужно, показывает замечательный пример из совсем недавнего прошлого. И. Ефремов написал увлекательный фантастический роман будущего «Туманность Андромеды», постаравшись насытить свое произведение соответственно рецептам теории соцреализма. И тем не менее, оказывается, что произведение «не свободно от недостатков». В ряде рецензий... «оспариваются представления автора о семье в коммунистическом обществе, его периодизация истории человечества и характер развития автоматизации производства». Если не знать, что говорится в романе, можно было бы подумать, что рецензируется какой-то философский или исторический трактат. Но это еще только цветки, а вот она «ягодка»: «Нельзя не упрекнуть И. Ефремова и в том, что люди будущего в его изображении слишком равнодушны к памяти о революционном героизме

в вопросах марксизма основывается исключительно на отношении к методу».

Но зато же ведь и попало Лукичу за его «свободомыслие»! (Курьезно, что в 1924 году «громил» Лукича не кто другой, как Зиновьев, а венгерский коммунист Рудам ставил Лукача-Бухарина в пример.)

²²) М. Каган, цитир. статья в «Октябре», стр. 126.

²³) Ср. Энциклопедический словарь, стр. 271.

наших дней. Даже Великая Октябрьская революция, а также основоположники марксизма-ленинизма им нигде не упоминаются». Так что, — потрудитесь быть точным, товарищ автор; «безымянный и «безродный» коммунизм не годится изображать даже в фантастическом романе. Но и это еще не все: «Надо полагать, что автор книги при последующих ее изданиях учтет «замечания читателей» (взято в кавычки нами. — Б. К.)²⁴⁾. Нетрудно угадать кто могут быть эти читатели», которые навязывают литератору свои исправления». Ни одному здравомыслящему читателю это, конечно, никогда в голову не пришло бы, независимо от того, — понравилось ему данное произведение, или нет. А «учитывают» желание публики только директора плохих цирков, и, может быть, еще бульварные романисты. Да... «хорошо, что Лев Толстой успел написать «Анну Каренину», как говорит русская пословица...

Но вся эта строгость, все придирки и «наставления» напрасны и безрезультатны. Повторим еще раз, что они способны «тормозить», способны иногда заставить писателя несколько испортить свое произведение, но «положительного», — с точки зрения партии, — конечно, они ничего не дают и за примерами и свидетельствами ходить тоже недалеко:

«Где такой герой в нашем искусстве последних лет, — горестно восклицает на страницах «Октября» В. Скатерщиков, — где образец, с которого бы не по соображению, а по неодолимому внутреннему желанию взять пример молодежи?»²⁵⁾ В статье «Герой и эпоха» Н. Охлопков жалуется,

²⁴⁾ В. Дмитриевский, Е. Брандис: «Современность и научная фантастика» — журнал «Коммунист» № 1 за 1960 г.

И это не единственный упрек Ефремову: в статье «О литературе последних лет» («Лит. газ.» 30. I. 60) Ципацев тоже заметил «промах» автора «Туманности»: «Даже летоисчисление ведется в романе с некоей «эры Великого Кольца», а не того социального перелома» и т. д.

Все эти «замечания автору» написаны, конечно, очень «гладко», и тут невольно вспоминается рассказ Чехова «На ювятках», где Василисин муж прослушал, что писал под диктовку Василисы Егор. Повторяет несколько раз: «— Ничего, гладко...» «— Ничего, гладко... дай Бог здоровья». А Егор, пока Василиса раздумывает, что еще нужно написать зятю, пишет, «от себя»: «... как судьба ваша через себе определила на военное Попрыщце, то мы Вам советуем заглянуть в Устав Дисциплинарных Взысканий и Уголовных Законов...»

²⁵⁾ В. Скаперщиков. «Политика, мораль, эстетика». — Журнал «Октябрь» № 7 за июль 1959 г., стр. 137.

что «нет современных героев в пьесах»²⁶). В своем докладе на 3-ем съезде писателей Сурков также констатирует недостаток «масштабных характеров», «героев на уровне» в современной советской литературе.

Подобные примеры можно умножить до бесконечности. Нет такого героя! и выдумать его в литературном произведении не могут все те «старатели», которые хотят быть политическими «потентами». Не выходит почему-то... Не всякий заказ выполним в искусстве.

Облегчится ли наше понимание этого внутреннего конфликта в советском искусстве, если мы попытаемся выяснить и уточнить как самый характер и структуру советской эстетики, так и ее взаимоотношения со всеми теми факторами, с которыми она вступает в контакт, — или в столкновении? Предварительно, нам необходимо было бы, — в границах возможного, — установить и уточнить, есть ли вообще «советская» литература, есть ли «советская» эстетика, существует ли известное «единство» этой эстетики, не только в том смысле, что казенные критики такое единство декларируют, но и в том жизненном аспекте, который открыл бы нам действительную органическую связь между «декларациями» и тем, что делается в действительной жизненной сфере искусства.

Для сколько-нибудь исчерпывающего исследования в данной области нам не хватило бы и места на этих страницах, но и сама возможность такого исследования чрезвычайно стеснена условиями советской жизни вообще, «засекреченностью» множества элементов ее составляющих. Однако из всего вышесказанного мы можем все-таки сделать один немаловажный вывод: взаимоотношение, если не самой эстетики, то тех требований, которые во имя ее предъявляются, — с живым миром искусства имеет конфликтный характер: «требования» не выполняются. Требуемые «стонут» уже в течение четверти века, — «искусство и литература отстают». Жалобы не изменили даже ни своего характера, ни своего смысла; может быть только тон жалоб несколько смягчился после «ликвидации культа личности», и никто уже не называет писателей «политическими импотентами», а нашу поэзию «лягушечной поэзией».

И все-таки, некоторый, — хотя бы только исторически-ретроспективный, — взгляд на «формирование» того, что

²⁶) «Литературная газета» от 24 мая 1959 г.

называют «советской эстетикой» бросить можно, и будет это, вероятно, не совсем бесполезно.

«Эстетика социалистического реализма...» Что это за эстетика? И в каких отношениях состоит она с соцреализмом? Что и во что тут входит, и что что в себе «заключает»? Или, может быть, тут равноправный «марьяж» двух сущностей, приводящих к какой-то «предустановленной гармонии», хотя бы и только теоретической? Сколько-нибудь вразумительного ответа на эти вопросы в советской литературе мы и поныне не находим. Так, может быть, прошлое даст нам какие-то объяснения в этом смысле?

Создание радикально-новой культуры после Великой Октябрьской, — как мы все помним, — не удалось. «Пролеткульт» — «Пролетарская культура» была осуждена партией и весьма скоро. Между тем идея создания такой новой культуры (и не обязательно было, чтобы она для всех стала «обязательной») вполне соответствовала всему духу, всем прогнозам Карла Маркса. Пролетариат, взявши кормило правления в свои руки, должен был «преобразоваться» и преобразить, на первых порах, хотя бы ту культуру, которой он сам должен был питаться, и все остальные культурные формы, как «перевитки», потерявшие опору на исчезающий экономический «базис», естественно должны будут отмирать. Однако, как любезно сообщает нам Энциклопедический словарь (том 3-й, стр. 25) в пролеткульт затесались почему-то меньшевики и махист Богданов, и то как-то «нефактически», потому что «фактически» «Организации Пролеткульта... оказались в руках буржуазных элементов», которые, потеряв свой экономический базис, почему-то «не унывали»... И нужно было личное вмешательство Ленина, разъяснившего, что «Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества» (Подчеркнуто нами. — Б. К.). Так что культура должна развиваться эволюционным, а не революционным путем, чуть не предавшим ее в руки «буржуазных элементов». Ребус, который, конечно, нам вовсе не под силу разрешать; удовольствуемся простой констатацией того, что произошло.

Как всякую другую область культурного действия, эстетику пришлось, таким образом, «надвязывать» на прежнюю эстетику, созданную «под гнетом», но на какую именно? Шельма-эстетика и в прошлые времена не отличалась «слабостью» постоянства, и меняла свои симпатии «как перчат-

ки». Следовало, стало быть, «выбирать». В этом смысле была закинута удочка даже и «на Аристотеля», которого Ленин уважал в своих «Философских тетрадах». Однако наиболее подходящими образами и «предтечами» оказывались большей частью наши российские теоретики XIX века: Белинский, Добролюбов (умерший в возрасте 25 лет), Чернышевский и даже «нигилист» Писарев. Пальму первенства получил, кажется, Чернышевский; во-первых, потому, что Ленин весьма ценил его (несравненно больше, чем Аристотеля), а во-вторых, потому что Чернышевский единственный из всех «революционных демократов» написал законченную теоретическую работу об эстетике.

И вот она перед нами эта книжка: «Эстетические отношения искусства к действительности»²⁷⁾. Разбирать достоинства и недостатки этого произведения Чернышевского не входит здесь в нашу задачу. Несравненно «инструктивнее» для нашей темы те редакторские примечания, которые выражают мнение о книге сколько-то «компетентных» советских эстетиков, а также «Послесловие» Г. Соловьева.

Самое «положительное», что мы узнаем о работе Чернышевского из «Примечаний», это, повидимому, те условия страшной цензуры, в которых Чернышевскому приходилось работать. Он не мог в своей диссертации называть имен только Фейербаха, но и Гегеля и вынужден был критиковать гегелевскую эстетику по книге младогегельянца Фишера: «Эстетика, или наука прекрасного»²⁸⁾. В дальнейшем «Примечания» снимают целый ряд основных²⁹⁾ положений Чернышевского: примечание 5 опровергает деление Чернышевским прекрасного на два вида, примечание 9 — характер «отражения» в искусстве, примечание 11 констатирует неумение Чернышевского объяснить изменение эстетических понятий, примечание 13 признает неверным трактовку Чернышевским скульптуры, примечание 14 — музыки, и т. д.

«Послесловие» довольно конкретно отмечает недостатки работы Чернышевского, но совершенно «расплывается», хотя

²⁷⁾ Госиздат художественной литературы, Москва, 1955 г.

²⁸⁾ Кстати сказать, в этом, сравнительно недавнем издании (1955) почему-то упорствует неверное написание фамилии Фишера по-немецки, именно: Фишер, вместо правильного: Вишер, стр. 6, 8, 9 и др.

²⁹⁾ И по нашему мнению наиболее «оригинальных»; некоторые из них мы назвали бы не то что «неправильными», а скорее «неуместными».

и с большим пафосом, в восхвалении ее достоинств. Что же собственно остается ценного из эстетических взглядов Чернышевского? Может быть, его «реализм»? Но реализм этот таков, что с ним вполне смог солидаризироваться такой «идеалист», как Владимир Соловьев³⁰), — верно этот реализм мало имеет общего с материализмом.

Все наши недоумения, если они не получают «разъяснений», то, по крайней мере, окажутся вполне естественными, когда мы узнаем, что от жизни отстает в советской стране не только искусство и литература, но и сама эстетика. Об этом совсем недавно засвидетельствовал тот же М. Каган в той же своей статье: «К великому сожалению, — говорит он, — нашу эстетическую теорию движение это (тяга к эстетическому воспитанию, — Б. К.) застало врасплох»³¹). Но еще важнее для того вопроса, к уяснению которого мы только что пытались приступить, слова: «К сожалению марксистская теория эстетики еще не написана». Понятна тогда и вся трагедия «надвизывания» новой культуры на старую, которое требовало, конечно, и прежде всего, нахождения и ясного определения тех пунктов в истории эстетизма, к которым должно привязаться построение новой эстетики. Но без истории нет и настоящей теории, — тем более в марксизме, претендующем на «целостность» мировоззрения, — как нет и «капитального теоретического исследования о социализме» (см. стр. 11).

А эстетика социализма есть... Как же она может «быть», когда не исследовано ни то, ни другое? Всё может быть... т. е. всё можно «назвать» чем угодно. На самом деле «неисследованный» социализм и «неисследованная» эстетика его — не что иное, как «инструктаж» писателям. Партийная «мысль» твердо знает, чего бы она хотела от искусства и литературы, но не знает, что такое искусство и литература, — и знать не хочет. Это познание и рискованно и бесполезно: или окажется, что эти области творчества как раз и могут дать то, чего хочет от них партия, — но от них этого требуют и без познания; или выяснения, наоборот, что они этого дать не могут, — и тогда все исследование было бы пустой тратой времени, потому что «требовать» всё равно нужно!

³⁰) Ср., напр., у В. Зеньковского в его «Истории русской философии» — Часть I, стр. 339, 341. Париж, 1948. Вл. Соловьев. Сочинения, том IV.

³¹) М. Каган. Цитир. статья, стр. 128.

Если «основоположники» марксизма в дооктябрьский период не дали ни одного исчерпывающего исследования по эстетике, это и объективно вполне объяснимо: их было так мало, что они совершенно «терялись» не только среди масс, но и среди интеллигенции, а «работы» у них и без того было хоть отбавляй. Но, в результате захвата власти в нашей стране, марксизм получил неограниченные средства и возможности, а затем и многочисленные кадры специалистов во всех областях деятельности. И все же за эти сорок лет не появилось ни одного марксистского исследования, именно исследования, а не «декларации» по эстетике. Единственным исключением и тут является тот же Георг Лукач, но его исследование и в этой области отброшено, как «ревизионизм». Что же это за система, что это за доктрина, в которой всякое настоящее размышление, всякое действительное исследование превращается неизбежно в «ревизионизм»?

Для данного случая любопытен и «инструктивен», — хотя, на первый взгляд, и загадочен, — следующий «казус»: основным результатом исследований Лукача явилось его убеждение, что правда художественного произведения не зависит от мировоззрения и политических убеждений художника (писателя). Настоящий талант, действительно одаренный писатель всё равно даст правдивое изображение действительности, ибо не может его не дать, если хочет, чтобы его произведение было действительно художественным. Ложь и искажение несовместимы с настоящим искусством. Это утверждение Лукача было объявлено «ревизионизмом». Но, удивительное дело, советские искусствоведы и после этого продолжают говорить о том, что и Бальзак и Достоевский, вопреки своим реакционным взглядам, дали правдивую картину, — один — разлагающегося феодализма, другой — «организующегося, но тоже уже зараженного бактериями разложения российского капитализма». И это не почитается ревизионизмом. В чем же дело?

Дело обстоит фактически очень просто: партийные «руководители» и сами прекрасно знают (едва ли этого вообще кто-либо не знает), что литература представляет собою весьма ценную и правдивую «информацию о жизни», если эта литература действительно художественна и, в особенности, если она не стеснена — свободна. Поэтому Бальзак и Достоевский «надобны» партии в качестве свидетелей против прошлого, против «феодализма и капитализма». Но информация о жизни современной — жизни советской — пар-

тии не нужна, точнее не нужна ей «общедоступная» информация, приносимая литературой (для себя у них есть достаточная информация и помимо литературы). Поэтому недопустимы теперь ни писатели с «чуждым» мировоззрением, ни свобода для писателей-коммунистов (или почитающихся таковыми), ибо, независимо от своего мировоззрения, эти писатели дадут более или менее верную информацию о жизни, и дадут ее не только «кому следует», но и «кому не следует» — «нетвердо стоящим на ногах». Так и получается, что в теории (ибо теория распространяется на всю область искусства) от мировоззрения писателя зависит и правда его произведений, а на практике, — смотря по обстоятельствам: если выгодно, то зависит, невыгодно — так и не зависит³²⁾. К этому, практически, и сводится настоящая марксистская «теория искусства».

«Общее и целое» имеет свое отражение и в частностях. Поистине богатейшая проблематика, в указанной уже статье М. Кагана, дает нам и тут весьма характерные иллюстрации. Установив, что «наша эстетика сумела осмыслить . . . основной источник прекрасного и возвышенного» (подчеркн. у Каган, автор вспоминает и о других эстетических свойствах, как трагическое и комическое³³⁾, которые оказываются еще не осмысленными. М. Каган ссылается на статью Плучека в «Литературной газете» — «Героический век и сатира», где автор говорит так: «В общей форме как эстетическую категорию, сатиру признают все, но чуть дело доходит до конкретных произведений, возникает робость, и работаешь в полсилы, с оглядкой, и заползает в голову мысль: а правомерна ли вообще сатира в сегодняшнем искусстве?»³⁴⁾ Как видим, социалистическая эстетика не знает даже еще, правомерна ли сатира вообще. Должно быть колеблется в этом вопросе и партия! К сожалению, время упущено, — и Аристофан, Ювенал, Вольтер и Фонфизин успели-таки написать свои сатиры, не дожидаясь инструкций. Предстоят большие с ней хлопоты.

Под сомнение поставлена и трагедия, хотя материала для трагедий просто «шекспировское» обилие: вся история

³²⁾ Собственно, в этом же «тоне» звучат и заключительные слова «Послесловия» к указанной книге Чернышевского: «Недостатки ее (теории Чернышевского. — Б. К.) нам понятны, а сильные стороны мы используем в борьбе» (стр. 212).

³³⁾ Указанная статья в журн. «Октябрь», стр. 126.

³⁴⁾ Там же, стр. 129.

большевизма — сплошная трагедия, но такова же история и самой партии: Бухарин, Молотов, Зиновьев, Эйхе, Маленков³⁵) и т. д. и т. д. — сколько имен, столько могло бы быть написано «трагедий», — и вот нельзя! Казалось бы, что и принцип «оптимистической» трагедии, обнаруженной, как мы тут же узнаем, в советской эстетике, не мог бы помешать: ведь все эти трагедии партии вели, как нас уверяли, к очистке и сплоченности партии, к обеспечению создания коммунизма! И всё-таки нельзя. Видно в этих трагедиях жизни не хватает еще какого-то элемента, «необходимого» для «писанных» трагедий настоящего времени.

Не стало ли Вам несколько душно, дорогой читатель, в этой накаленной атмосфере судорожного выжимания нужных рецептов из еще не написанной «гуманности девяти муз», называемой эстетикой социалистического реализма? Не захотелось ли Вам выбраться на свежий воздух и спокойно подумать, хотя бы и о тех же самых вопросах, но в атмосфере душевного спокойствия и благодарных воспоминаний о том наслаждении, которое доставляли Вам истинные произведения искусства?

И тогда Вы, может быть, спросите себя: Нужна ли, в самом деле, эта наука, — эстетика, — и кому она нужна, для чего нужна?»

Мы также задавали себе этот вопрос и пытались ответить на него с соблюдением величайшей осторожности в формулировках, ибо здесь ошибка, предвзятость, увлечение, личные вкусы и множество других привходящих элементов могут сыграть скверную игру, чреватую трудно-изгладимыми заблуждениями. Нам казалось, что если далеко не исчерпывающим, но, во всяком случае, локально-верным ответом был бы следующий: очевидно, нужна, если столько мыслителей в течение столько веков к ней неизменно возвращались. Есть, видимо, некий «запрос» человеческого духа, который требует своего удовлетворения в данной области. Но, для избежания всякой двусмысленности и смешения понятий, запомним, что запрос этот, по преимуществу, — интеллектуальный. Это наш ум, наш разум (или рассудок), который

³⁵) Да, если хотите и Ленин, и даже сам Сталин... Разве вот Н. С. Хрущева можно из этого списка исключить, с ним-то уж верно ничего трагического произойти не может.

хочет найти соответствующие (адекватные) формулировки для явления, в первом своем воздействии на нас, остающегося неясным, логически «нечленораздельным», захватывающего нас целиком, без всякой дифференциации, без того, чтобы мы могли, хотя бы пробо, суммарно определить, на какую именно область, или на какой «фас» нашего существа действует произведение искусства? И далее: каковы те пути, по которым ее воздействие проникает в нас, каковы средства ее воздействия? И наконец: где же источники возникновения этой силы, каковы необходимые условия ее возникновения, каковы средства ее питания, каковы ее цели, если они у нее есть?

Именно таков нормальный порядок возникновения вопросов об искусстве у человека «пораженного» художественным произведением. Подобно тому как человек, в темноте упавший в яму, прежде всего ощупывает самого себя и удостоверяется, что у него сломано, а что цело; и только потом уже начинает изыскивать средства, чтобы выбраться из ямы, а после всего начинает интересоваться причинами своего падения.

Но если «запрос» в области научной эстетики — запрос интеллектуальный, значит ли это, что искусство, активность неинтеллектуальны (по крайней мере: преимущественно-неинтеллектуальны), — значит ли это, что самому искусству и его деятелям не нужна эстетика, как наука?

С достаточным основанием мы можем лишь утверждать, что искусству не нужна была предварительно теория, для того, чтобы оно могло явиться в жизни. Весьма замечательные произведения искусства были созданы прежде, чем явилась эстетическая теория. Исключительно убедительны в этом смысле рисунки «пещерного» человека, т. е. той эпохи, когда о собственно-интеллектуальной деятельности человека не может быть и речи. Многие из этих рисунков замечательны не только своей экспрессией, но и цельностью художественного замысла, единством выражения. Художник не является в них робким подражателем природы, без всякого выбора копирующим все детали: он дает единство образа, единство движения, часто с полным «выключением» всяких деталей. Это никак не копия, а творчество в самом чистом смысле этого понятия.

Но может быть это так было, но теперь есть иное? Может быть, современный художник не может уже обойтись без теории, ибо человек прошел известный путь раз-

вития и сам стал иным? Может быть! Но с уверенностью можно сказать, теория эстетики создать художника не может. Ее роль может состоять только в том, чтобы приготовить благоприятную атмосферу для вдохновения художника, если действительно люди (не все, конечно), в результате усложнившейся жизни и психики, в какой-то мере утратили дар спонтанного вдохновения. Но эту роль может восполнять не только теория искусства, и не столько она, сколько, например, общение между художниками, и, в особенности, знакомство, изучение великих произведений, искусства (и литературы, конечно). «Учиться нужно не на суждениях об искусстве, а на самом искусстве». Лучше этого Горький ничего не сказал.

Мы совершенно далеки от мысли, что эстетика, как наука, дело бесполезное и бездейственное³⁶⁾. Но уже того, что было выше сказано, достаточно, чтобы уяснить себе, не только чрезвычайную сложность теории искусства, но и не меньшую сложность взаимоотношений между теорией и творчеством. Важнейшая особенность этой области творчества — в ее исключительном своеобразии — специфичности. К ней чрезвычайно трудно и рискованно применять понятия и методы, полученные в других областях активности, в том числе и сам метод интеллектуального исследования. Здесь, как в микрофизических исследованиях, аппарат исследования может изменить, — и иногда до неузнаваемости, — сам предмет исследования. Чрезвычайно легко и незаметно для самого себя исследователь припишет искусству те свойства, которые характеризуют самого исследователя, и не как личности-субъекта-индивида, а как представителя силы интеллекта.

И все же, при соблюдении строжайшего контроля над самим средством познания, интеллектуальное познание искусства и интеллектуальная теория искусства, повидимому, возможны. Весь вопрос только в том, что нам это исследование и эта теория дадут, что они могут нам дать?

История философии, история рациональной мысли показывают, что чем более верны заключения интеллекта об искусстве, тем более они бедны. Нигде, может быть, эта своеобразная закономерность не обнаруживается так наглядно, как у итальянского философа Бенедетто Кроче, дав-

³⁶⁾ Еще далеки, конечно, требования ее «запретить».

шего, в сущности, самую оригинальную и наиболее точно ограниченную теорию эстетики.

Для Кроче, эстетический акт есть акт теоретический, акт познания. Но познание это не интеллектуальное, а интуитивное³⁷⁾. Кроче очень ясно демонстрирует нам, что именно понимает он под этими определениями (ибо интуиция в различных философских системах понимается по-разному):

«Интуиции суть следующие: эта река, это море, этот ручеек, этот стакан воды; а следующие суть понятия: вода, но не как то или это явление, не как частный случай, а вода вообще, когда бы и где бы она ни осуществлялась; вода есть материя (в смысле «материал». — Б. К.) для бесконечно многих интуиций, но только лишь для одного единственного и постоянного понятия»³⁸⁾.

Если мыслить это определение в терминологии самого Кроче, с ним трудно не согласиться. Интуитивность, не-интеллектуальность, не-концептивность эстетического акта и есть его коренное отличие. И когда говорят о «концептах» в искусстве, мыслятся свои особые «концепты» искусства, не имеющие ничего общего с интеллектуальными концептами-понятиями.

Далее Кроче утверждает, что в эстетическом акте невозможно отделить форму от содержания. При этом Кроче предостерегает от неправильного понимания «содержания» в искусстве: для него это — также не-интеллектуальное содержание, не то содержание, которое можно выразить в концептах, в общих понятиях. Это всегда конкретное и неповторимое, воспринимаемое художником непосредственно, в цельном и неподверженном расчленению впечатлении. И тогда естественно, что это впечатление, пока оно еще не вошло в эстетический акт, не может почитаться содержанием эстетическим, а как только оно вошло в этот акт, оно тотчас и принимает художественную форму, больше того: становится само художественной формой. В то же время, форма не существует a priori, она создается содержанием в том смысле, что она обладает теми же качествами, что и содер-

³⁷⁾ Напомним, что для Кроче, — спиритуальность, — вся деятельность духа, — распадается на две основные области: теоретическую и практическую. Теоретическая деятельность делится, в свою очередь, на эстетическую и интеллектуальную, а практическая — на экономическую и моральную (этическую).

³⁸⁾ ... Цитируем по немецкому переводу.

жание: конкретностью и неповторимостью, но она же и художественно трансформирует содержание, делает его и тем же, каким оно было до выступления в эстетический акт и в то же время совсем иным³⁹⁾.

Поэтому-то так неразрывны в искусстве форма и содержание. Поэтому-то так бессмысленны требования, которые мы предъявляли бы художнику о изменении содержания его произведения, или о «дополнении» этого «содержания». По существу мы требуем от художника *нового художественного произведения*, ибо он не может расчленять или «раздвигать» созданное им, чтобы туда еще что-то «вставить»: форма-содержание художественного акта имеют совершенно конкретное и окончательное *единство*, не могущее принять в себя «еще что-то», которое неизбежно будет и чуждым, и посторонним, и нарушающим уже готовое единство. Всякое изменение продукта искусства, приходящее извне, по меньшей мере уменьшает его художественную ценность. О примерах мы уже говорили выше. Непонятное профанам «упорство» художника есть его отчаянная защита художественной ценности его произведения.

Эстетический акт есть, таким образом, синтез содержания и формы. С этой позиции легче становится уяснить такие, например, явления (течения) в искусстве, как, скажем, «формализм» и «абстракционизм». Под формализм у нас подводят, к сожалению, что угодно, или, в другом смысле, всё «неудобное» и тем путают понятия. Путают художников и литераторов, «цепляются» к ним из-за «формализма» там, где его вовсе и нет. Формалисты, — говорят, — «оказывают предпочтительное внимание форме, в «ущерб» «содержанию»! Но какому содержанию? Если художник «предпочитает» *художественную* форму тому содержанию, которое послужило ему *материалом*, «*побуждением*» к художественному акту, то это явная бессмыслица: то «содержание» уже равно переработано, трансформировано в эстетическом акте. Его нельзя ни предпочитать, ни «умалять» в творчестве. Всё равно, что сказать, будто бы человек фильтрующий воду предпочитает «форму фильтрованной воды» «содержанию воды нефилтрованной». Вода для того ведь и фильтруется, чтобы стать фильтрованной; художественное произведение

³⁹⁾ Кроче остроумно сравнивает эстетический акт с пропусканием воды через фильтр: из фильтра вода выходит *тою-же*, что была и до вхождения в фильтр, и в то же время *инойю*.

для того и создается, чтобы получить художественный синтез формы и содержания. Формалистом в искусстве будет тот, кто попытается расчленил синтез, выделяя какой-то «излишек формы». Произведение станет тем менее художественным, чем большим будет этот излишек формы, не включившийся в синтез. Но антихудожественность явится и в том случае, если художник включит в свое произведение чуждые искусству элементы, в том числе нетрансформированное «содержание» — рассуждения, состоящие из общих понятий — интеллектуальных концептов. Многим не нравится, например, рассуждение Толстого о Наполеоне в романе «Война и мир». И не без основания ⁴⁰⁾.

Аналогичное недоразумение господствует и в отношении «абстрактного» искусства. Эстетическая трансформация восприятия, которая в своем синтезе сводит выражение к таким формам, в которых мы не улавливаем больше сходства с привычными обыденными предметами, еще не ущемляет эстетического акта по существу ⁴¹⁾. Но горе художнику, если он в эстетической форме попытается изображать абстрактные понятия, даже просто общие понятия, даже и всё другое, что не имеет свойств производить на нас непосредственное впечатление; здесь кончается всякая эстетика.

Когда Кроче полагает далее, что в эстетическом акте имеют место не один, а несколько видов синтеза, мы и тут «узнаем» правду художественного творчества. В самом деле, разве можно сомневаться, что художник осуществляет синтез восприятия и выражения? Синтез выражения и красоты? Мы не знаем, только, в каком порядке, в какой последовательности (или без всякой последовательности) осуществля-

⁴⁰⁾ Мы не склонны, однако, видеть в данном случае сколько-нибудь «брутальное» нарушение художественного синтеза. В силу великого художественного дара Толстого, концептуальные рассуждения в значительной мере «гибнут» под пером художника: в этом отрывке «Войны и мира», чувствуется и нечто рода поэтический «плач» о человечестве. Кстати, то же Кроче утверждает, что если в эстетическом акте отсутствует интеллектуальный момент, в интеллектуальном познании эстетический (интуитивный) момент никогда совершенно не исчезает.

⁴¹⁾ Иное дело, что, — по нашему мнению, — искусство этого направления еще не создало убедительно-художественных произведений. Но утверждать, что оно таковых никогда не создаст, мы не имеем оснований.

ются эти синтезы или этот «множественный» синтез. Это часто не знает и сам художник, поэтому Кроче называет художественный акт «алогичным». Мы не склонны принимать этот термин, ибо в художественном творчестве есть своя логика, но логика художественная, а не рациональная, и поэтому мы предпочитаем называть художественное творчество *иррациональным*. Не говорил ли Толстой, что герои его романов нередко «не повинуются» ему и хотят «делать» совсем не то, что он хотел бы им «предписать». Здесь, очевидно, «логика», которую Толстой хотел бы применить, оказывалась чересчур «рациональной» и художественный образ настаивал на своей художественной, иррациональной логике.

Эту иррациональность искусства, собственно, и не нужно «искать» с помощью весьма трудного и сложного анализа самого искусства. Она наглядно предстает перед нами в характере восприятия художественных произведений. В жизни мы нередко проходим мимо самого подлинного страдания и не бываем им «затронуты», оправдывая себя тем, что «нам некогда», что за помощью надо обратиться «куда следует», что мы и бессильны помочь... И суть тут не в том, что мы *делаем*, а насколько мы бываем действительно *затронуты*: мы ведь можем и выказать соучастие, и даже помочь, оставаясь в то же время внутренне незатронутыми. А вот в театре, или кино, мы плачем над заведомо *неподлинным*, в конце концов «*притворным*» страданием актеров. И мы совершенно достоверно знаем, что в действительности никто не страдает, а все-таки потрясаемся и плачем, льем самые подлинные слезы по поводу фикции. Где тут «здравый смысл», где наше «ratio»?

И все же рациональное обследование художественного акта, как мы видели, возможно и далеко не бесполезно. Мы, по крайней мере начинаем понимать, чего от искусства требовать можно, а чего нельзя. Всегда оправданы художественные требования к искусству, выявление художественных недостатков произведения. Даже и в том случае, если эти требования ошибочны, они не бесполезны, ибо, хотя бы и косвенно, способствуют выявлению истины: они ведь не останутся без ответа и, — в результате дискуссии, — ясность видения непременно восторжествует. Но для этого необходима, конечно, полная свобода слова — полная свобода критики.

Сухость и бедность концептуального определения искусства, конечно, не будут этим преодолены. Признавая пра-

вильность и верность анализа. Кроче, мы все же не перестанем ощущать, что в искусстве, в художественном акте есть много больше того, чем смог установить мыслитель, больше всего опасавшийся, — и в данном порядке анализа, тоже совершенно правильно, — приписать искусству то, чего в нем нет. Где бы ни помещалось всё то, чего не смог объять интеллектуальный анализ, в самом художнике или в некоей над-индивидуальной сфере, оно, очевидно, находится вне осознанной человеком области своего «я». Не осознанной, но владеющей сознанием, или может быть овладевающей им в известные моменты. Трудно допустить, чтобы Пушкин лишь для «красного словца» запечатлел:

«Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен.

Молчит его святая лира,
Душа вкушает сладкий сон
И среди детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он . . .

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепетается . . .»

или своего «Пророка», где «шестикрылый серафим» преобразил все органы восприятия пророка, а на место «вынужтого сердца» «утль, пылающий огнем, во прудь отверстую водвинул . . .»

И поразительно! Эти символы и аллегории сразу «звергали» нас в эстетический «акт». Они не только не оставляют места для ощущения бедности или ущербности искусства, а скорее наоборот: в нашем интеллектуальном малодушии мы склонны скорее подозревать, не «мистифицирует» ли нас поэт, не претендует ли он на большее того, чем в действительности богат художественный акт? И если интеллектуальный анализ дан был нам скорее как «предостережение» против концептуальных заблуждений в отношении искусства, то слова поэта в самом деле «жгут наши сердца», предъявляют нам всю глубину таинственности и всю силу воздействия художественного творчества. И беда, если к этим алле-

гориям мы попытаемся применить концептуальный анализ: они исчезнут бесследно, но с ними исчезнет и искусство, и бесполезно будет ставить на его место какие бы то ни было инструктивные «методы». Тогда мы снова «точимые в пустыне...»

Да не будет! Пусть жжет! Жжет ведь он не только сердца «других» людей, но и свое собственное, «пылающее огнем». Да и для чего бы жечь «чужие» сердца, если бы ювое оставалось холодным? Скорее можно свое сжечь, а к остальным оставаться безразличным... Но, можно ли? Кроме и к этому вопросу подошел, — настолько близко, насколько ему позволяли его спиритуализм⁴²⁾ и интеллектуальность его анализа: так как всякому человеку свойственна интуиция, говорит он, а за интуицией неизбежно и немедленно следует выражение, то и нет принципиальной разницы между художником и не-художником. Всё дело в силе выражения: у одних она велика и ярка, у большинства бледна и мала и не может произвести эстетического воздействия на других.

Мы предпочитаем поставить вопрос по-иному, ибо это поможет нам одновременно добыть некоторую ясность в отношении весьма ныне «популярной» у нас проблемы:

Социально ли искусство, или «сплошь» индивидуально?

И ответ наш будет, — может быть, и «неожиданно», — прост: искусство социально именно постольку, поскольку социален и сам человек⁴³⁾. Социальное начало также заключено в человеческой личности, как и начало индивидуальное, и иного «помещения» мы для него подыскать не можем.

⁴²⁾ Отграничивая себя от спиритуализма, как системы, мы отнюдь не собираемся оспаривать духовность эстетического акта. Та истина, что этот акт духовен, отнюдь не принуждает отрицать реальность материального. В этом смысле наше мировоззрение ничем не отличается от христианского, ни от целого ряда не-материалистических систем философии, прежде всего от идеализма Лосского, признающего полную реальность материального мира, ни даже от марксизма, хотели бы мы сказать, если бы двусмысленное определение материи Лениным не сделало эту область совершенно непригодной.

⁴³⁾ Подразумевая тут искусство, как жизненную категорию. Художественное творчество, наоборот, — индивидуально, даже и в «коллективных» произведениях, которые, кстати сказать, и чрезвычайно редки.

Если в коллективе мы обнаруживаем что-то своеобразное именно коллективу, а не «одиночке», то все же это синтез «индивидуальных социальностей» — мало, может быть, удобоваримое выражение, но заменить его нечем. — Пусть исчезнет это социальное начало в отдельных личностях и никакого коллективного синтеза мы уже не создадим, — не из чего будет создать. Вавилонское столпотворение и является нам картину такой взаимоизоляции личностей, принужденных «разойтись во все стороны».

Можно сказать и больше: человек не мог бы оставаться человеком, в том смысле, как мы его понимаем, без общения с себе подобными. Специфическим человеческим качеством его негде было бы и осуществиться. Можно ли быть добрым или злым, великодушным или жестоким в полном одиночестве? Этих качеств бы и вовсе не было тогда. Человеку социальное начало не только присуще, но еще и «необходимо присуще» — редкий, может быть, случай, где необходимость осуществилась в сущем, как о том «мечтал» Кант. Противоречивости индивидуального и социального создаются искусственно, но солидарность, как категория, никогда не исчезала совсем, — иначе люди не создали бы ничего того, что они создали. Предельно возможная полная солидарность вернется не в результате той или иной извне воздействующей системы, а тогда, когда люди вернутся к верному пониманию самих себя.

Категории этого понимания также чрезвычайно несложны: личности придется не только теоретически усвоить, но и жизненно освоить ту истину, что общество ей жизненно необходимо. Обществу придется вспомнить и неизменно считаться с той истиной, что в личности — источник его собственного бытия, что угнетая личность (какую бы то ни было), оно, в некотором смысле, рубит сук, на котором сидит. В личности общество должно «узнать себя».

Художественное творчество — одна из областей (и, может быть, одна из важнейших), где истина этого лично-общественного начала обнаруживается чрезвычайно ярко и убедительно. И в свете этой истины новым смыслом пополнится сказанное Пушкиным и повторенное Каверинным: «Я вижу литературу, в которой критика разбирает произведения с позиций автора... по законам, им самим над собой признанным». Тут нет никакой «мистификации», никакого «преувеличения»: произведение творил его автор; вот и

стань, поскольку можешь, на позицию автора и посмотри, что он хотел создать, и что у него вышло. И тогда ты скажешь свое впечатление об успехе или неуспехе автора.

Сделать же это можно только при том условии, если критик так же ценит личность автора, как и свою собственную. Тогда только и возможна эта воображаемая временная замена, если не одноценной, то одинаково-ценной личности критиком.

И тогда только мы вновь увидим Аполлона на том месте, где ему надлежит быть.

«Настоящая русская литература по приказу направлений не меняет. Со времени Радищевых и Белинских она служила только ПРАВДЕ... В правде, которой не за страх, а за совесть служит литература Белинского, должны присутствовать вместе ИСТИНА И СПРАВЕДЛИВОСТЬ. Их нет у торжествующего большевизма».

В. Короленко (из статьи в газете «Дело народа» от 5.12.1917 г.)

«Вражда между людьми не есть явление нормальное — лучшие наши чувства, величайшие наши идеи направлены именно к уничтожению в мире социальной вражды. Эти лучшие чувства и мысли я бы назвал «социальным идеализмом», именно его сила позволит нам преодолевать мерзости жизни и неустанно, упрямо стремиться к справедливости, красоте жизни, к свободе. На этом пути мы создали героев, великомучеников ради свободы, красивейших людей земли, и все прекрасное, что есть в нас, воспитано этим стремлением».

Наиболее успешно и могуче будит в нашей душе ее добрые начала сила искусства. Как наука является разумом мира, так искусство — сердце его».

М. Горький. «Несвоевременные мысли». 1918.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Экономика свободного мира в 1959 году

Пресса свободного мира освещает первые результаты работы народного хозяйства за 1959 год. Если коммунистическая пропаганда поворит, что прошлый год был рекордным годом в экономике коммунистических стран, то общая и, особенно, специальная пресса свободного мира также указывает, что этот год был рекордным и для стран свободного мира. Пессимистические голоса являются сравнительно редкостью и тонут в общем оптимизме, который часто принимает самые крайние формы. Однако каковы бы ни были мнения отдельных государственных деятелей, работников народного хозяйства или представителей науки, мы имеем достаточно данных, чтобы судить об экономике свободных стран в 1959 году с достаточной долей беспристрастности. Далее, в нашем распоряжении имеются такие, внушающие доверие, документы, как отчет ООН (в частности отчет, изданный Центром Информации ООН в Париже в конце 1959 года). Мы и возьмем этот отчет, как основу нашего изложения, дополнив его только новейшими данными.

Отчет ООН считает, что 1959 год был годом значительного подъема в области народного хозяйства и что этой общей картины не могли изменить два таких важных явления, как забастовка сталелитейной промышленности в США и сокращение добычи угля в большинстве стран свободного мира. Далее, отчет отмечает, что рост промышленного производства в 1959 году носил весьма уравновешенный характер. Он шел за счет более или менее равномерного развития всех отраслей. При этом, если значительно выросло производство ряда новых отраслей, как-то: выработка искусственных тканей, пластмасс и т. д. — не считая ряда других химических продуктов, — то одновременно возросла продукция и таких старых «классических» отраслей, как текстиль, кожевенные изделия всех типов, пищевая промышленность и т. д. Далее, увеличение шло как за счет роста тяжелой, так и легкой промышленности.

Изменение индекса промышленного производства в 1959 году было

следующим (по данным экономического приложения газеты «Нью Йорк Геральд Трибьюн» за январь 1960 года. При этом 1953 г. = 100).

	1938 г.	1958 г.	Ноябрь 59 г.
Бельгия	72	115	121
Франция	72	151	179
Германия	77	151	185
Италия	63	126	152(окт.)
Великобритания	72	114	131

Что касается США, то там мы имеем следующий индекс производства (данные взяты также из приложения уже упомянутой газеты, причем среднегодовая взята за 1947—49):

Декабрь 1957 г.	Декабрь 1958	Декабрь 1959 г.
135	142	165

Скачок промышленности в декабре, имеющий место в большинстве стран, в частности в США, довольно необычен. В это время, как правило, в сильной степени замедляются строительные работы и индекс промышленного производства идет вниз. В 1959 году этого не случилось почти нигде. В частности, в США после забастовки снова полным ходом заработала сталелитейная промышленность и, поскольку все запасы стали давно уже распроданы, темпы работы этой отрасли особенно интенсивны.

Тут весьма кстати напомнить о выступлении Хрущева 14 января перед Верховным советом СССР. В своем докладе, в числе прочего, он сказал, что темпы развития промышленности в США значительно медленнее, чем в СССР. Это верно в одном отношении — в процентном отношении советская промышленность развивается быстрее, но Хрущев не дал подробного анализа истинного положения вещей. Коснемся только двух примеров — выплавки стали и выработки электроэнергии.

В 1959 году в США всего было выплавлено 93,3 млн. тонн стали. Говоря более подробно, мы должны сказать, что за первое полугодие было выплавлено 65 млн. тонн, т. е. немногим больше, чем в СССР за весь 1959 год. Затем цифры выплавки естественно пошли вниз, так как началась знаменитая забастовка, которая продолжалась 116 дней. Однако, в 1960 году предвидится за первое полугодие выплавка стали до 70 млн. тонн, а за весь год — до 150 млн. тонн. Т. е., в 1960 году США дадут на рынок на 50% и, возможно, более продукции. Есте-

венно, что СССР в этом году не только не приблизится к американским результатам, но, наоборот, от них отстанет. Кстати, мощность американской промышленности в данный момент считается почти равной 150 млн. тонн стали в год; при этом в 1960 году ожидается введение в строй новых мощностей. Иными словами, СССР никак не может превзойти половину того, что дадут в смысле выплавки стали США.

Другой пример — электроэнергия. Хрущев совершенно прав, что в процентном отношении промышленная продукция, в частности, выработка электроэнергии в СССР растет сильнее, чем в США. Однако, если взять абсолютные цифры выработки, то оказывается, что Советский Союз постепенно отстает всё больше от США. Это относится к целому ряду отраслей; что касается электроэнергии, то мы имеем следующие данные (Для США — «Статистикэл Абстракт» и сводки «Нью Йорк Геральд Трибюн», для СССР — «Народное хозяйство СССР», изд. 1959 г. и сообщения ЦСУ):

	1949 г.	1954 г.	1958 г.	1959 г. (первое полугодие)
	(в миллиардах киловатт-часов)			
США	345,0	545,0	724,0	382,7
СССР	77,5	147,0	232,8	126,0
Разница				
в пользу США	267,5	398,0	491,2	256,7

Вполне ясно, почему Хрущев или кто-либо иной из коммунистического мира никогда не приведет абсолютных цифр, ибо эти цифры явились бы лучшей антикоммунистической пропагандой.

Кроме того, можно сказать еще следующее. Успехи советского правительства вполне реальны по достижению высоких показателей в тех или иных отдельных отраслях. Однако, если взять всю промышленность в целом, то окажется, что в отношении большинства производств получается сильное отставание. Ясно, что советская власть хранит полное молчание по поводу работы большинства отраслей. А между тем, производство всей промышленности в целом, а никак не некоторых избранных отраслей, характеризует полноценность и органичность промышленного развития.

Приведем данные о выплавке стали за 1959 год (эти данные нами взяты из газеты «Нее Цюрхер Цейтунг», они составлены на основании официальных статистических данных, опубликованных в разных странах официальными статистическими управлениями, для СССР — сообщения ЦСУ).

	1958 г.	1959 г.
	<i>в миллионах тонн</i>	
Франция	14,6	15,21
ГФР	29,0	30,9
Англия	21,9	20,5
Италия	6,27	6,75
Бельгия	6,0	6,43
Япония	13,36	17,65
США	85,0	93,3
СССР	54,9	59,9

Приведем теперь некоторые частные случаи:

Общий оборот германской промышленности изменился на протяжении ряда лет следующим образом:

1953 г.	1955 г.	1958 г.	Октябрь 59 г.	Ноябрь 59 г.
<i>Среднемесячная в миллионах марок</i>				
10.513,5	13.875,9	17.082,6	20.780,4	21.325,7

В частности, значительное увеличение производства промышленности мы видим в Западном Берлине. В 1959 году берлинская промышленность дала выработки на 8,1 млрд. марок, против 7,1 млрд. в 1958 году и 3,6 млрд. в 1953 году. Число безработных, кстати, составляло в декабре 1959 года всего 12.000 человек, т.е. всего 3,9% всей «армии труда», против 6,4% за год до этого.

На этом общем горизонте достижений, довольно неприятным сюрпризом оказалось отставание угольной промышленности. В большинстве стран свободного мира общее потребление энергии росло, но тем не менее, угольная промышленность всё время испытывала большие затруднения в сбыте и у всех шахт выросли большие горы непроданного угля. Это явление связано с тем, что в общем энергетическом балансе страны доля угля падает и вместе с тем сильно возрастает доля нефти. В частности, если сравнить энергетический баланс США и СССР, то сразу бросается в глаза, что баланс Советского Союза приблизительно таков, каков был баланс США 20—30 лет тому назад. Очевидно передовая социалистическая промышленность не всегда может равняться по промышленности «запнявающего» капитализма.

Считается возможным, что при дальнейшем росте промышленности в 1960 году потребление угля может несколько увеличиться,

но тем не менее, в этой области мы видим не временный кризис, не преходящее явление, но более глубокие структурные изменения. Если отбросить обыкновенное зубоскальство советской печати по поводу понижения добычи угля в ряде стран, а посмотреть на этот вопрос более серьезно, то мы оказываемся перед сложной проблемой, окончательное решение которой еще впереди и не пройдет совершенно безболезненно.

Приведем данные о добыче угля в ряде стран.

	1958 г.	1959 г.
	<i>в миллионах тонн</i>	
Франция	57,7	57,5
Германия	132,58	125,29
Англия	216,0	206,0
Бельгия	27,1	22,8
Саарская область	16,4	22,4

Отметим интересный случай Франции. В Северной Африке обнаружены богатые месторождения нефти. Так, в 1957 году там добывалось в среднем всего 22 тыс. тонн в месяц, в 1958 году — уже 108 тыс. тонн, в сентябре 1959 года — 160 тыс. тонн, в ноябре было добыто уже 321 тыс. тонн. В 1962 году добыча нефти должна возрасти до 18—20 млн. тонн. Кроме того, во Франции открыты богатейшие запасы естественного газа, так что через два-три года до 80% всей французской потребности в энергии будет покрываться только за счет главного месторождения газа — Лак.

Далее, значительный рост имел место в других отраслях. Например, показательна автомобильная промышленность.

Производство автомобилей за 1959 год было следующим:

	1958 г.	1959 г.
	<i>в тысячах штук</i>	
США	4.895	6.407
Германия	1.495	1.720
Франция	1.128	1.283
Англия	1.364	1.476 (11 месяцев)
СССР	511	495

При этом надо отметить одно явление: европейские машины все больше вывозятся в США. Так в 1955 году в США было отправлено всего 57.000 машин, в 1958 году — 432.000, а за первые 8 месяцев

1959 года — 446.981. Из этого последнего количества падало на отдельные страны следующие количества:

Великобритания	148.500
Германия	132.000
Франция	111.500
Италия	34.250
Швеция	16.000

Отметим, между прочим, что на первом месте в Европе по производству автомобилей оказался завод «Фольксвагенверк», произведший 704 тыс. машин всех типов, против 550 тыс. в 1958 году. Французский крупнейший завод (государственный) — Рено дал в 1959 году 515.119 машин, против 430.736 в 1958 году.

Еще нет данных о работе многих других отраслей промышленности в 1959 году. Но в частности известно, что во всех странах судостроение остановилось на уровне 1958 года. Так в Германии в 1959 году было спущено на воду 1.210.000 тонн, против 1.216.000 тонн в 1958 году и 503.500 тонн в 1953 году. При этом крупнейшая верфь Германии — Ховальд-Верф — одна построила 396.400 тонн торговых судов.

В числе прочего отметим размеры торгового флота в 1959 году (в июле месяце). Эти данные нами взяты из сводки известного источника «Ллойд Рижидстер» (Англия). Всего в мире было 36.221 судов водоизмещением больше 100 тонн. Общий тоннаж распределялся следующим образом:

Мировой тоннаж	124,94 млн. тонн
США	25,29 „ „
Англия	20,76 „ „
Либерия	11,94 „ „
Норвегия	10,44 „ „
Япония	6,28 „ „
Италия	5,12 „ „
Голландия	4,74 „ „
Панама	4,58 „ „
Франция	4,54 „ „
Германия	4,54 „ „
СССР	3,16 „ „
Китай	0,62 „ „
Польша	0,53 „ „

Тоннаж почти всех торговых флотов за год испытал сильное увеличение, в частности — флота стран социализма.

Далее все источники отмечают, что в 1959 году хорошим было положение текстильной промышленности. Значительное увеличение производства мы видим в Голландии, Финляндии и Франции; однако в более слабой степени текстильное производство возросло почти во всех странах. В частности, увеличилась выработка текстиля в ГФР, причем это увеличение было результатом усиленного спроса как внутри страны, так и за границей.

Значительно выросла продукция разного рода товаров широкого потребления. В частности, в ГФР за 1959 год было зарегистрировано 1.245.000 новых телевизоров и таким образом их общее число дошло к концу года до 3.375.003 штук. С другой стороны, в 1959 году трудящиеся всех категорий приобрели 430.000 автомобилей, в связи с чем общий парк машин получателей зарплат увеличился до 1,6 миллиона. Кроме того, в 1959 году значительно увеличилось в ГФР квартирное строительство, в связи с чем было сдано в эксплуатацию до 560 тыс. квартир, в которых поместилось почти 2 миллиона человек. Также значительно было жилищное строительство в США, где кончается постройка более миллиона квартир в год (1957 г. — 1.004 тыс., в 1959 — почти 1,3 миллиона).

Что касается сельского хозяйства, то следует отметить сильный рост сбора зерновых в Западной Европе. Зато производство товаров животноводства не увеличилось, ибо прошлый год был сравнительно сухим и скот не всегда имел летом полноценный корм.

Переходя к области международной торговли, надо отметить ее рост. В частности, торговый баланс Франции, бывший в продолжении значительного времени неблагоприятным, стал положительным. В связи с положением международных экономических связей произошло известное перераспределение запасов золота и иностранных девилов. Так, за год — с июня 1958 по июнь 1959 года — запасы золота и девилов в Западной Европе возросли на 2.794 миллиона долларов и достигли 19.123 млн. В то же время платежный баланс США имел дефицит почти в 4 миллиарда долларов. Положение платежного баланса уже занимает американских экономистов, хотя США еще имеют почти 20 млрд. золотого запаса и положение не является очень тяжелым.

В частности, отметим явное улучшение платежного баланса во Франции после прихода к власти генерала де Голля. Так, в декабре 1958 года запасы золота и девилов составляли 1.049,6 млн. долларов, в то время как ровно через год — в декабре 1959 года эти запасы возросли до 1.719,8 миллионов. Кроме того, Франция за год заплатила

долгов на сумму в 1.008,6 млн. долларов. Также улучшилось положение платежного баланса Англии.

Переходя к рынку труда, надо отметить всё более обостряющийся недостаток рабочей силы. В ряде стран имеются какие-то количества, очень небольшие, безработных, но рядом с этим существует большое число незанятых мест. Однако, эти безработные не могут, как правило, быть помещены на имеющиеся свободные места, так как промышленности требуются специалисты, в то время, как безработные в своем большинстве состоят из людей без особой квалификации, старых, больных и т. д. Например, в ГФР в декабре 1959 года всего было 443.200 безработных и 240.600 незанятых мест. Однако летом — в июне-июле незанятых мест было больше, чем безработных. Иными словами, недостаток рабочих рук был явно продемонстрирован статистикой. В декабре безработных имелось больше, чем летом, но с другой стороны — меньше, чем в декабре всех предыдущих лет, и это увеличение носит чисто сезонный характер.

В различные периоды после войны армия труда и безработные в Западной Германии исчислялись следующим образом:

	<i>Все трудящиеся</i>	<i>В том числе в промышленности</i>	<i>Безработные</i>
Ноябрь 1959 г.	20.135.000	7.601.100	230.600
Средняя в 1956 г.	18.055.000	6.991.000	761.000
Средняя в 1953 г.	15.583.000	5.751.000	1.256.000

Более значительна безработица в США, но и она ниже, чем была зимой в предыдущие годы. В декабре 1959 года в США всего было 3.577.000 безработных при 65.699.00 работающих. Число безработных особенно не превышает в 1959 году число, имевшееся в самые благоприятные годы войны. Если же, например, взять 1938 год, когда еще только изживалась знаменитая депрессия тридцатых годов, то на 44,2 миллиона работающих было 10,39 миллиона безработных. При этом надо сказать, что значительная часть американских безработных — люди сравнительно не долго сидящие на пособии по безработице и меняющие работу, предпочитающие какое-то время вообще не работать и т. д. Считается, что цифра в 3 миллиона является несжимаемым числом, ниже которого пойти не удастся даже при максимальной занятости.

В ГФР уже работают иностранцы, а в 1960 году предполагается их привезти еще 100.000 человек. Однако основная трудность заключается в том, что подавляющее большинство иностранцев, имеющих какую-либо квалификацию, уже работает у себя на родине. Поэтому единственным способом как-то бороться с недостатком рабочих рук

является усиленная автоматизация. Во Франции, где безработица почти равна нулю, недостаток рабочих рук исключительный, а проведение ряда новых капиталовложений потребует добавочной рабочей силы; поэтому автоматизация считается единственным способом выйти из тупика. В свете этих фактов все слова Хрущева и ему подобных о безработице в «странах капитализма» — просто слова, которые не стоят того, чтобы их вообще опровергали.

Отметим в числе прочего, что сам так называемый капиталистический строй в настоящее время не имеет ничего общего с хищническим капитализмом прошлого века, который был описан Марксом. Положение трудящегося человека настолько улучшилось, а доля заработных плат в общем национальном доходе всех передовых стран настолько возросла, что у современных экономистов даже встал вопрос о замене устаревшего термина «капитализм» другим. Так, в США в ходу термин «народный капитализм», в ГФР — «Социальное рыночное хозяйство». Поэтому, тенденция коммунистов валишь в одну кучу современный порядок вещей и действительно крайне неудовлетворительный строй сто лет тому назад, является не чем иным, как крайним примитивизмом и просто демагогией.

В заключение скажем, что отчет ООН, как и ряд других документов, считает идущий подъем явлением, которое будет продолжаться и в следующем 1960 году. Сбыт товаров широкого потребления во всех странах свободной мира носит репульсанный характер и тут едва ли можно ожидать сурпризов. В частности, в США даже запасы непроданных товаров сокращаются, а кроме того, как в США, так и особенно в Англии и Франции, идут большие капиталовложения, что обеспечивает промышленность заказами на длительный срок. Во всяком случае, считается, что в ближайшем будущем никакой депрессии не предвидится и что имевший место подъем в 1959 году до известной степени стабилизировался. Это не означает, что отдельные отрасли не могут испытать понижение продукции, но общие перспективы считаются благоприятными.

Л. Зальцберг

Трагедия извечного вопроса

Настоящая книга — не первая работа Эмиля Ридо. Им было написано несколько книг об Анри Бергсоне и ряд литературно-критических исследований (о Поле Валери, Франсуа Мориаке). Для Ридо характерен интерес к христианству, которому он посвятил много своих работ.

Emile Rideau. „Paganisme ou Christianisme. Etude sur l'athéisme moderne“. Paris, 1954.

Вопрос о Боге, Его принятие или отвержение — извечный вопрос человеческого духа, извечная тема мировой культуры. Ридо даже заявляет, что «нет более центральной оси, более значительной темы, чем религиозная проблема, в которой язычники и христиане разделяются по признаку веры в Бога Живого или Его отклонение». Но, несмотря на вечность этой проблемы, Ридо склонен утверждать, что именно в наше время этот вопрос приобрел необычайную, небывалую еще остроту. Анализу духовного мира современности, расколотого на два религиозных лагеря (ибо и атеистический лагерь не просто анергийно, а, по существу, псевдорелигиозен) и составляет предмет рассматриваемой книги.

Свой анализ Ридо проводит на фоне творчества мыслителей и писателей нашего времени, делая известный экскурс в историческое прошлое. Таким образом, он не затрагивает всего комплекса культуры, а ограничивается, в основном, областью философии и литературы. Второе его ограничение — национальное. Он больше всего пишет о французах, довольно много говорит о немцах и этим, по существу, ограничивается. Думается, что в этом состоит один из недостатков книги. Ридо, например, мельком упоминает Достоевского, даже отдает ему должное в смысле того значения, которое он приобрел в духовной диалектике современности, но этой констатацией он, к сожалению, и ограничивается.

Термин «язычество», вместо более принятого сегодня «атеизма» Ридо употребляет, думается, сознательно. Неверующий лагерь для него именно лагерь идолопоклоннический, подменяющий Верховную ценность ценностями вторичными или даже псевдоценностями. Книга Ридо — вовсе не апология христианства или пневная филиппика против язычества. Нет, не скрывая своих религиозных убеждений, своей верности католическому вероучению, Ридо не скрывает и своей любви к язычникам; он и не стесняется пользоваться и индусскими книгами*). У Ридо есть своего рода восхищение перед многими представителями языческого миропонимания. Многое подлинное в них (в каком-то смысле и подлинно религиозное) ближе ему, чем тепло-прохладность иных христиан. Но вместе с тем в строках Ридо чувствуется своеобразная жалость к тем, кто по той или иной причине отверг высшую радость, высшее осуществление самого себя.

Ридо не осуждает и не презирает. Язычники для него «тоже от христианства» и лишь в христианстве и через христианство понимаемы. Это как бы не два разных явления, а две половины одного и

*) «Индексная книга», — книга, состоящая на индексе, т. е. составляющая в списке тех книг, которые Ватикан запрещает читать верующим католикам.

того же феномена. У язычников есть своя положительная роль в истории. Они, по Ридо, в частности, «способствуют «приходу христиан к самим себе». Ридо признается, что, работая над книгой, ему порой бывало трудно занести того или иного человека в лагерь язычества — столько благородства и душевной чистоты видел он в данном образе, столько чувствовал в нем мучительность доисков «неизвестного Бога», столь близкими к христианству казались ему многие их порывы.

Ридо волнует вопрос диалога между христианами и язычниками, он чувствует ответственность христиан за язычников и прекращение этого диалога, по его мнению, «свидетельствовало бы об умирании Церкви.

Язычество Ридо понимает очень широко, а христианство, наоборот, сознательно сужает. Его не удовлетворяет «официальное» причисление себя тем или иным писателем или мыслителем к христианству. Ему не достаточно философского признания Бога. Христианство для него это, прежде всего, признание Бога Живого, мало похожего на Абсолют философов. Убежденность в трансцендентном бытии Высшего Разума еще не есть для Ридо вера, которой определяется христианство. Бог, действующий в мире, Бог, с которым, несмотря на бесконечное Его вышестояние, можно иметь конкретное и живое общение — такова одна из аксиом религиозного переживания христианства. Поэтому, например, многое исходящее из протестантской богословской традиции Ридо зачисляет в лагерь язычества.

Начинает Ридо с философского язычества, с язычества от рационализма. Тут он анализирует мировоззрение Декарта, Канта, Гегеля и Брюнсвига. Подбор имен довольно характерен. Ридо вовсе не выискивал имен философов, открыто порвавших с религией. Наоборот, он взял тех, кто сам зачислял себя в христианский лагерь, но, по существу, ушел от христианства.

Для Декарта бытие Божие — логическая конструкция. Бог для него, в конце концов, подчинен человеческому, в пределе — его, декартовскому, разуму.

Кант пытался оградить религию от необоснованных атак с философских позиций, показывая некомпетентность философии в этой области. Но он не чувствовал тайны и истории. Бог для него — «постулат», а Христос — «символ» и модель идеального человека.

Для Гегеля философия — высшая форма религии. Он не понимал, что живое религиозное чувство задыхается в его панлогизме, он органически не чувствовал извечной правды гегелевского положения о том, что мир не делится на разум без остатка.

Леон Брюсвиг — мыслитель несколько иного калибра. То, что Ридо на нем остановился можно объяснить тем, что этот, не так давно скончавшийся (1869—1944) философ, являющийся одним из последних

могикан идеализма, оставил немалый след в современной французской школьной философии. Но может быть Ридо уделил ему место за фразу, сказанную им за год до смерти:

«Вот уже скоро пройдет двадцать веков, как Бог плакал, а потом исчез: не время ли ему вернуться?»

Эту религиозную тему Ридо находит у многих.

Другой стиль язычества, на котором останавливается Ридо — это «социальное» язычество. Тут он дает анализ мировоззрения Маркса, Прудона и Канта.

На Марксе мы специально останавливаться не будем. Характер его атеизма достаточно известен читателям «Наших дней». Отметим лишь типичные для этой линии атеизма антиклерикализм и ожоженность религии с опсталостью и консерватизмом, а также псевдорелигиозный пафос, в каком-то смысле религиозную, но направленную против религии, страстность.

Гораздо человечнее и ближе нам образ Прудона. Нас сближают с Прудоном, прежде всего, его персоналистические установки, его федералистическая концепция (вовсе не сводимая, кстати, к федерализму национальному), его подлинный гуманизм, а в экономической области — идея кооперации. Близок он нам и по темпераменту, темпераменту революционера и реформатора.

Засуренность некоторых формулировок, например, «Бог — это зло» результат страстности и недомыслия. Бога Прудон отрицал особенно, того, которого он понимал как покровителя буржуазии. Всё это не мешает, при внимательном изучении его литературного наследства, констатировать его тоску по подлинной религии.

Если Прудон обожествлял идею социальной справедливости, то О г ю с т К о н т был одержим идеей порядка, одним из вариантов того «всечеловеческого муравейника», против которого так страстно восставал Достоевский и в котором нет места ни для Бога, ни, по существу, для человека. Однако впоследствии Конт разочаровался в своей системе и приблизился к мистике.

Самое большое место в книге Ридо занимает третья, наиболее современная и в нынешнее время, во всяком случае для Запада, наиболее актуальная линия язычества; та, которую можно было бы назвать экзистенциалистической. Здесь автор приводит длинный ряд анализов и зарисовок, на которых мы можем лишь очень поверхностно остановиться.

Этот цикл Ридо начинает с Ницше. Его человекобожество, идея «сверхчеловеска» — это тоска по совершенству, горечь за остро переживаемое историческое опшление христианства, неутоленная религиозная жажда, духовная прагедия, окончившаяся сумасшествием.

Немецкого философа Карла Ясперса обычно относят к хри-

стианским экзистенциалистам. Однако, по указанным уже выше причинам, Ридо отказывается в этом Ясперсу. В его запредельном Боге, до которого не долетает отчаянный крик человеческой души, нет, по мнению Ридо, ничего христианского. Но Ясперс всё же видит смысл жизни в поисках надежды в безнадежности, в погоне за осколками подлинности в мире лжи и пустоты.

Мартин Гейдеггер, хотя и вышел из католицизма, но ушел от него чрезвычайно далеко. Гейдеггер не отрицает Бога, но Его просто не чувствуется за сложным философским и филологическим аппаратом мыслителя. Гейдеггер тратит все свои силы на понимание мира, «вечно чужого», и как бы не доходит до Бога.

Жан Поль Сартр, пожалуй, самый последовательный из нехристианских экзистенциалистов. Для него характерны пафос абсурда и готовность принять бессмысленность жизни. Его предельно мрачное мировоззрение преисполнено тошноты от отвратительности сущего. Но за этим беспробудным мраком есть какое-то иррациональное мерцание, ибо, если по-сартровски всё отрицать, чтобы к чему-то прийти, то все же нужно на что-то надеяться. Какой-то проблеск надежды есть и в его гордом мужестве прожить жизнь до конца.

Трагическим же мировоззрением отличается и Поль Валери. Весьма, например, характерно, что он, будучи замечательным поэтом, отрицал ценность и значение слова. Он восставал против всех форм косности и с не меньшей мукой и страстностью, чем Бердяев, переживал проблему объективизации. С западной взволнованностью относился он к восточному пониманию Абсолюта, как Ничто.

Андрэ Жид — человек, который не мог простить Богу свое собственное тяжелое и безрадостное прошлое, не мог простить существование в мире зла. Однако в творчестве Жида чувствуется, что Бог его «преследовал», как Иова, «бежавшего от лица Господня».

Граф Антуан де Сэнт Экзюпери совсем не похож на представителю трагического экзистенциализма. Он молод и лучезарен. Творчество его и мироощущение напоминает у нас больше всего Гумилева и, перефразируя последнего, Сэнт Экзюпери мог бы сказать: «Всё в себе вмещает человек, который смел и любит жизнь». Он слишком полно живет «этой» жизнью, чтобы мучиться Богом, и стяжать царство, что не от мира сего. Впрочем он знает, что главное — это духовная, в конечном счете, религиозная жизнь, но как бы откладывает эту проблему на потом, так и не успев к ней подойти из-за преждевременной кончины военного летчика.

Андрэ Мальро относится к порожденной нашим веком плеяде борцов без знамени, к странствующим рыцарям неизвестного Бога. Он сражается в Китае, Испании, в рядах антифашистского французского движения сопротивления и считает, что все люди обречены жить в мире миражей.

Обращаясь к образу недавно столь трагически и преждевременно скончавшегося Альбера Камю, невольно кажется, что он сошел со страниц романов Достоевского, которого он так любил. Камю ищет Бога, но не может его принять. Весьма показательно, что его, например, мучает вопрос — можно ли быть святым без Бога. Главное для Камю — это честность, прежде всего, беспощадная честность по отношению к самому себе. Одна из основных его тем — это тема восстания (тема эта вообще характерна для современного язычества). Весьма типичны для него слова, которые он вкладывает в уста Каляева, которому он посвятил одно из последних своих произведений: «Я выбрал смерть, чтобы убийство не восторжествовало. Я избрал невинность».

Образом Камю Эмиль Ридо кончает первую часть своей книги, посвященную язычеству. Эта первая часть является самой главной, что подчеркивает сам автор, который в качестве подзаголовка к своей книге поставил: «Этюд о современном атеизме». Вторая же часть книги посвящена современным христианским мыслителям и писателям. На ней мы позволим себе остановиться несколько короче, думая, что мы при этом останемся верными замыслу автора, который, как мы только что писали, больше устремляет свое внимание на языческий лагерь.

Обзор современных христианских мыслителей и писателей Эмиль Ридо начинает с Паскаля. Дело в том, что современность Блэза Паскаля условна лишь хронологически. Этот мыслитель XVI века, обладая декартовской ясностью мысли, и будучи плодотворным христианским подвижником, является одним из основоположников экзистенциальной философии и влияние его на современных христианских экзистенциалистов несомненно.

Далее Ридо переходит к Киркегору — датскому мыслителю, мало услышанному в прошлом веке и лишь по настоящему оцененному современным экзистенциальным направлением в философии. Его глубокая религиозная взволнованность мало подходила к самодовольному XIX веку, но зато сегодня звучит особенно актуально. Как и Паскаль, он отказывается от «Бога философов», чтобы самой глубиной своего духа искать «Бога Авраама, Исаака и Иакова».

Совершенно другого склада основоположник современного интуитивизма — Анри Бергсон. Это не религиозный искатель, и философия его вовсе не центрирована на религиозной проблематике. Но во всем его творчестве есть огромная жизнеутверждающая сила, стремление к органическому пониманию мира и его первооснов, трепетное ощущение таинственности и несказанности последнего и запредельного.

Скончавшийся в 1949 году Морис Блондель близок к тому, что можно было бы обозначить в качестве «христианского прагматизма», хотя его построения не слишком близки к американской прагматической школе. Философия Блонделя — это философия опыта. Для него, например, основные философские положения живут не в их логической фиксации, а в акте.

Габриэль Марсель, пожалуй, самый видный представитель христианского экзистенциализма во Франции. У него есть живое восприятие проекции Св. Троицы на человеческую жизнь, в силу которой человеческое «я» фиктивно и нереально вне встречи с «другим» («ближним») и Богом. В его творчестве можно найти строки, переключаящиеся с блестящим изложением феноменологии «мы» С. Л. Франком.

Эманюэль Мунье — один из самых ярких представителей современного французского персонализма. Преждевременно скончавшийся в 1950 году философ (ему было тогда лишь 45 лет) был учеником и поклонником Н. А. Бердяева. Среди написанных им книг есть прекрасное изложение основ персоналистической философии. Редактируемый им в течение многих лет журнал «Эспри» и в настоящее время продолжает оставаться одним из влиятельнейших французских журналов.

Среди прочих мыслителей Эмиль Ридо останавливается на ряде представителей современного французского персонализма как Лабертоньер, Лавен, ныне здравствующий Ле Сенн, а также на неотомистах, в частности, на популярном профессоре Гарвардского университета Жаке Маритэне.

Касаясь современных христианских художников слова, Эмиль Ридо останавливается на замечательном поэте начала этого века — Пэпи, которого можно считать родоначальником христианской струи в современной французской литературе, на ныне здравствующем поэте Поле Клоделе, а также на прозаиках — преждевременно скончавшемся в 1948 году Жорже Бернаносе (перевод его «Дневника сельского священника» на русский язык был опубликован в журнале «Грани») и на ныне здравствующем католическом писателе Франсуа Мориаке.

Мы не будем здесь подробно останавливаться на тех выводах, которые делает автор в заключение своего обзора. Отметим лишь его веру в неугасимость христианства и в его возрождение в современном мире. При этом Ридо вовсе не преуменьшает своеобразной духовной силы современного язычества, но указывает на его внутреннюю безысходность. Из этого, однако, не следует близкая победа христианства над язычеством; это противоборство будет длиться до конца истории.

У книги Ридо есть свои недостатки. Не со всеми положениями автора можно согласиться. Однако нельзя не отметить, что это — прекрасное пособие по изучению современной духовной диалектики (этому, в частности, способствует довольно просторная библиография, которой снабжена каждая глава книги).

В заключение нам хотелось бы указать несколько слов о вопросе, которого вовсе не касается в своей книге Эмиль Ридо, а именно о язычестве в нашей стране.

Здесь можно указать, в частности, на две его распространенные формы — это язычество, условно говоря, бытовое, вытекающее из духовной пассивности, из невнимания к религиозной проблематике, и язычество от суеверия, от непросветленности веры. Внешне, однако, доминирует язычество иное — воинствующая антирелигиозность коммунизма. Но если еще во времена Маркса этот вид социального язычества обладал известной духовной напряженностью, то сегодня он абсолютно «выдохся». Антирелигиозные тезисы казенной коммунистической пропаганды на редкость бескрылы, они духовно и интеллектуально беспомощны и жалки. Это вовсе не духовная напряженность богоборчества, не духовная трагедия, а какой-то пошлый и безвкусный фарс, о котором, собственно, никакой книги и не напишешь.

Вл. Арсеньев

Советский человек

Под таким заголовком вышла в свет книга известного знатока Советского Союза, Клауса Менерта. Менерт в полной мере может считаться знатоком Советского Союза — не знатоком в кавычках, каких в наше время в разных странах развелось очень много, а человеком, который действительно всесторонне и глубоко понимает происходящее у нас на родине. Кроме хорошего личного знакомства со страной, кроме безукоризненного знания русского языка и симпатии к русским, у него при подходе к России имеются особые координаты, созданные специально для этой страны, для осознания в ней происходящего. У Менерта нет, как у многих других исследователей, желания мерить всё на один аршин. Россия для него — особый мир, со своими особыми чертами и ее только и можно рассматривать вне всяких «правильных» рамок, созданных не для России, а для ее изучения.

Klaus Mehnert. „Der Sovietmensch.“ 1959. Verlaganstalt, Stuttgart [fünfte Auflage]

Менерт — сын немецких родителей, живших в России. Его отец погиб в качестве немецкого офицера на западном фронте в первую мировую войну. Он заявил немецким военным властям, что он не хочет воевать против России, которая на протяжении стольких лет оказывала ему гостеприимство. Тогда времена были другие — его просьбу удовлетворили и он был отправлен на западный фронт.

Сам автор вместе с матерью выехал из России в Германию через Швецию уже в начале войны. В дальнейшем мать Менерта добилась того, что он прекрасно овладел русским языком и сохранил к России и к русскому народу лучшие чувства. Как признает сам Менерт, он всегда относился к России с интересом и симпатией, но он ее не идеализирует и старается видеть такой, как она есть. С русским народом надо быть не только в годы взлетов, но и падения, — всегда.

Автор книги указывает, что его всегда и прежде всего интересовал русский человек. Его мало трогали партийные дела и интриги, работа советского аппарата. Также не имеют для него первостепенного интереса такие вещи, как показатели народного хозяйства или вооруженные силы. Важны не столько миллионы тонн стали или тысячи самолетов, а какие люди этими миллионами тонн или тысячами самолетов будут распоряжаться.

Естественно, в краткой рецензии нельзя, хотя бы даже схематично, передать содержание книги. Книга Менерта содержит бесконечное количество отдельных мелких случаев и только знакомство со всеми этими частными случаями может дать ту полную картину, которую автор хотел и сумел дать. Поэтому мы ограничимся только некоторыми данными.

Один из кардинальных вопросов при подходе к проблеме России: сумели ли коммунисты создать особого советского человека, или русский человек сохранил свои национальные качества? На это, повидимому, напрашивается следующий ответ: конечно, многие десятилетия советского господства не могли не наложить свою печать на психологию народа. Эта психология, разумеется, эволюционирует — и не только у русских. Однако следует признать, что основные черты народа сохранились; советское влияние только внесло к ним кое-какие дополнения, но их не вытравило. Русский человек всегда был склонен к крайностям и не всегда придерживался того точного распределения сил и времени, которое свойственно более «педагогичным» народам. Это — не недостаток, это — особое свойство. За советское время народ стал как будто более дисциплинированным и сдержанным. При этом, очевидно, что сама индустриализация, создание современного «промышленного» общества оказывают на это влияние. Дело тут не только в советском строе. Например, в Германии во

времена Гёте люди были явно экспансивнее, менее склонными к дисциплилине в повседневной жизни; это видно из многочисленных писем и других документов. Такой процесс в какой-то мере затрагивает все народы. Конечно, советская власть пыталась у русского народа выправить его бывлые качества и превратить его в бессловесного робота. Но, повидимому, ей это не удалось.

Разбирая общественную среду, на фоне которой автор видит массу интересных явлений и людей, он указывает, что прежде всего поражает в Советском Союзе неравенство. Такого расслоения, как в СССР, нет нигде в современном мире. Одни люди живут в нищете и бесправии, другие — купаются в богатстве и им открыты все блага жизни. Рабочий может получать немногие сотни рублей в месяц, а многие «крупные деятели» — по нескольку десятков тысяч.

Отдельные слои населения — хозяйственники, инженеры, партийная бюрократия, офицеры, среда артистов и художников — сильно отличаются друг от друга по положению в обществе. Интеллигенция весьма многочисленна. Пожалуй, самый бесправный слой — крестьянство. Рабочим иногда льстят, что их превозносят, называют правящим слоем и т. д., но с другой стороны, они не могут не чувствовать, что власть их бессовестно эксплуатирует и что на практике они не такие господа положения, как это официально говорится.

Автор ставит вопрос: имеются ли люди, искренне любящие советскую власть? Тут-же он отмечает, что иностранцу найти таких людей очень трудно. Очень много людей эту власть не любят, даже проклинают. Однако власть стала чем-то привычным, люди не представляют — какой другой порядок вещей может иметь место. Можно найти много людей, которые даже начнут в разговоре защищать власть и ее «достижения». Однако, если начать с этими людьми более продолжительный и детальный разговор, то окажется, что в конце концов их приятие власти сводится к чему угодно, только не к симпатии к самой власти. Один человек даст понять, что он вырос в стране, получил там образование, имеет друзей, и жизнь в другой стране для него неприемлема. Другой начнет доказывать, что всё происходящее в СССР не всегда приятно, но соответствует каким-то «научным» понятиям. Почти все сходятся на том, что жизнь под советской властью — что-то само собой разумеющееся; многие делают из этого вывод — раз это так, то нечего власть и ругать. Ведь никто же не ругает холод или дождь, хотя они могут быть неприятными!

Привычка к власти — одна из причин, почему власть держится. Советское правительство использует эту привычку людей в полной мере и не без успеха. Власть прекрасно знает, что любовь народная ей не принадлежала и принадлежать не будет.

Разбирая проблему личности и коллектива, Менерт говорит, что на протяжении десятилетий и столетий русский человек привык к той или иной форме коллектива. Например, всем известен сельский «мир». И сейчас часто видно, что русские люди охотно объединяются в разного рода коллективы. Чувство локтя проявляется где угодно: просто в поезде, в купе вагона. Однако эту симпатию к коллективу не следует смешивать с отношением русского человека к колхозам и прочим видам советских коллективов. Эти коллективы — не что иное, как навязанная сверху организация и она далеко не во всем отвечает характеру русского человека. Эти коллективы всё, что угодно, но не результат любви русского человека к общению с другими людьми.

Другая черта народа — его патриотизм. Этот патриотизм был всегда — не советская власть его создала. Она только не сумела его задуть — и в этом ее спасение! Она использовала патриотизм самым бессовестным способом, в частности, во время второй мировой войны. Любовь к «Матушке-России» — старое чувство и оно оставалось живо всегда — даже в годы, когда советская власть с ним боролась.

Говоря о русских, Менерт, прежде всего, имеет в виду великороссов. Именно последние дали всей огромной стране ее лицо, ее дух, культуру. Все прочие народности играли всегда подсобную роль — не в силу того, что им не давали хода, а просто в силу их меньшего значения в жизни всей страны.

Менерт указывает, что он всегда старался видеть вещи какими они являются. Это, однако, не мешает его отрицательному отношению к режиму. Быть нейтральным к этому режиму — нельзя.

Мы коснулись только немногих вопросов, затронутых автором в его книге. Но всякий, кто даст себе труд ознакомиться с этой книгой — найдет ответ на самые разнообразные вопросы, причем не только на сегодняшний день, но и в их историческом аспекте — как обстояло дело много лет тому назад.

Укажем в заключение, что Менерт много раз — до и после второй мировой войны — был в Советском Союзе, жил там подолгу и видел наш народ в самые разнообразные эпохи и при самых невероятных «загибах» политики партии. Поэтому, можно сказать, что труд Менерта несомненно является ценным вкладом в дело познания СССР, и он важен и интересен не только для иностранца, но и для русского, который интересуется проблемами своей страны и следит за ходом событий.

Л. З.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Наша общественность должна встать на защиту политзаключенных

Уважаемая редакция!

Прошу опубликовать это письмо. Надеюсь, что его прочтут соотечественники на родине.

За последние годы пресса КПСС несколько раз объявляла об амнистии разных категорий заключенных. В 1955 году был издан Указ об амнистии заключенных, отбывавших наказание за так называемые «измену родине», «сотрудничество с немцами» и т. п. Под эту амнистию, согласно утверждений власти, подходят военнослужащие, попавшие в плен к немцам, власовцы и др. Наконец, в 1958 году было объявлено о ликвидации исправительно-трудовых лагерей и создании исправительно-трудовых колоний с отбытием заключения в районах места жительства. Хрущев и другие руководители партии и правительства неоднократно заверяли мировую общественность в том, что в нашей стране больше нет политических заключенных. А партийная пресса, особенно в последнее время на все лады расписывает гуманность органов Государственной Безопасности после их перестройки.

Однако «Известия» от 26 января текущего года статьей «Отцепенцы», которая подписана неким Еф. Попок, ставят под сомнение все вышеприведенные утверждения власти. Статья описывает один частный случай. Уголовный преступник, Александр Маринов, содержащийся в местах заключения в Коми АССР, завел массовую переписку с семьями и с родственниками людей, пропавших во время Отечественной войны. Он называл себя их пропавшим родственником, писал, что находился в плену, потом в заключении без права переписки, и выманивал посылки и денежные переводы на крупные суммы. Могущество велось в крупном масштабе. Александр Маринов получал посылки, денежные переводы и сотни писем со всех концов страны от несчастных людей, которые думали, что нашли давно пропавшего в войну близкого человека. Но для того, чтобы подделать письмо к родственникам — к жене, к близким людям, — необходимо достаточно хорошо знать семейное положение человека, от имени которого вы пишете, необходимо знать не только собственные имена членов его семьи, но и то, как он, например, называет свою жену дома — попросту и в письмах, необходимо знать его отношения с различными членами семьи, надо знать много мелочей, деталей интимного, семейного характера. Каким же образом мог получать уголовник Маринов материал для составления писем? Как это объясняют

«Известия»? Цитируем по тексту: «Завязывая знакомства с заключенными, он (Маринов) выпытывал у них сведения о людях пропавших без вести, об их родных, близких и друзьях».

Мне кажется совершенно невероятным, чтобы таким путем от посторонних людей можно было собрать достаточно материала даже для подделки одного письма, не говоря уже о ведении регулярной переписки. Если бы дело обстояло так, как пишут «Известия», мошенник был бы сразу разоблачен, он не смог бы годами обманывать десятки, сотни людей.

Другое дело, если Маринов был лично знаком с теми людьми, от имени которых он рассылал письма. Вот, если бы Маринову действительно пришлось быть вместе с заключенными без права переписки и со строгой изоляцией, и если бы они рассказывали ему о себе, о своих семьях, дали бы адрес, а быть может и сунули бы записочку для передачи на волю, тогда Маринов наверно смог бы подделать письма родственникам этих людей. Так оно по всей вероятности и было. Но почему же партийная газета, вместо того, чтобы описать всё правдиво — как оно было, врет и извращивается? Потому что своими мошенническими операциями с письмами уголовник Маринов занимался совсем недавно — в 58-м, вплоть до конца 59 года, т. е. после всех амнистий, после объявления о расформировании исправительно-трудовых лагерей. Если бы все те, от имени которых писал письма Маринов, вышли бы уже на волю или по крайней мере получили право переписки, то Маринов не смог бы обманывать их родственников. Власть пытается скрыть от народа тот факт, что до сих пор, после всех амнистий и заверений, еще тысячи и тысячи людей, арестованных после войны и плена, находятся в лагерях строгой изоляции без права переписки, а сотни тысяч заключенных погибли от голода и невыносимых условий в лагерях дальнего Севера, не дождавшись освобождения.

Уголовник Александр Маринов совершил бесспорно опротивительное преступление, наживаясь на страданиях людей и спекулируя родственными чувствами их близких, но кто создал условия, при которых возможны подобные дела? Кто виноват в том, что наши родные и близкие люди даже не имеют возможности написать нам коротенькое письмо, кто создал всю страшную систему каторжных лагерей? Виновники всех наших страданий это те, кто сегодня льет крокодиловые слезы над поступком Маринова. Да и не Маринов первый придумал спекулировать на родственных чувствах! Система заложничества, практикуемая властью у нас на родине, — разве это не самая низкая спекуляция на родственных чувствах людей, проводимая в общегосударственном масштабе? А шантаж родственниками вот уже сорок с лишним лет является излюбленным методом «работы»

органов государственной безопасности. В частности, в последнее время сотни эмигрантов-антикоммунистов, ведущих активную борьбу с режимом, получили письма от родственников, инспирированные КГБ. При помощи подобных писем КГБ пытается завлечь этих людей в ловушки или вынудить их прекратить борьбу.

Но почему же именно дело Маринова было опубликовано на страницах центрального правительственного органа? Почему власть посчитала нужным придать этому делу такую широкую огласку, несмотря на то, что каждый, прочтя статью, может сделать и невыгодные для власти выводы?

Потому что слухи о наличии многих тысяч заключенных времен войны, содержащихся до сих пор в строгой изоляции, проникли в народ. Возможно кое-кому из несчастных удалось нелегально сообщить родным о себе через амнистированных и возвратившихся домой заключенных. Цель статейки в «Известиях», под названием «Отцепенцы», опровергнуть эти слухи, успокоить и дезинформировать народ. Мораль этой статейки такова: «Вот, мол, товарищи, вам могут прийти нелегальными путями письма от ваших близких, пропавших без вести в войну, из мест заключения. Не верьте этим письмам. Ваших близких в местах заключения нет. Все, кто сидел за военные преступления — амнистированы. Это просто жулики пользуются именем ваших близких, чтобы вас эксплуатировать. Доносите о всех полученных из мест заключения письмах в милицию, в «органы» — это в ваших же личных интересах. Вот, видите, как заботятся о вас добрые органы госбезопасности, милиция, родное правительство...»

Мне хочется через ваше издание обратиться к нашей общественности с призывом встать на защиту соотечественников, которые еще до сих пор, со времени окончания войны, находятся в заключении. Настоящая обстановка в стране такова, что сейчас имеются возможности делать запросы в официальные учреждения, в редакции газет, и давить на власть.

В своих запросах о заключенных, еще не отпущенных домой, можно ссылаться на указы об амнистии, на заявления руководителей партии и правительства, на заявления самого Хрущева, напечатанные в газетах. Требуйте опубликования точного количества заключенных, разрешения для заключенных свиданий с родственниками и переписки.

Требуйте опубликования имен погибших в лагерьх принудительного труда и уведомления об этом их родственников и близких.

Требуйте полной амнистии для политических заключенных, амнистии для власовцев и других, осужденных после войны.

Позорная практика карательной политики власти должна быть изменена.

Ю. Васильев

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Из Резолюции Совета НТС по отчетному докладу Исполнительного Бюро Совета за 1958—1959 годы

I

Совет Союза, выслушав и обсудив доклад Председателя ИБ о работе ИБ за отчетный период 1958—59 гг., одобряет его деятельность и считает правильным проведение им политической линии Союза, намеченной решением Съезда Совета 20—24 января 1958 г.

II

За истекший период на территории нашей страны наблюдались возникновение и рост революционных групп, усиление их активности и, особенно, развитие организационных форм, чему способствовала деятельность Союза.

Реакцией коммунистической власти на этот процесс явилась активизация политической и террористической деятельности, направленной против НТС как внутри страны, так и во внешнем мире.

Эта реакция, осложняя нашу работу за рубежом, одновременно показывает, что КПСС не может остановить планомерного развития революционного процесса внутри страны. Это создает благоприятную обстановку для решения этапных задач, поставленных Советом Союза.

Для осуществления поставленных перед Союзом задач, Исполнительное Бюро провело ряд мероприятий организационного характера по соответственной дислокации сил и мобилизации кадров и ресурсов в главном направлении.

Дело борьбы обеспечивалось созданием нужных пропагандных материалов и отстройкой системы продвижения их в главном направлении, несмотря на появившиеся технические и другие трудности.

В течение последних двух лет активный кадр зарубежной союзной организации в массовом порядке вошел в контакт с соотечественниками из России.

III

Главной задачей на текущем этапе является отстройка связи с действующими в России революционными группами и создание новых революционных групп . . .

НАШИ ИЗДАНИЯ

ПОСЕВ

ГОЛОС РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

Год издания XVI

Выходит по воскресеньям

Условия подписки на «Посев»:

Цена отдельного номера — 70 пф.

на 3 м-ца — 7.80 НМ; на 6 м-цев — 15.60 НМ;

на 12 м-цев — 31.20 НМ

ГРАНИ

Журнал литературы, искусства, науки и общественной мысли.

Год издания XV

Выходит 4 раза в год

Условия подписки на «Грани»: Цена отдельного номера 6 НМ

На 12 м-цев — 20 НМ.

НАШИ ДНИ

Журнал общественно-политической мысли

Условия подписки: на 8 номеров в год — 16 НМ; на 4 номера, полгода, — 9 НМ. Цена отдельного номера — 2.50 НМ.

Выписывайте и читайте газету «Посев», журнал «Грани» и

«Наши дни».

Заказы направляйте по адресу:

POSSEV-Verlag, FRANKFURT/Main, Merianstr. 24-a
или обращайтесь к представителям «Посева», имеющимся
почти во всех странах мира.

НАШИ АВТОРЫ

- † *Вл. Арсеньев* — публицист, социолог, член постоянного редакционного совещания еженедельника «Посев» и его ответственный секретарь, сотрудник журнала «Грани».
- Е. Гаранин* — публицист, юрист, член постоянного редакционного совещания еженедельника «Посев». Член Совета НТС.
- Л. Зальцберг* — инженер, экономист, член постоянного редакционного совещания еженедельника «Посев».
- К. Кипиани* — журналист, перешедший на Запад в 1958 году. Сотрудник радиостанции «Свободная Россия» и еженедельника «Посев».
- С. Кирсанов* — инженер, публицист, член постоянного совещания редакции еженедельника «Посев». Член Совета НТС.
- Б. Кирюшин* — историк, публицист. Сотрудник еженедельника «Посев» и журнала «Грани».
- И. Курганов* — председатель Конгресса за права и свободу в России, состоявшегося в Гааге в апреле 1957 года.
- В. Поремский* — Председатель Народно-Трудового Союза (русских солидаристов).
- А. Светов* — инженер, публицист, член редакции еженедельника «Посев» и журнала «Грани».

Главный редактор **Е. И. Гаранин**, Зам. главного редактора **А. С. Светов**
Редакционная коллегия **В. В. Арсеньев, А. Н. Неймирон, Р. Н. Редлих, Л. Ф. Федоров**
Адрес: **Possev-Verlag, Frankfurt am Main, Merianstr. 24 a, Germany**

Член редакции журнала «Наши Дни» Вл. Арсеньев — Алексей Владимирович Поремский, — трагически погиб 18 марта с. г. от несчастного случая, когда номер был уже сверстан. В следующем номере (№ 3) редакция даст очерк краткого жизненного пути и творчества дорогого нашего друга А. В. Поремского.

3 руб.